

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ТАНКИСТЫ

Annotation

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги.

Июль 1941 года. Бронированная армада вермахта рвется на восток. Красная Армия из последних сил сдерживает натиск врага. В числе тех, кто умело бьет фашистов, экипаж Т-34 младшего лейтенанта Алексея Соколова. Танкистам поручено возглавить рейд в тыл противника. Там, в окружении, сражаются остатки корпуса генерала Казакова. Спасти комкора и находящуюся при нем секретную часть – задача непростая, ведь точные координаты бойцов неизвестны. Но отчаянного Алексея Соколова это не пугает, у него уже созрел план дерзкой операции...

- [Сергей Иванович Зверев](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
-

Сергей Иванович Зверев

Танкисты

© Зверев С.И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

В первые же дни войны фашистам удалось во многих местах прорвать оборону развернутых в спешке приграничных частей Красной Армии. В прорыв бросались танковые армады с крестами на бортах, которые ускоренными маршами по дорогам двигались на восток. В Западном Особом военном округе сложилась критическая ситуация. Излюбленные немцами «двойные клещи» охватывали советские войска с севера и юга. 2-я и 3-я танковые группы обходили наши войска с целью соединиться западнее Минска, образовав огромный «котел» на Белостокском выступе. Дополнительно 7 армейских корпусов и 20 пехотных дивизий гитлеровцев, сведенных в 2 полевые армии, вели интенсивное наступление с целью соединиться восточнее Белостока.

Отчаянный контрудар Красной Армии 24 июня в районе Гродно силами сводной конно-механизированной группы результата не дал. Господствующая в воздухе немецкая авиация начала бомбить атакующие войска уже на линии развертывания. Несколько попыток пробить подготовленную немецкую противотанковую оборону привели только к большим потерям корпуса без получения стратегического преимущества. Несмотря на отдельные удачные действия командиров, прорвавших оборону немцев и вышедших на окраину Гродно, это на общее положение наших войск не повлияло. Командир группы генерал-лейтенант Болдин отдал приказ к отходу на восток.

В результате уже к 25 июня 1941 года советскому командованию стало ясно, что охват гитлеровцами Белостокского выступа грозит полным окружением войск Западного фронта. Иного выхода, как только отводить войска на новые рубежи обороны, не было. 3-я и 10-я армии получили приказ отступать на Новогрудок и Слоним. Чтобы сохранить пути отступления армий, в арьергардные бои были брошены наиболее боеспособные части, вставшие заслонами в районе Волковыска и Зельвы и принявшие на себя страшные удары немецких танковых колонн.

Немецкие самолеты уже несколько часов добивали все, что оставалось от корпуса. Примчавшийся на броневом автомобиле представитель штаба округа, который теперь назывался штабом фронта, имел на руках приказ перебросить танковую дивизию из состава корпуса генерала Казакова и всю тяжелую артиллерию, включая три батареи 82-мм минометов, на север, в район Слонима. Причем в приказе было указано просто дикое количество

танков, которые генерал Казаков должен был передать под чужое командование. Дикое, потому что корпус не был укомплектован по штату военного времени, его подняли по тревоге и бросили на запад без боеприпасов, без горючего.

Из 105 положенных по штату тяжелых танков «КВ»: танковые дивизии имели лишь десяток, да и те стояли в ремонтных мастерских с разобранными двигателями и трансмиссиями. Из 210 средних танков «Т-34» имелось только 80 машин. Подготовленные экипажи, уехавшие на завод получать машины, так и не вернулись. Некомплект был и легких «БТ-7» и «Т-26». Не укомплектована по штатам военного времени была и моторизованная дивизия. Фактически это была обычная пехотная дивизия со штатом мирного времени. До 60 % личного состава и до 40 % боевой техники.

Казаков получил корпус за месяц до начала войны, когда его перевели с Дальнего Востока в Западный Особый военный округ. Сформировать полноценный механизированный корпус он так и не успел. После нескольких дней боев, маневрируя, выводя свои части из-под ударов на новые рубежи, нанося удары ответные, Казаков сумел сохранить основные силы, хотя потери были понесены ощутимые. Особенно в танках и артиллерии. И вот теперь некий полковник с приказом в руках, продублированным приказом по радио, повел полученные части напрямик к Слониму и сразу подставил под массированный удар авиации на рокадном направлении. Генералу ничего не оставалось, как только стиснуть зубы и продолжать держать оборону на своем участке. Он получил сведения, что севернее вышла немецкая танковая группа, но разрешения помочь он не получил.

А под утро всем, что у него осталось, Казаков вынужден был контратаковать вместе с соседями с целью захвата Ивацевичей – крупного транспортного узла на пути на Минск. Остатки корпуса не успели выйти к шоссе, когда с фланга ударила немецкая механизированная группа, а с севера атаковала танковая армия, развернувшая острие своего ударного клина на юго-восток, чтобы замкнуть кольцо вокруг остатков советских дивизий в приграничных районах.

В результате корпус был буквально разрезан на части. Бригады и полки дрались в полном окружении, первое время поддерживая связь со штабом корпуса. Потом связь стала прерываться. Когда немцы вышли к Минску, от корпуса осталось не больше полка. Почти без артиллерии, с несколькими танками и бронемашинами, корпусу приказали встать заслоном перед Слуцком. Напрасно Казаков пытался доказать, объяснить,

что позиция, выбранная наспех паникующим начальством, смертельна для остатков соединения. Что для обороны нужно отойти дальше, к Слуцку, оставив Лядно и Селище.

В чистом поле не успевшую окопаться пехоту просто давили танками. Сотни людей метались, отстреливаясь из винтовок, пытались контратаковать, но их давили и расстреливали в упор. Если бы перед Казаковым сейчас предстал хоть один из тех штабистов, кто отдавал последний приказ, он бы, наверное, застрелил его. Собрав в кулак всю технику, Казаков в нарушение приказа перешел в атаку, вывел остатки полка из боя и увел в леса южнее Слуцка. Держать оборону, когда за твоей спиной уже прорвались сотни танков и вышли на окраины Слуцка, было бесполезно.

Майор Штанге шел по лесу, постукивая веточкой себя по голенищу сапога и заглядывая в лица мертвых красноармейцев и командиров. «Кубики» на петлицах и у этого, и у этого тоже. У этого две «шпалы», как их называют русские. Вон еще майор, этот капитан. Да и по возрасту они слишком молоды. Генералу Казакову сорок два года, и, судя по фотографии, которая была у майора Штанге, тот имел внушительную внешность и сильное, волевое лицо. Нет, этот советский генерал не станет переодеваться в гимнастерку лейтенанта или капитана. Он будет умирать с генеральскими звездами на петлицах. Черт бы его побрал!

Лейтенант Вигман перепрыгнул через ручей, прошел осторожно между телами, вытирая ладони и шею носовым шелковым платком. Помощник майора был слишком большим любителем чистоты и очень боялся вшей. Поэтому и белье носил только шелковое. И этот платок...

— Представляете! — Лейтенант вытер шею платком и покачал головой. — Они добивают раненых.

Майор повернул голову на звуки редких одиночных выстрелов и автоматных очередей, которые были слышны из леса, и пожал плечами.

— Почему они должны возиться с ранеными, терять время, чтобы спасти жизни этих людей? Я строго приказал не добивать командиров без допросов и установления личности, а остальные... Вы, Вигман, слишком чувствительны. Это славяне, не стоит относиться к ним как к людям. Это низшая раса.

— Помнится, вчера вы мне говорили другое, — поморщился лейтенант. — Вы говорили, что у русских великолепная техника, что они кое в чем обошли нас. И с их разведкой нам придется серьезно повозиться.

— Да, — вздохнул майор. — Я это вчера вам говорил. Я вам еще скажу, что эта война не будет такой простой, как предполагалось. В отличие от

поляков, чехов, французов, они не поднимают руки, когда захвачено их полковое знамя, когда попадают в окружение. Они дерутся как звери, хотя смысла в этом нет уже никакого. Умные французы сразу капитулировали, как только мы взяли Париж. Цивилизованная война, а здесь мы столкнулись с дикостью. Иногда, скажу вам по секрету, Вигман, мне становится страшно от таких огромных расстояний, с которыми мы столкнулись здесь, и от понимания того, насколько велики у этого народа людские ресурсы. Они могут бесконечно пополнять ряды своей армии.

– Мы можем лишить их ресурсов, и тогда армия станет бесполезной и небоеспособной.

– Да, – кивнул майор, – только до этих ресурсов еще дойти и доехать надо. Как бы у нас собственные не закончились к тому времени. Ну что, генерала Казакова здесь нет, надо полагать? Опять он со своим штабом ушел. Скажите, чтобы документы убитых русских сложили на заднее сиденье нашей машины. И не бледнейте так при виде окровавленной солдатской книжки, Генрих. Это просто неприлично для офицера абвера.

Штанге с усмешкой покровительственно похлопал лейтенанта по плечу и пошел дальше по лесу, где только недавно отгремел бой. Русские дрались ожесточенно, до последнего патрона. А когда патроны кончались, они бросались в контратаку. Почему? Этого майор понять не мог. Ведь проще же сдаться, проще остаться в живых. И кто когда узнает, как ты попал в плен? Сам поднял руки или тебя захватили насильно раненым, оглушенным. Да и кто будет доказывать, когда этой стране с коммунистическим режимом осталось существовать... Майор поморщился. Честно говоря, в последние дни он что-то стал сомневаться, что эта война закончится победоносно до осени. «Ладно, мне нужно искать генерала Казакова, а тактика и стратегия – это не для меня».

Младший лейтенант Алексей Соколов, сидя в люке своей «бетушки», как танкисты называли танки «БТ», стянул с головы шлемофон и рукавом вытер грязное лицо. Над лесом и полем висли тяжелые, мрачные тучи, готовые вот-вот разрядиться стеной дождя. Где-то за этими тучами садилось и все никак не могло сесть солнце. Темнота не наступала, она медленно наваливалась смертельной усталостью, вползала в воронки, перепаханные взрывами окопы. Соколов с сожалением смотрел на поле боя, где все еще дымили восемь немецких танков, восемь бронетранспортеров, а земля, изрезанная гусеницами и взрытая снарядами, была усеяна телами в чужих ненавистных мундирах. «Батальон мы их тут положили, не меньше», – подумал он.

Оставлять такую позицию было жалко, но и удержать ее было

невозможно. Немцы обходили дивизию с флангов, судя по донесениям, танковый батальон Соколова во время контратаки потерял больше половины танков и сейчас отрезан от основных сил дивизии. Взвод химзащиты уложил на левом фланге обороны дымовые шашки, и теперь перед позициями поредевших рот плыл седой пеленой дым, скрывая все, что в спешке происходило на линии обороны.

Спрыгнув с танка на землю, Соколов встал перед люком механика-водителя и подал команду выезжать из вырытого танкового окопа. Машина заурчала двигателем и поползла по песку вверх. Неподалеку из окопов выезжали два других танка взвода Соколова. Ездовые выводили из леса лошадей и вытягивали с позиций две последние 45-миллиметровые пушки, на опушке спешно рыли братскую могилу для погибших. Первые пехотные колонны, грузовики и подводы с ранеными потянулись вдоль леса по проселку на восток.

«Сколько уже было таких позиций, – с тоской подумал Соколов, – сколько уже земли осталось за нами под фашистским сапогом, сколько уже похоронено погибших. И конца и края не видно!»

– Что, уснул, танкист? Поторапливайся!

Соколов обернулся и увидел командира стрелковой роты, капитана Яковлева. Перевязанная бинтом поверх грязной гимнастерки рука, копоть на щеке. Капитан хлопнул Соколова по плечу и пошел дальше, выкрикивая через плечо:

– Загони свои «коробочки» до темноты в лесок. А то налетят опять их самолеты и пожгут тебя.

Яковлев с остатками двух стрелковых рот оставался на разбитых позициях прикрывать отход полка. Меньше сотни человек, две пушки-«сорокапятки», с десятков противотанковых ружей, четыре «станкача» и столько же ручных пулеметов. Сколько они продержатся? Час, два, пять? Никто этого не знал. Они оставались для того, чтобы зубами, ногтями вцепиться в землю и дать отойти своим войскам, дать возможность дивизии закрепиться на новом рубеже, зарыться в землю и снова принимать на себя удары превосходящих сил противника.

Полк отдал ротам почти все свои боеприпасы и забирал с собой три последних танка. Все знали, что роты, скорее всего, погибнут здесь. Знали это солдаты и командиры, которые сейчас, пока еще было светло, зарывались в землю, откапывали стрелковые ячейки и пулеметные гнезда. Несколько человек на глазах Соколова поползли от окопов вперед с ящиками. Они постараются заминировать танкоопасные направления. А Соколову с его тремя танками было приказано уходить вместе с

последним полком.

Всю ночь дивизия шла почти без остановок. Часть раненых отправили на станцию Узловую, где их должен был забрать санитарный поезд. Несколько машин сломались, и их оттащили на край дороги. Под утро в маленьком городке помпотех реквизировал пять полуторок для нужд армии.

Соколов сидел на башне, свесив ноги в люк головного танка, и тер глаза. От пыли они слезились и зудели, но боевой устав требовал на марше самого тщательного наблюдения за обстановкой. Механики-водители то включали, то выключали фары на своих машинах. В темноте танки клевали передней частью в большие ямы, и молодой командир беспокоился за подвеску. Кончалось горючее, боезапаса в танках почти не было, механики под утро устали так, что засыпали почти на рычагах своих машин. Соколов распорядился сесть за управление командирам танков и сам сменил своего водителя.

Самолеты налетели на рассвете. Небо только начало светлеть, над горизонтом сквозь облачность стало появляться небо, и сразу в низинках пополз туман. Две пары «мессершмиттов» шли над дорогой, и их было видно издалека. Тут же по колонне пронеслась команда «воздух». Ездовые били коней, пытаясь свернуть и укрыться с повозками в лесу, пехотинцы бросались врассыпную подальше от дороги, падая в траву, забиваясь в овражки.

Соколов увидел самолеты через открытый люк еще до того, как его заряжающий Луговой закричал в переговорное устройство:

– Товарищ командир, воздух! Спереди идут... на бреющем.

Соколов не видел, он скорее почувствовал, как сержант быстро сползает в люк и пытается его закрыть за собой.

– Куда, Никонов? Подать команду остальным! В лес, всем свернуть в лес! – кричал Соколов, разворачивая свой танк.

Командовать нерадиофицированными танками даже на марше, а не в бою было сущей морокой. Молодой командир столкнулся с этим сразу после танковой школы, откуда пришел в войска. В школе они обучались на машинах, в которых стояли рации, и командирам не нужно было появляться на башне и подавать сигналы своим танкам специальными жестами. Младшему лейтенанту пришлось учиться самому и учить командиров танков своего взвода полагаться на инструктаж и формулировку приказа, постановку боевой задачи перед боем. А во время боя полагаться на каждого своего подчиненного и верить, что он все запомнил и понял все правильно и ничего не перепутает в бою. Долго

осваивать науку боя на танках с отсутствием в них УКВ-передатчиков не пришлось. Через месяц началась война.

Соколов, не форсируя двигатель, переехал рытвину на обочине дороги и вломился гусеницами танка в густой кустарник. Не видя с места механика-водителя, что творится на дороге, он даже сквозь лязг гусениц и рокот двигателя слышал разрывы небольших бомб, которые сбрасывали немецкие истребители. Вот, судя по звуку, две пары самолетов прошли над дорогой, поливая ее из пулеметов. Сейчас вернутся.

Открыв люк, Соколов выбрался наружу и присел возле левой гусеницы танка. Из-за крайних деревьев ему хорошо было видно, что творилось на дороге: лежали тела убитых красноармейцев, перевернутая повозка, возле которой билась раненая лошадь, чуть в стороне горела санитарная машина, из которой девушки-санитарки и несколько бойцов выводили и выносили раненых.

Рядом с командиром на траву опустились командиры двух других танков взвода. Коренастый смуглый Луговой, посасывая костяшки ободранных пальцев, тихо матерился, глядя на дорогу.

– Кто же проворонил самолеты! «Мессеры», истребители-штурмовики! Охотники! Так и рыщут по дорогам, наши колонны штурмуют постоянно. Ведь на марше всегда наблюдатели выделяются.

– А как ты их увидишь, когда они над лесом шли, только что по макушкам брюхом не чиркали, – возразил рассудительный сибиряк Доброжин. – Да и успеешь, поди скорость-то у ихних истребителей какая.

Гул авиационных двигателей нарастал. Где-то впереди начали бить зенитные пулеметы, слышались хлопки отдельных ружейных выстрелов. Соколов машинально подобрал под носком сапога сухую веточку и сломал ее со злостью.

– Хоть бы один сбили, хоть один, – процедил он сквозь зубы. – Другие не вели бы себя так нагло.

– Поди попади в него на такой скорости, – снова начал было Доброжин, но Луговой толкнул его в бок кулаком.

– Смотрите, товарищ младший лейтенант, наш! «Ястребок»!

Соколов вскочил на ноги и повернул голову в сторону, куда показывал сержант. Оттуда нарастал звонкий и такой родной звук мотора «И-16». Тупоносый истребитель с красными звездами на плоскостях вынырнул из-за туч со стороны солнца. От него сразу протянулись в сторону немецких самолетов две яркие трассирующие полосы. Обе пары «мессеров» разошлись в разные стороны, набирая высоту.

– Давай, «ишачок», давай, родной, – чуть ли не приплясывал от

возбуждения рядом с командиром Луговой. – Всыпь им по первое число!

Советский истребитель явно проигрывал немецким в скорости. Он тоже начал набирать высоту, но когда первая пара «мессеров» развернулась и попыталась атаковать его, «ястребок» упал на крыло и буквально на месте развернулся в воздухе, демонстрируя невероятную маневренность. Вторая пара проскочила над краснозвездным истребителем, и тут же ведомый подставил советскому летчику свой хвост. Немец попытался уйти испытанным способом: войдя в пикирование, набрать на снижении скорость и потом оторваться от преследователя с набором высоты. Но советский летчик, видимо, знал хитрости немецких асов. Он не пошел догонять «мессер» в пике, а дождался, когда тот стал выходить в вертикаль, и прошел его очередями из двух пулеметов.

«Мессершмитт» сразу потерял скорость, за ним потянулся белый шлейф, и он стал медленно терять высоту. Над дорогой поднялось невероятное ликование: красноармейцы подбрасывали в воздух пилотки и даже каски. Немецкий самолет все падал и падал, а потом исчез за лесом, откуда взметнулось огненное облако и раздался грохот взрыва.

А бой продолжался. Три немецких истребителя вытянулись в линию и атаковали краснозвездную машину один за другим. «Ястребок» крутился, огрызаясь короткими очередями, сам переходил в атаку из самых неожиданных для врага положений. И вот еще один «мессер» вдруг отвалил в сторону и на маленькой скорости потянул на юг над самыми верхушками деревьев. Видимо, у него были серьезные повреждения.

– Эх, суки! – закричал Луговой и грохнул кулаком по крылу над гусеницей танка.

Советский истребитель как будто натолкнулся в воздухе на невидимую стену. Из двигателя стали вырываться языки пламени, потянулся хвостом черный дым. Еще немного – и самолет клюнул носом и, вращаясь вокруг одного крыла, полетел к земле. Все, кто наблюдал за воздушным боем, замерли, но потом над дорогой пронесся вздох облегчения и ликования. Купол парашюта вспух над лесом белым облаком. Снова заработали зенитные пулеметы, и «мессеры» ушли за лес в южном направлении. Над дорогой слышались голоса командиров: «Отбой воздушной тревоги».

– Товарищ младший лейтенант, ну почему он был один, где наши соколы? – повернулся к командиру Луговой. – Ведь неделю, неделю уже отступаем, а где наша армия, где авиация? Ведь мы же должны железным кулаком... собраться... ведь как мы пели, помните...

Соколов видел, как наливаются слезами негодования глаза сержанта-сверхсрочника, как стискиваются его кулаки до белых костяшек пальцев.

Надо было что-то отвечать, надо было как-то объяснить своим танкистам. Он же командир, он обязан все знать и поддерживать в них боевой дух. Хотя боевого духа как раз хватало. В бой танкисты вступили на следующий день после начала войны, 23 июня. После ночного марша они с ходу атаковали передовые части фашистов. Атаковали и отбросили. И, выполняя приказ, закрепились на этих рубежах. Это был первый бой молодого лейтенанта Алексея Соколова. Он был горд, что его взвод уничтожил два вражеских танка и несколько десятков человек пехоты. Они полдня выкапывали тремя экипажами танковые окопы, как и положено по уставу. И к полуночи, упав без сил, но полные желания по приказу командира корпуса вскочить и занять места в боевых машинах, они говорили и говорили о вероломном враге, о том, что сейчас Красная Армия соберется в кулак и вышибет обнаглевшего агрессора со своей земли. Но в час ночи пришел приказ сниматься с позиций и отходить на восток.

И вот неделя прошла, а корпуса и дивизии все отступают и отступают. Обливаясь кровью, хороня бойцов, оставляя сгоревшие танки, отходили, оставляя свою землю врагу, оставляя поселки, даже города. Вот уже сто километров от границы, вот уже двести... Соколов стянул с головы шлемофон, взъерошил свои светлые волосы и, откашлявшись, заговорил с интонациями, которые слышал у полкового комиссара за несколько дней до войны на собрании офицеров полка. Молодому командиру было трудно говорить, потому что и Луговой, и Доброжин, и даже механик-водитель Бурун были старше его по возрасту. Все они были сверхсрочниками, которые прослужили в танковых войсках по четыре и пять лет. Их должны были отправить в запас еще весной этого года, но в силу усложнившейся обстановки пришел секретный приказ танкистов в запас не увольнять.

– Это временная мера, Луговой, – заговорил Соколов. – Вы же не первый день в армии, вы понимаете, что раскрытой ладонью не бьют. Командование должно определить, какими силами и в каком направлении ведется наступление противником, определить направление его главного удара, а затем, собрав в мощный кулак все наши бронетанковые силы, ударить, ударить по флангам. Не просто остановить, а окружить и уничтожить врага. Нанести ему такой урон, такие потери, чтобы он в будущем сто раз подумал, прежде чем посягать на нашу Родину!

– Кулак, – тихо пробормотал стоявший рядом сержант Доброжин. – А от нашего кулака только три танка и осталось. Где наш батальон, который придали дивизии? Раздергали по частям наш кулак.

Соколов хотел было возмутиться и строго отчитать командира танка за такие мысли и тактическое непонимание. Доброжин и Луговой были

командирами танков в его взводе или, как это звучало в уставе, командиры танковых отделений. На них он надеялся в бою как на себя самого. И то, о чем думали сержанты, было важно для боя, для командира. Как их убедить, что если командование приняло такое решение, значит, в этом была необходимость? Значит, это было единственно правильное решение в данной ситуации. Правда, сам он так не считал, но веру в командиров поддерживать был обязан. Но сказать молодой командир не успел. К танкам подбежал старший лейтенант в гимнастерке с порванным рукавом и следами крови на боку. Он пробежал глазами по лицам танкистов и спросил торопливо:

– Кто командир?

– Командир танкового взвода, младший лейтенант Соколов, – выпалил Алексей, чуть было не бросив ладонь к голове, как это принято по уставу, но вспомнил в последний момент, что шлемофон у него в руке.

Офицер с каким-то странным сомнением оглядел с ног до головы молодого танкиста в комбинезоне, потом разглядел видневшуюся на гимнастерке петлицу с одиноким кубиком и кивнул головой в сторону дороги.

– Бегом к командиру дивизии. Он тебя вызывает.

Во рту у Соколова мгновенно пересохло от волнения. Раз к самому командиру дивизии, значит, будет приказ. Боевой приказ. А он стоит тут и рассуждает со своими танкистами. А машины не проверены, никакого осмотра, как положено по боевому уставу, не проведено! Эх!

– Никонов, – крикнул Алексей в люк своего танка, – пилотку и фляжку с водой. Командирам танков провести осмотр и проверку машин, подготовить их для марша! Никонов, и планшет мой захватите из машины!

Соколов сполоснул лицо, вытер руки протянутым ему серым грязным полотенцем и сразу же представил, какого цвета у него подворотничок на гимнастерке. Наверное, такого же серого. «Эх, и влетит мне, – подумал лейтенант. – Командир, называется. Конечно, командир дивизии мне не прямой начальник, я прикомандирован к части на время, но пристыдить может и сообщить в корпус может о том, с каким внешним видом у них командиры». Носки сапог он протер о заднюю часть штанин комбинезона, схватил планшет с картой и побежал к дороге, где командиры приводили в порядок колонну и где другой машиной стаскивали на обочину горевшую полуторку.

И только выйдя на дорогу, Соколов понял, что не спросил у старшего лейтенанта, где же искать командира дивизии. Это большая ошибка, он ведь и так задержался, а в армии приказы положено выполнять четко и

быстро. Разгильдяй, подумал о себе с горечью молодой командир. Пришлось на бегу расспрашивать красноармейцев и командиров, пока ему не указали в сторону березняка, где была натянута маскировочная сеть и стояли командирская «эмка» и несколько мотоциклов. Пробежав еще несколько метров, Соколов перешел на шаг, восстанавливая дыхание. «Еще не хватало перед командиром дивизии дышать, как запаленная лошадь. Еще подумает, что я волнуюсь или, того хуже, боюсь».

То, что Соколов увидел под маскировочной сетью, заставило его сердце сжаться. На носилках лежал комдив с перевязанными грудью и правой рукой. Лицо полковника было бледным от потери крови. Он что-то говорил начальнику штаба, в то время как начмед и медсестра делали ему укол в руку. Алексей подошел, медленно поднял руку к пилотке, отдавая честь, и растерянно посмотрел на старших офицеров.

– Вот он, – сказал слабым голос командир дивизии, – пришел. Поставь ему задачу, Николай Иванович.

Начальник штаба полковник Деев повернул голову в сторону подошедшего танкиста, поднялся с корточек, отряхнув колено, и коротко бросил:

– Идите за мной!

Слышны были команды, приказ отправлять колонну дальше, взревели мотоциклы разведчиков, которые унеслись в голову колонны. Деев остановился возле легкого раскладного походного столика, снял фуражку и устало потер руками лицо. Рядом стояли еще три офицера штаба дивизии, которых Соколов не знал. Зато он увидел летчика в летном комбинезоне и с поцарапанной щекой, который что-то быстро писал, положив листок бумаги с планшетом на колено.

– Как твои танки, командир? – спросил Деев, и Соколов увидел, какие у полковника красные усталые глаза.

– Танки в порядке, товарищ полковник, – бодро отрапортовал Алексей. – Необходимо пополнение горючим и боекомплектom. Экипажи здоровы и готовы выполнить любой приказ.

– Это хорошо, что здоровы и готовы, – кивнул полковник и повернул голову к майору с пышными усами. – Горючее и боезапас, что у нас осталось?

– Бензина совсем мало. Если заправить танки, то придется бросить четыре машины. Были бы «тридцатьчетверки», тогда еще ничего, для них солярка есть, а вот для этих «БТ» с бензиновыми двигателями... И с боекомплектom не очень. Большую часть резерва патронов мы передали группе капитана Яковлева. Можем выделить по двести патронов на танк. И

по тридцать выстрелов – это все, что осталось от снарядов.

– Так. – Деев грозно посмотрел на майора, потом повернулся к Соколову. – Залить в танки горючее под завязку! Полный боезапас патронов к пулеметам. Вот со снарядами у нас плохо, всего сотня танковых выстрелов, это все, что осталось от запасов твоего батальона, танкист.

Соколов ничего не понимал, но взгляд полковника ему не очень нравился. Было в нем не сомнение – вряд ли Деев сомневался в молодом командире, он видел его в бою. Скорее в его взгляде было сожаление. Неуместное какое-то сожаление.

– Слушай приказ, танкист, – заговорил полковник тихим, но твердым голосом. – Пополняешь боезапас, заправляешься и через час выдвигаешься в сторону шоссе Ново-Михайловское – Поздняково. Летун, иди, покажи, где ты видел колонны.

Летчик уже застегивал планшет, отдав исписанный лист бумаги сержанту-связисту. Он подошел к карте, несколько секунд смотрел, ориентируясь, потом взял карандаш и стал показывать.

– Вот здесь, товарищ полковник. Шоссе поворачивает вдоль реки Свислочи и идет на юго-восток. Южнее Ново-Михайловского, в районе железнодорожного депо, колонна грузовиков и бронетехники втягивалась на шоссе. Я сделал два захода и успел насчитать около тридцати танков, два десятка колесно-гусеничных бронетранспортеров, до сотни грузовиков с пехотой, мотоциклисты. С юга к шоссе через поле подходила еще колонна танков. Шли ровно в три ряда. Всего около полутора сотен.

– Понял, танкист, чем дело пахнет? – спросил полковник, заглядывая младшему лейтенанту в глаза. – Дивизия обескровлена, личного состава осталось не больше полка. Почти нет патронов, артиллерии, на плечах висит обоз с ранеными. К вечеру эта механизированная колонна немцев выйдет с шоссе на оперативный простор, развернется и двинется на Минск. А нам нечем сражаться, мы даже не успеем занять оборону, окопаться. Вся надежда на тебя, сынок, понимаешь? Шоссе зажато лесами с двух сторон, вот здесь, в районе понижения, где шоссе спускается в низинку, их можно остановить, задержать. Понимаешь, танкист? Подбить головную технику, продержат совсем немного, не давая возможности отбуксировать подбитые танки и машины, освободив проход по шоссе колонне. Мы передали сообщение в штаб армии, мы передали результаты авиационной разведки. Нужно просто выиграть время! Не дать колонне выйти из лесов на открытое пространство.

– Приказ ясен, товарищ полковник, – неслушающимися губами ответил Соколов.

Он вдруг почувствовал, что взмок под гимнастеркой, под комбинезоном. Это был не страх, это было понимание важности задания, ощущение, что именно ему доверено, он может помочь не роте или батальону – он поможет целой дивизии, армии. Он может помешать немцам выйти в тыл отходящим войскам, спасти тысячи и тысячи жизней. Алексей буквально задохнулся от волнения, он готов был броситься сейчас же к своим танкам. Нет, страх был тоже. Страх, что вдруг не заведется какой-то танк, что они могут подорваться на подходе к шоссе на минах или попасть под бомбы немецких пикировщиков, которые прилетят добивать колонну, которую обстреляли «мессеры». Он может просто не справиться там, на шоссе.

– Я справлюсь, – уже совсем не по уставу и больше для самого себя, а не для полковника, ответил Соколов. – Я знаю, как это сделать, как построить бой.

– Не сомневался в тебе, сынок, – кивнул полковник по-отечески. – Я видел тебя вчера в бою, знаю, как ты раньше воевал. Мы послали бы с тобой еще кого-то, но смысла в этом нет. Там нужны только танки и больше ничего, а их у нас с тобой только три.

Алексей побежал к своим, слыша за спиной, как полковник Деев отдавал приказ заправить танки и сжечь бесполезные грузовики, как солдаты отправились в лес рубить жерди для носилок. Раненых понесут пешком на руках. Много еще каких приказов отдавал начальник штаба, но от каждого из них в душе молодого лейтенанта поднималось понимание, что остатки дивизии находятся в плачевном состоянии. Попади она под удар гитлеровцев – и все погибнут, потому что сражаться нечем. Только подняться в последний раз в штыки.

– Доброжин, Луговой! Доложить состояние машин! – подбегая к танкам, приказал Соколов, чувствуя, что от волнения его голос готов сорваться на мальчишеский фальцет.

Командиры машин переглянулись и стали докладывать и перечислять все, как и положено по уставу. «Так, – мысленно повторял про себя Алексей, слушая командиров танков своего взвода. – Состояние траков удовлетворительное, у Доброжина расход масла увеличен, но это сейчас неважно, не марш-бросок ведь намечаем. На несколько часов боя хватит, если дольем до уровня. Так, тягу правого фрикциона, ничего, заменить ее – дело пяти минут. Хорошо, пока все хорошо. Плохо, что машины не радиофицированы, ох как бы рация помогла в таком бою, когда все решает маневренность. А советские танки более маневренные, более скоростные, чем немецкие. На этом и надо строить бой. Ребята у меня толковые, не

первый бой с ними принимаю, не подводили, храбрые, умелые».

Пока механики заправляли баки, а заряжающие принимали снаряды и патроны из подошедших к танкам полуторок, Соколов с командирами танков расстелил на траве карту, ставя задачу.

– Эх, вот придумали штабисты! – то ли возмутился, то ли обрадовался Луговой, но возглас у него был возбужденный. – Три танками остановить колонну? Лихо!

– Место хорошее, – пожевывая травинку, кивнул Доброжин. – Судя по карте, там кроме шести метров дорожного полотна еще метров десять в каждую сторону обочины с кюветами. Не особенно объедешь головную машину, если ее поджечь. А в низинке они вообще откосами будут зажаты. Жалко, что не ущелье, как в горах, перепад высот всего метра три.

– Да, – Соколов потыкал карандашом в горизонтали топографической карты, – 2,5–5 метров. А вот здесь как раз редколесье. Им наверх не подняться, а мы можем маневрировать на крыльях оврагов. Выскочил, выстрел, второй – и снова назад, главное механикам скорость не выключать. Выскочил на откос – и сразу заднюю скорость, и держать ногу на педали, держать, потом тычок сапогом ему в спину – не надейтесь на ТПУ^[1], в грохоте боя частенько и не слышно друг друга. Больше надейтесь на жесты, на команды руками. Лучше их дублировать. И еще, ребята. Действовать придется каждому на своем участке в одиночку. Получается, что каждый воюет самостоятельно и решение принимает сам, исходя из обстановки на своем участке. По-другому никак. И еще там, в голове колонны, могут идти у немцев танки «Панцер III». У них броня толще, особенно лобовая. Не старайтесь пробить лобовую броню, бейте лучше по гусеницам, сбивайте их с катушек. Нам главное – остановить колонну. А если с порванной гусеницей танк повернется бортом, добивайте бронебойным.

– Это мы понимаем, – спокойно кивнул Доброжин. – Да вы не беспокойтесь, товарищ младший лейтенант, мы сделаем все, как приказано. Что тут хитрого-то?

– Раздолбаем за милую душу колонну, – оскалив зло прокуренные зубы, отозвался Луговой. – Горючку нам заливают, снарядов подбросят. Живем!

– Тогда слушайте приказ. Сержант Доброжин, вы...

Алексей понимал, что все три танка ставить на шоссе перед колонной нельзя. Через полчаса максимум их подожгут, и немцы пойдут дальше. Там он поставит одного Доброжина. Сибиряк спокойный командир, рассудительный. И экипаж у него такой же. Его задача: с ходу подбить

головную машину, лучше две. Уходить за деревья и неожиданно возвращаться снова и стрелять, не давая растащить на буксире затор на дороге. Пулеметчика лучше из танка высадить и подготовить ему позицию у края дороги. Чтобы он не дал пехоте просочиться вперед. Самая трудная задача будет у Доброжина, но он справится. Только он и справится. «А мы с Луговым, каждый на своем склоне, будем маневрировать, менять позиции, показываться только на один-два выстрела и снова уходить назад. Немцы и не поймут, что их атаквали всего три машины. А когда поймут, то постараются нас обойти, а по лесу это не так просто. У них подвеска слабовата для пересеченной местности, у них танки проектировались под европейскую войну, под броски по дорогам и охватам по шоссе с покрытием. Проходимость у них слабенькая. А наши «БТ-7» в этих условиях просто незаменимы!»

– Все понятно? – убирая карту в планшет, спросил Соколов. – Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ, младший лейтенант. Задача понятна.

– И вот еще что, ребята. Нам приказано идти напрямик через лес, чтобы быстрее выйти к намеченному рубежу. Но мы через лес не пойдем. Опушкой леса выходим к шоссе и ждем на максимальной скорости по нему до развилки дорог, потом сворачиваем на северо-запад. Идете за мной как пришитые. В лесу пни и упавшие деревья, а у нас гусеницы все ресурсы выработали, лишних пятьсот километров уже на них отмахали. И других не будет. А на колесный ход в условиях боя перейти мы не сможем. Пока трансмиссию на колесный ход переключишь, пока руль установишь. Подожгут в два счета.

Последние напутствия позади. Танки, лязгая гусеницами и вырывая с корнем траву вперемешку с хвоей из лесной подстилки, пошли вдоль опушки на запад. Алексею это показалось почему-то символичным. «Вот, все отступают, идут на восток, а мы чуть ли не первые, кто повернул на запад». Хотя не первые. Сколько было контратак за эти дни, сколько ответных ударов! Внутри стало как-то неуютно. Молодой командир впервые почувствовал себя так.

Ведь все бои, в которых он участвовал, начиная с 23 июня, были боями в составе частей и подразделений. Никогда он еще не был один. А сейчас? С тремя танками он должен выйти против стальной армады врага и... наверное, погибнуть. А ребята понимают это? Конечно, понимают. Соколову стало даже как-то немножко стыдно, ведь его сержанты, командиры танков ничем не выдали себя, слушая, как он ставит задачу, а ведь понимали, на что идут. А он сейчас мандражирует. «Нет, – прикрикнул

внутренне на себя Алексей. – Вся армия сейчас не щадит себя, каждый командир и красноармеец идет на смерть с готовностью и гордостью. И я так же! Это мой долг красного командира – защищать свою землю, свой народ. Пусть и ценой собственной жизни. Враг не пройдет!» Алексей, сидя в люке своего танка, обернулся и посмотрел, как легко идут две «бетушки» в поднятой его танком пыли. Хорошо идут, уверенно. Он сдвинул на затылок шлемофон, подставляя взмокший лоб свежему ветру.

Гул ощущался не только в воздухе. Старый потрескавшийся асфальт, казалось, дрожал под ногами. Соколов стоял и смотрел, как из танка Доброжина вытаскивают пулемет «ДТ» с металлическими дисковыми магазинами. Еще по десять пулеметных дисков передали с других танков. Так, позиция хороша. С одной стороны откос низинки прикрывает, с другой – полотно дороги на голову выше пулеметчика. И сам он лежит в небольшой канавке, почти в естественном окопчике, в пулеметной ячейке. Доброжин подбежал, бросил своему пулеметчику малую саперную лопатку:

– Держи, Сашок! Окопайся поглубже, пока время есть!

– Ну что, Доброжин, – Алексей подошел к командиру танка и взял его за плечи.

Много говорить не хотелось, не хотелось расслаблять сержанта, да и самому расслабляться.

– Нормально, командир, – не по уставу ответил Доброжин. – Задачу выполним. Остановим врага.

Они обнялись, и Соколов побежал к двум танкам, где его ждал Луговой. Сержант нетерпеливо топтался возле переднего люка своей машины и что-то втолковывал механику-водителю, поглядывая то на небо, то на шоссе, где в любой момент могли появиться вражеские танки.

– Не пора нам, товарищ младший лейтенант? – сразу же спросил он, когда подошел Соколов.

– Пора, – кивнул Алексей и протянул руку сержанту. Тот пожал ее горячо и широко улыбнулся.

– Вот это мне нравится, вот такую хитрость я одобряю. Они ведь не знают ничего, они прут и прут, лишь бы поскорее с дороги в степь выехать, из лесов бы выбраться. Они думают, что они самые хитрые. А вот им! – Луговой вытянул руку со сложенными в дулю пальцами. – Нежданчик им тут небольшой!

– Вы там поосторожнее, Луговой, – попросил Алексей и постарался улыбнуться как можно веселее и беззаботнее. – Не лезьте на рожон. Выскочили, встали, выстрел, поиск новой цели и назад. В другом месте

выскочили и снова так же. Старайтесь не делать два выстрела подряд. Могут подбить, и тогда задачу мы не выполним. Мы сегодня должны о себе беспокоиться только потому, что если погибнем раньше времени, то немцы прорвутся. Понимаете?

– Так точно! – Сержант бодро вскинул руку к шлемофону, отдавая честь. – Есть не помирать раньше времени!

Танк Лугового развернулся и пошел по склону над дорогой. Все выше и выше. Вот он взобрался на самый верх откоса и скрылся за деревьями. «Ну, все, – подумал Соколов, – все на местах. Пора и мне». Он запрыгнул на борт, опустил ноги в люк башни, нашел разъем ТПУ и, прижав ларингофон к горлу, приказал:

– Вперед, Бурун, наверх.

Со скрежетом рычаг встал на нужное место, и танк, лязгнув гусеницами, пошел в сторону склона. Поднявшись на самый верх, Соколов осмотрелся, но так и не увидел танка Лугового. Молодец, сержант, мысленно одобрил он действия командира отделения.

– Бурун, на малых, – приказал Алексей механику-водителю, осматривая бровку склона и деревья поодаль.

Выскакивать на самый край нельзя – осыпается земля, там нет скалистой породы, только каменная мелочь. Загредишь вместе с машиной на дорогу. Придется точно командовать Буруну, а он может не услышать вовремя. Значит, по старинке: ноги ему на плечи и дублировать команды. И Никонову дублировать придется жестами. Там пехоты до черта вместе с танками. Придется стрелять, чуть ли не чередуя бронебойные снаряды и осколочные. Осколочных больше нормы, а бронебойных совсем мало. Мазать нельзя.

Тишина висела в воздухе тяжелая, как удушливый дым от горящего и чадающего танка. Соколов провел рукой по шее и расстегнул воротник гимнастерки под комбинезоном. Не по уставу, да не до этого сейчас. Он набрал полную грудь воздуха и с силой выдохнул. И тут прорвались звуки. Сразу много, как будто там вдалеке они все стояли и ждали, готовились. Шум моторов и лязг гусениц как будто вспучился и заполнил дорогу внизу. Сразу всю! По всей ширине и по длине до самого горизонта на западе. Соколов увидел их. Впереди шли пять танков, за ним несколько бронетранспортеров с крупнокалиберными пулеметами на турелях над головой водителя. Дальше тупорылые чужие грузовики с тентами над кузовами, а потом... Танки, бронетранспортеры, снова грузовики. И насколько глаз хватало, шло железо, урчало моторами. Пыхтело выхлопными газами. И все это смрадное чудовище перло на восток. И

ждали их здесь в низинке да на склонах овражка всего три советских легких танка.

Первый выстрел прозвучал! Это пушка танка Доброжина. Потом еще один выстрел и еще. Что он делает? Три выстрела подряд! Сожгут же! «А может, он и прав, прав, сибиряк, а я не додумался», – спускаясь в люк, подумал с досадой Соколов. Пока его не ждут, пока есть эффект неожиданности, он поступил правильно. Три снаряда на расстоянии, как раньше в Мировую говорили на флоте, «револьверного выстрела», с 200 метров. Для танка это почти в упор. Прижав лицо к панораме, молодой командир сразу увидел, что снизу поднимается копоть, и услышал, что там поднялась стрельба. «Подбил ведь, сибиряк, подбил! Запер их. А теперь мы ему поможем».

Руки крест-накрест. Левая на механизме подъема орудия, правая на рукоятке поворота башни. В казеннике бронебойный снаряд, уровень ствола и поворот башни примерно такой, каким Соколов его определил, чтобы стрелять вниз по голове колонны. С первым выстрелом будет проще, с остальными можно и не угадать.

– Бурун, вперед!

Танк рванулся к обрыву, в перископе закачались деревья, пришлось вдавиться в мягкий нарамник лицом и гасить телом колебания машины на подвеске.

– Короткая! – крикнул Алексей и толкнул механика ногой в спину условным сигналом.

Танк почти сразу замер, «клюнув» передком, и закачался на подвеске.

– Дорожка! – последовал ответ механика.

«Черт, остановись же, родимый». На дороге первый танк дымит и полыхает, по асфальту растекается огненное пятно разлившегося бензина. Второй танк развернулся, наверное, от неожиданности, и подставил свой борт. Из бокового люка свисает мертвый танкист. На дороге еще несколько черных фигур распластались. Третий и четвертый танки расползаются в разные стороны и пытаются прикрыть пятый, который готовится отбуксировать подбитые машины назад, чтобы освободить проход для атаки. «Это не так быстро, ребятки», – злорадно подумал Соколов, удивившись, как много мыслей пронеслось в его голове, как много он успел увидеть и понять буквально за пару секунд, пока раскачивался танк и пока он доводил пушку.

Правая рука вращает механизм поворота башни, совмещая марку с целью по направлению, левая – механизм опускания ствола. Прицельная марка совместилась с целью по дальности. В прицеле борт дальнего от него

танка, того, что обошел подбитую технику и держит под прицелом дорогу. «А вот получи сюрприз», – со злорадством подумал Алексей.

– Выстрел! – крикнул Соколов, нажимая на педаль спуска орудия.

Грохнул выстрел, горячая гильза выскочила из казенника, башня наполнилась пороховыми газами. Лейтенант успел увидеть, как борт вражеского танка полыхнул огнем и белым дымом. Попадание! Есть поражение!

– Назад, Бурун! – закричал Соколов и толкнул механика в спину. Танк лязгнул гусеницами и полез назад, ломая кустарник.

Было слышно, что еще стреляют пушки, но разобрать, кто и в кого, было сложно. Дав команду сместиться вправо, Соколов отсчитывал метры. Еще пять метров, еще немного. Хватит! Поворот. И снова команда «вперед», снова «короткая». Он после первого выстрела уже приблизительно наметил себе цель – первый бронетранспортер. Значит, башню по курсу, высота примерно та же. Снова снаряд в казенник и лицом к панораме... кашель душит, но Соколов не отрывается от перископа. «Выстрел» – и снова гильза полетела на пол, и снова вентилятор с натугой стал пытаться вытянуть из башни пороховые газы. Попадание! – борт машины вздулся огненным бугром.

Бурун, не дожидаясь команды, рванул танк назад. «Я виноват, – подумал со злостью Соколов. – Механик, если команды не было, действует после выстрела по своему усмотрению, а я забыл, что должен был дать ему команду. Теперь влево... назад, к первой позиции. Только теперь нас будут ждать: склон невысок, всего метра три, и они поднимут стволы пушек и будут нас караулить. Но они пока не знают, сколько нас. И бить надо по головным, по головным, запирать их и не давать отбуксировать подбитую технику в сторону и подбивать новые».

Грохот стоял такой, что закладывало уши. Было непривычно не видеть всего поля боя, не чувствовать, что ты командуешь взводом. Сейчас каждый танк сражался так, как будто он был один на всем белом свете. Соколов уже машинально нажимал сапогами на плечи механика, Бурун мгновенно реагировал, разворачивая машину, двигаясь то вперед, то назад. Выстрел за выстрелом грохотали в башне, оглушали, отдавались звоном в голове, в маленьком объеме железного пространства было уже нечем дышать. От пороховых газов слезились глаза, но молодой лейтенант упорно наводил оружие и стрелял, стрелял. Он бил болванками в борта танков, бил по каткам гусениц, он расстреливал поднимающуюся для атаки вдоль дороги пехоту осколочными снарядами. Он слышал треск пулемета своего танка и скрежет гусениц по камням на склоне.

Сколько уже идет бой? На дороге все горело, но там еще шевелились и двигались бронированные немецкие машины. Башни вражеских танков задирали пушки и били по склонам, где на высоте метров трех над дорогой то и дело появлялись советские быстроходные танки, расстреливающие колонну. И в голове Алексея все чаще начинала болезненно и панически пульсировать мысль: а что делать, если кончатся снаряды и патроны? Если они кончатся, а немцы будут все так же упорно пробиваться сквозь огонь по шоссе? Он отгонял эти мысли, выхватывая из укладки снаряд за снарядом, видя, как все меньше там остается бронебойных.

А потом неожиданно Соколов увидел, что танк на противоположном склоне замер.

– Назад, Луговой, назад, – закричал лейтенант что есть силы, даже не думая, что командир отделения его не слышит.

Левая гусеница разматывалась, сползая с траков, в башне дымилась пробоина как раз на уровне белой цифры номера машины. Еще одно попадание, от которого «бетушка» вздрогнула, как живая, – и из нее повалил дым. А дальше произошло страшное, страшное еще и тем, что в глазах Соколова все происходило как на кадрах замедленного кино. Подбитая машина взревела, выбрасывая чадящие клубы дыма, бешено завращались ведущие катки, танк стал разворачиваться на самом склоне, все больше поворачиваясь боком к обрыву. Вот в его борт уже на уровне механика-водителя угодил еще один вражеский снаряд. Лейтенанту даже показалось, что он услышал в адском грохоте боя, как подбитый танк взревел раненым зверем и повалился вниз. Вниз, прямо на скопление подбитых и целых вражеских танков, на головы солдат. Машина вспыхнула еще в воздухе, а потом земля вздрогнула от удара, и в небо взметнулся огненный столб.

– Назад, Бурун! – Толчок в спину – и танк рванулся от края обрыва назад.

Осколочный, еще осколочный, хрипло командовал сам себе Алексей, обдирая пальцы о края металла. Он со звоном вгонял каждый снаряд в казенник пушки, командовал механику и снова наводил и стрелял. Туда, в огненную кашу. Туда, где горели грузовики и разбегались солдаты в чужих мундирах, где пятились танки и сталкивались бронетранспортеры. А потом удар, от которого танк Соколова вздрогнул так, будто столкнулся с поездом. Броня загудела, лейтенанта ударило по ногам, и он повис, вцепившись руками в нарамник перископа. Впереди край обрыва, внизу танки, а они стояли, и двигатель не работал. Танк умер! Это было понятно.

– Бурун, ты что? – крикнул лейтенант, посмотрев вниз, и увидел, что

механик-водитель сидит, скособочившись в своем кресле.

Первым порывом было броситься в нижнее отделение, оттащить раненого или мертвого водителя и заводить мотор. Но он быстро понял всю безнадежность. Немецкая болванка прошла снизу вверх. Рваные края металла, обломки тяги фрикционов, погнутые рычаги и вывернутые педали. Окровавленная правая сторона туловища водителя и кровь, много крови, которой было забрызгано все вокруг, и даже сапоги самого лейтенанта. Болванка уже на излете угодила снизу в казенник пушки, заклинив его. Соколов дергал рычаг, но пушка не двигалась с места.

Никонов тряс головой, сжимая ее руками. Соколов схватил его за плечо и стал кричать, чтобы пулеметчик выбирался через люк, а сам стал вытягивать танковый пулемет из кожуха на лобовой бронеплите. Со звоном по башне чиркнула еще одна болванка. Спину Соколова осыпало осколками брони, даже на зубах скрипело от металлического крошева. Он вытянул все же пулемет и еще раз посмотрел в лицо мертвого механика. Тот смотрел в сторону, оскалив зло рот и вцепившись мертвыми руками в обломки рычагов.

– Сюда! Стреляй, стреляй вниз! – укладывая пулемет на траву и таща за рукав комбинезона Никонова, кричал Соколов.

Тот упал рядом, кивая и хватаясь за пулемет трясущимися руками. Парень был контужен, но не хотел сдаваться. Соколов прокричал ему, что посмотрит, что с пушкой и можно ли стрелять, но тут его «бетушка» вспыхнула, обдав обоих танкистов жаром. Дальше Алексей почти ничего не помнил. Он, кажется, тащил раненого Никонова подальше от горящего танка, потом сам стрелял из пулемета вниз по фашистам. Потом, кажется, из пистолета. Потом над головой пролетели два самолета с красными звездами на крыльях, и Алексей тряс за плечо лежавшего рядом мертвого Никонова и кричал: «Наши, наши!»

Когда генерал Тарханов – командир мехкорпуса, направленного для ликвидации прорыва немецких колонн на минском направлении со стороны Ново-Михайловского, вылез из бронемашины, то увиденное заставило его постоять молча несколько минут, созерцая страшную картину прошедшего боя.

– Кто-то живой есть? – спросил он командира батальона, первым прорвавшегося к месту боя.

– Только один, – кивнул офицер на верхний склон справа, где догорал «БТ-7». – Лейтенант, мальчишка совсем. Два месяца как из танковой школы. Последний предвоенный выпуск. Там наверху сидит. Они до последнего из пулемета стреляли, когда их танк подбили.

– Пойдем, покажешь. – Прихрамывая, генерал двинулся наверх.

Он шел и осматривался по сторонам. Один танк с красной звездой на борту стоял посреди дороги, в двухстах метрах перед первым подбитым немецким танком. Стоял как-то гордо, наведя ствол пушки на врага, хотя обе гусеницы у него были разбиты, скомканы и застряли между искореженными катками. И в башне виднелись как минимум три пробоины. Почему танк не загорелся и почему в нем не взорвался боезапас, было непонятно. Прямо перед танком лежал на спине сержант-танкист. Видно было, что он пытался вытащить из люка механика-водителя, когда его спину прошила пулеметная очередь.

Чуть поодаль в кювете, присыпанный землей от взрыва, лежал еще один танкист. Рядом разбитый пулемет «ДТ», и все вокруг было усеяно гильзами от патронов. Долго он стрелял, хорошая была позиция. И пулеметчик он был тоже хороший. Ближе ста метров к своей позиции он немцев не подпустил. Вон их сколько лежит на дороге. А еще тела висят из танковых люков, на бортах подбитых бронетранспортеров.

Да, ребята грамотно действовали, молодец, лейтенант. Заперли они колонну на самом узком участке шоссе и расстреливали с трех сторон. Тот танк, что стоит внизу, держался долго. Видно по следам гусениц, что он успел раз десять выскочить из-за деревьев, выстрелить и снова спрятаться. Маневрировал. А может, и не десять, ведь на камнях следов мало остается. Генерал покачал головой, поднимаясь выше по склону. Теперь он видел, что второй советский танк рухнул со склона прямо на врага. Он подмывал под себя один танк и один бронетранспортер. А сколько там погибло немцев от взрыва и огня, не посчитаешь. Вот он-то всех и запер: там столько огня было, что не подойдешь с буксировочным тросом. Герои ребята, ах, какие герои.

Третий «БТ» стоял у самого склона и догорал. Генерал обошел его и тут же увидел молодого танкиста с закопченным лицом и светлыми волосами, которые трепал ветерок. Он сидел, прислонившись спиной к березке, и смотрел куда-то вдаль. Генерал обратил внимание, что парень-то был явно не в состоянии шока. Он вытащил из танка механика. И второй член экипажа лежал рядом, и оба тела старательно накрыты брезентом. И пулемет на склоне лежит с пустыми дисками. Все патроны до железки ребятки расстреляли.

– А ну, герой, дай-ка я на тебя погляжу! – громко сказал генерал, подходя к танкисту.

Младший лейтенант, судя по его петлицам, как будто проснулся, он встревоженно закрутил головой, увидел генеральскую форму и поспешно

вскочил на ноги. Шлемофон он так и не нашел и теперь стоял с непокрытой головой. Его рука все время дергалась, как будто хотела взметнуться к козырьку и отдать честь старшему по званию. Мальчишка, совсем мальчишка.

– Товарищ генерал-майор, – хриплым голосом начал докладывать молодой командир, – танковый взвод в составе трех танков удерживал шоссе по приказу командира дивизии, до подхода основных сил. Уничтожено восемнадцать вражеских танков, восемь бронетранспортеров, пять грузовиков и до батальона пехоты. Взвод потерял... три танка... вместе с экипажами. Командир взвода младший лейтенант Соколов.

– Сколько тебе лет, Соколов?

– Двадцать один, товарищ генерал, – ответил Алексей и закашлялся. – В сентябре будет...

Он сидел на заднем сиденье командирского броневика и на неровностях дороги стучался локтем о какую-то железку сбоку от себя. Хотелось есть и пить. И еще нестерпимо хотелось умыться. До пояса, потому что тело под одеждой стало липким. А генерал, не поворачивая головы, рассказывал:

– На станции сейчас помпотех разгружает прибывшие с завода «тридцатьчетверки». В училище вас учили на них? То-то же. Новенькие, этого года выпуска. Возьму тебя к себе взводным командиром. Как? Согласен, герой? Мне такие орлы нужны, мне всю армию прикрывать на этом направлении. С твоим переводом решим в два счета. Это дела бумажные, не переживай. Главное, ты-то согласен?

Соколов слушал, смотрел вперед, на поля и проселочную дорогу, видневшиеся через поднятый люк на лобовой броне машины. А перед глазами стояло другое видение: сгоревшие «бетушки», его ребята, лежавшие на земле, и горящий танк, валившийся с обрыва прямо на немецкую колонну вниз. Потом стали всплывать в памяти и другие картины, виденные Алексеем за эти первые дни войны. Кто и когда узнает имена и фамилии этих солдат, оставшихся лежать на брустверах окопов со связкой гранат в руке в чистом поле, так и не успев бросить ее под гусеницы вражеского танка? Сколько их осталось в полях среди нескошенной ржи вперемешку с чужими солдатами в чужих мундирах? Сколько их поднималось в отчаянные безрассудные контратаки и гибло, забирая с собой жизни врага?! Чем больше убить, тем меньше их пойдет дальше. Так сказал капитан-пограничник своим бойцам, оставаясь прикрывать отход войск. И такое было.

Нет, фамилии и имена вспомнят. «Что же это я, – горько подумал

Соколов. – Есть списки частей, места боев – все это отражается в журналах боевых действий. И если рота погибла, то в полку знают место и штат пофамильно. И в дивизии знают, где сражался ее полк, и так далее. Нет, безвестным не погибнет никто. Всех и каждого будем помнить. Нам бы только победить сейчас. Устоять бы только!»

Глава 2

То, что на него поглядывают танкисты, Алексей понял не сразу. Он шел вдоль рядов танков и поглаживал холодный металл, трогал гусеницы, отходил на несколько шагов назад, любуясь очертаниями машины. Это были новые «тридцатьчетверки», уже с некоторыми изменениями и доработками. Которые произошли после того, как Соколов вышел из стен танковой школы. У этих красавцев увеличена толщина брони башни и лобового бронелиста корпуса до 60 мм, бортовые листы установлены под большим углом. А еще погон башни расширен до размера 1600 мм, да еще появилась командирская башенка с перископом для кругового обзора. А еще новая торсионная подвеска. Да этому танку цены нет!

– Что, нравится машина?

Соколов обернулся и увидел перед собой командира с одной «шпалой» в петлице. Выгоревшая гимнастерка, танковые эмблемы в петлицах, а самое главное, марлевая повязка на голове, видневшаяся из-под фуражки, заставили Соколова почувствовать себя неуютно. По прибытии вместе с генералом в распоряжение корпуса Алексею, не дожидаясь постановки его на вещевое довольствие, по личному распоряжению командира выдали новое обмундирование взамен старого грязного и местами прожженного. И он сейчас чувствовал себя в необмявшейся гимнастерке с новыми ремнями выпускником танковой школы, не нюхавшим пороха.

– Младший лейтенант Соколов, – вскинув руку к козырьку фуражки, стал докладывать Алексей. – Прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности командира танкового взвода.

– А, это ты тот самый Соколов? – улыбнулся устало, одними губами капитан. – Наслышаны уже.

– Я ищу командира батальона капитана Заболодько.

– Я Заболодько, – протянул сухую шершавую ладонь капитан. – Поступаешь в мое распоряжение. Получишь взвод. Учти, что задачи у нас с тобой будут очень ответственные, Соколов, мы резерв командира корпуса, нас бросают из огня да в полымя. И дыры в обороне затыкать, и прорывы ликвидировать, и самих нас часто в прорывы бросают. Скучать некогда. Так что за машинами следи. Получишь формуляры и сразу вспоминай теорию, техническую часть. Воевать тебе на «Т-34» не приходилось, особенности этих машин надо знать не в теории, а на практике. Так что учиться тебе в бою и... по ночам. Усвоил, младший лейтенант?

– Так точно! – постарался ответить бодро Соколов. – Только я не совсем понял, товарищ капитан. Что это за резерв командира корпуса? Я не помню такого в Боевом уставе танковых войск.

– А Боевой устав, товарищ младший лейтенант, теперь пишется кровью, дополняется новыми страницами и разделами. Не сразу все войдет в него, но война учит нас воевать по-новому. Ты вот на Ново-Михайловском шоссе по уставу воевал или применялся к конкретным условиям? Что ты там взял из раздела «Танковый взвод в обороне»?

– Глава первая Устава РККА, Общие основы: «Оборона нашей Родины есть активная оборона», – бойко ответил Алексей и тут же замялся. – Из раздела «Танковый взвод в обороне»...

– Вот то-то же, – снисходительно похлопал молодого командира по плечу капитан. – Действовал ты правильно. Это по уставу ты должен был выкопать танковые окопы на заранее выбранной позиции, подготовить запасные позиции, а потом, когда атакующий враг будет обескровлен, атаковать его всеми имеющимися силами и разгромить. Только ты задачу выполнял в таких условиях, что возможности у тебя ни выбрать, ни занять позицию для обороны не было. И ты еще часто будешь сталкиваться в реальных боевых условиях с ситуациями, когда нужно не столько знание устава, сколько понимание возможности своих боевых машин, знание тактики врага. И искать решения ты будешь неожиданные, решительные. Чтобы матчасть сберечь, своих людей и нанести урон врагу. Но самое главное сейчас – это остановить врага, его продвижение по нашей земле. Любой ценой, ценой своей жизни. Ладно, ты у меня командир геройский, но этого мало. Ты должен знать материальную часть лучше механика-водителя, вооружение лучше наводчика, радиостанцию лучше радиистапуметчика. Знать лучше и учить своих подчиненных, особенно командиров отделений. Как их танки станут действовать, таковы и будут боевые успехи твоего взвода.

– Так точно! – попытался твердо ответить Соколов.

Странно, подумал он. В их танковом полку с первого дня войны он таких разговоров больше не слышал. Ни об учебе, ни об уставах. Приказ был один: «В бой!» И они бросались в бой, жгли немецкие танки, горели сами, сражались в немыслимых условиях, о которых в уставах и не упоминалось даже. А тут... Хотя Соколов и слышал, что механизированные корпуса стали возрождать перед войной, но о структуре их имел представление не совсем полное. В танковой школе эту тему почти не изучали. Говорилось лишь, что танковые корпуса в 38-м году расформировывали по всем войскам как неэффективные и не

соответствующие современной войне.

Взвод пополнялся новыми танками, два экипажа были в наличии. Испытанные танкисты, воевавшие с первых часов войны, успевшие понюхать пороху, подбивавшие немецкие танки и даже горевшие уже сами. С новыми танками пришли и новые люди. Кто из запаса, кто из восточных округов, кто-то из попавших в окружение частей, сумевшие прорваться к своим. И когда Соколов отправился к прибывшим для пополнения отбирать себе экипаж командирского танка, то он обратил внимание на зрелого хмурого мужчину в мятой новой форме, который сидел поодаль от других на патронных ящиках. Командиры проходили мимо него и начинали беседовать с танкистами в выгоревшей форме, явно имевшими боевой опыт.

– Представьтесь, товарищ младший сержант, – потребовал Соколов, остановившись перед танкистом.

– Младший сержант Бабенко, – неуклюже поднявшись и одернув гимнастерку, ответил танкист. – Прибыл с пополнением из учебной роты на должность механика-водителя.

– Какой имеете опыт вождения в часах? На каких машинах?

Соколов спрашивал скорее машинально, уже жалея, что поднял этого человека. Тракторист, наверное, хотя внешность у него не крестьянская, человек явно городской, даже какой-то интеллигентный. На тракториста строительного участка тоже не очень похож.

– 2800 часов, товарищ младший лейтенант. Из них на танках «Т-34» 1200 часов. Остальное на «А-20», «БТ-5», «БТ-7».

– Что? – опешил Алексей. – Вы кто?

– Бабенко я, Семен Михайлович, – вдруг скромно улыбнулся мужчина, и возле глаз у него образовались добрые отеческие складки. – Водитель-испытатель со 183-го Харьковского завода. Напросился вот на фронт. А так я с 1937 года гоняю танки на полигонах. И по шоссе, и по оврагам и буеракам. И по воде гонял, и через огонь тоже.

– Слушайте, хотите в мой экипаж? – обрадовался Алексей, сразу оценив пользу для экипажа, когда в нем будет человек с таким опытом и знаниями.

– Так я в любой согласен, – пожал Бабенко плечами. – Командиры мимо все проходят, думают, наверное, что я по возрасту им не подхожу. Все молодых да опытных ищут. Я для чего от брони отказывался? Чтобы на фронт, чтобы свое знание машин и свой опыт применить!

– Хорошо. – Соколов закрутил головой по сторонам, как будто размышляя, куда можно спрятать ценного механика-водителя. – Сидите

пока здесь. Кто будет спрашивать, отвечайте, что вы назначены уже в батальон капитана Заболодько. Я скоро вернусь. Только никуда не уходите, дорогой товарищ.

– Да какой я дорогой, – улыбнулся снова Бабенко, потом смутился, кашлянул и обратился: – Виноват, товарищ командир, спросить хотел вас. А вы... воевали уже или, как и я... только прибыли?

– Воевал, Семен Михайлович, – вздохнул Алексей, вспомнив свои экипажи. – Воевал. И первый свой бой я принял на второй день войны, когда нас с марша бросили на врага. С тех пор и воюю. Как и все.

Сирена взвыла неожиданно. Загудели паровозы, послышались крики командиров, резко дернул паровоз, двигая опустевший уже состав с платформами и теплушками, в которых был доставлен личный состав танкового пополнения.

– Воздушная тревога! – закричал, как и положено, Соколов, вторя голосам командиров, и, не имея на данный момент своего подразделения, стал искать убежище для одного себя.

Разгрузка поступивших с завода танков и личного состава происходила не на железнодорожной станции, а на запасной ветке, в километре от нее, на краю небольшого овражка с речкой Чернухой, как значилось на крупномасштабной командирской карте. Снятые с платформ танки отвели в соседний лесок, туда же уходили машины, загрузившиеся снарядами и патронами. Несколько бензовозов ждали своей очереди возле цистерн.

Четверка «Юнкерсов» вышла из облаков и встала в круг, готовясь к боевому пикированию. Пара «мессершмиттов» прошла над железнодорожным полотном, теплушками и машинами, поливая все огнем пушек и пулеметов. Звуки авиационных моторов, удары пуль по металлу и земле, разрывы малокалиберных снарядов смешались с криками и суетой разбегающихся в разные стороны людей. Сразу начали бить 37-миллиметровые автоматические зенитные пушки, заработали спаренные зенитные пулеметы на железнодорожных платформах.

«Самое правильное, – подумал Соколов, – это отбежать подальше в сторону от техники. Если я никак не задействован в ее разгрузке и обслуживании, то лучше и не мешаться». Но тут он увидел мечущегося между полуторками Бабенко. Механик-водитель явно не знал, куда ему деваться и что делать. Алексею показалось, что Бабенко мечется, потому что получил приказ от него, Соколова, ждать. И не может покинуть добровольно указанного места. «Как же я, – разозлился на себя молодой командир, – я же его взял к себе в экипаж, фактически он уже почти мой подчиненный, а я его бросил!»

– Бабенко! – заорал Алексей и бросился к водителю. – Сюда, Семен Михалыч!

Мужчина обернулся, непонятно каким чудом услышав в окружающем шуме голос командира, кивнул и поспешил за Алексеем к краю оврага. Но тут послышался ужасный вой пикировщиков, а затем и сбрасываемых ими бомб. Черные разрывы вспучились среди скопления людей и техники. Земля вздрогнула под ногами так, что Соколов упал на бегу и свалил своего нового водителя. В воздухе сразу запахло кислым от сгоревшей взрывчатки. Алексей попытался подняться, встать на ноги на приплясывающей под его ногами земле и тянуть Бабенко в сторону оврага. И их снова опалило близкими разрывами, ударив в спины взрывной волной и свалив с ног. Чудом подвернулась какая-то небольшая яма, в которую лейтенант толкнул Бабенко и упал на него следом сам.

Вой пикировщиков сливался с грохотом разрывов, через которые пробивались упорные хлопки зенитных пушек. От каждого взрыва земля вздрагивала, на голову летели мелкие камни, какие-то щепки. Алексей через пару минут перестал вдавливаясь в землю и осмелился поднять голову над краем ямы. «Юнкерсы» один за другим пикировали, сбрасывая по две бомбы, и, выровнявшись над землей, уходили в сторону и снова поднимались к облакам, заходя на второй круг.

К удивлению Соколова, не все бойцы попрятались и разбежались в стороны. Кто-то стоял или лежал на спине, стреляя по немецким самолетам из винтовок. Внимание лейтенанта привлек невысокий черноволосый парень, который положил ствол ручного пулемета на борт полуторки и целился в пикирующий самолет. Он вел и вел стволом, прицеливаясь, а затем, в момент выхода «Юнкерса» из пикирования, дал длинную очередь, ведя стволом пулемета следом за самолетом. Второй самолет заходил на пикирование – и снова боец стал ловить его в прицел. Алексей восхитился самообладанием этого бойца, но тут близкий разрыв снова заставил его убрать голову и вжаться в землю вместе с Бабенко.

Рядом закричали, послышались команды и чей-то возглас, что сейчас рванет. Соколов снова поднял голову и увидел машину, в кузове которой стояло несколько ящиков со снарядами. Машина полыхала, загоревшись от близкого разрыва. Еще немного – и взорвется бензобак, а от него загорятся и ящики в кузове. А неподалеку стоял новенький «Т-34». Чуть ли не последний из танков, который после разгрузки с платформы не успели отогнать в лесок. Мысль, что танком можно оттащить горевшую машину к оврагу, сразу мелькнула в голове лейтенанта.

– Куда вы? – Бабенко схватил Алексея за рукав гимнастерки. – Там же

бомбят!

– Машина! – крикнул лейтенант. – Смотрите, если рванут снаряды, много беды будет. Там еще горючее, еще снаряды. Надо подцепить ее другой машиной.

– Нет, танком! – закачал головой Бабенко. – Слушайте, дайте я! Я лучше сумею. Вы не заведете быстро, а я заведу.

Опешивший Соколов уставился на интеллигентного водителя-испытателя, который и пороха не нюхал, и войны не видел, но так смело выскочившего из ямы и бросившегося к танку. Восхитившись таким порывом по сути невоенного человека, Алексей бросился следом. Ведь надо было еще снять трос с танка и подцепить машину. Толкать ее корпусом «тридцатьчетверки» не получится.

Танк взревел моторами. Алексей, приседая от каждого разрыва бомбы, пытался снять с кормы «тридцатьчетверки» толстый буксировочный трос и понял, что в одиночку ему не справиться. Ведь это танковый трос. Кто-то толкнул его плечом. Соколов обернулся и увидел веселое чумазое лицо паренька в гимнастерке с танкистскими петлицами.

– Во! – Парень показывал тонкий автомобильный трос. – Вот этот надо.

Снова взрыв, заставивший обоих присесть, а возле горящей машины уже суетился другой танкист, открывавший рычаг буксировочного замка. Алексей кивнул и побежал к люку водителя.

– Семен Михалыч! – закричал он. – Там ребята трос закрепляют. Я вам буду руками знаки подавать, а когда они зацепят, тогда тащите машину к оврагу. Там я ее отцеплю, а вы ее столкнете.

– Не надо, только прицепите, а остальное я сам. Подцепите и уходите, – энергично махал рукой Бабенко, как-то сразу преобразившись. Он уже не выглядел новичком и гражданским человеком.

Алексей кивнул и отошел от танка, подняв ладони, он стал жестами подавать команды. Назад... еще... еще... Стоп! Теперь танкисты с тросом... Быстрее же. Есть, подцепили! Пошел! Танк выпустил струю дыма, лязгнул механизм переключения передачи, и танк потащил машину, плавно разворачиваясь в сторону оврага. Рядом присели на корточки какие-то люди и смотрели напряженно, что делает танк. Никто не комментировал, все молча пригибались при близких разрывах и смотрели не отрываясь на действия неизвестного водителя.

Выдержка у Бабенко была просто удивительная. Или он чувствовал себя в безопасности в танке. «Тридцатьчетверка» тащила и тащила машину. Вот уже скоро овраг. Как же он, подумал Соколов, надо же полуторку

отцепить. Непроизвольно лейтенант собрался уже вскочить на ноги и бежать к танку, но тут он все понял. Бабенко ювелирно прошел по краю оврага, сдирая траками густую траву, машину на буксировочном тросе потащило юзом, танк резко развернулся и прибавил оборотов. Горящая полуторка по пологой дуге двинулась к оврагу. Еще миг – и машина повалилась на бок, ломая борта. От рывка падающей в овраг машины трос оборвался, и «тридцатьчетверка» пошла назад.

Соколов вытер ладонью вспотевший лоб и только теперь услышал восторженные хвалебные крики. А еще он понял, что больше не бомбили. К его огромному удивлению, кричали по другому поводу и хвалили не танкиста. Того, кто из бойцов сбил самолет. Обернувшись, Алексей увидел, что хлопают по плечам того самого черноволосого парня с пулеметом. А еще к лесу тянулся дымный шлейф за теряющим высоту самолетом с выпущенными шасси.

– Молодец, «лапотника» сбил! – кричали возле машин.

Восторженная суeta возле бойца немного улеглась, когда кто-то крикнул санитаров. Кажется, парня все-таки ранило. Соколов дождался, когда Бабенко остановит танк и высунется с довольным видом из люка.

– Кажется, получилась, а? – спросил он. – Но в овраге снаряды так бабахнули, что меня под корму ударило. Вы видели?

– Видел, Семен Михалыч! – улыбаясь, ответил Алексей. – Это только взрывная волна, да и взорвалось там, кажется, всего два снаряда. Какой вы молодец, лихо водите! И машину как чувствуете.

– Спасибо, я же все-таки испытатель, – выбираясь из танка, напомнил Бабенко.

Неожиданно подбежал капитан Заболодько. Он похлопал по плечу Соколова, потом буквально вытащил за шиворот из люка Бабенко и расцеловал его.

– Ну, браток... ну, молодец... ты такое сделал, ты же такой... к награде, обязательно к награде представлю. Фамилия как, из какого подразделения?

– Это мой новый механик-водитель, товарищ капитан, – поспешил доложить Алексей, боясь, что комбат заберет у него испытателя. – Бабенко Семен Михайлович. Прибыл добровольцем с Харьковского танкового завода.

– Молодец, Семен Михайлович, чувствуется хозяйская хватка, – засмеялся капитан. – А эти двое чьи? Тоже герои, не побоялись, кинулись буксировочный трос закреплять.

– Старший сержант Логунов, – прогудел крупный танкист. – Прибыл с

пополнением на должность наводчика-командира башни.

Капитан увидел на груди танкиста медаль, потрогал пальцами и серьезно спросил:

– За финскую?

– Так точно. За Линию Маннергейма.

– А это что за пострел? – Капитан посмотрел на второго танкиста, который с тросом толкнул во время пожара Соколова.

– Рядовой Бочкин! – бойко отозвался парень, лихо отковыряв командиру. Потом помолчал и добавил не по уставу: – Тоже на пополнение после учебной роты. Земляк я с Логуновым. С одного села мы, омские. Вместе выпросились служить.

– Ну что, Соколов, возьмешь к себе в экипаж на командирскую машину героев? – Комбат посмотрел на Соколова поощрительно.

– А вы что, без машины? – обрадовался Алексей. – Только прибыли? Тогда с радостью возьму вас в свой экипаж.

– Ну, вот и порядок. – Заболодько повернулся к площадке, где тушили огонь, заливали водой горевшую пустую машину, кто-то из солдат под руководством машиниста расцеплял поврежденные платформы. – Да, раненых прибавилось сегодня. Обидно, толком боя не нюхали, а уже в санбат.

– А-а, Руслан и Людмила, – кивнул весельчак Бочкин на санинструктора и солдата, который только что сбил из пулемета «Юнкерс».

– Ты о ком? – не понял Соколов.

– Да парень этот. Его же Русланом зовут. А санинструктора Людочкой. Людмилой. Я слышал, как он с ней знакомился сегодня.

Алексей не спеша двинулся к группе бойцов. Увидев лейтенанта, многие поспешили разойтись по другим делам и не торчать возле раненого героя. Девушка, перевязывавшая предплечье бойцу, оказалась светловолосой, с милыми чертами лица. Она как будто только сошла с иллюстраций книжки с русскими народными сказками. Санинструктор подняла глаза на подошедшего командира, и Соколов увидел, что они у нее действительно голубые.

– Что, серьезное ранение? – спросил Алексей.

– Ничего страшного, товарищ младший лейтенант, – старательно выговаривая звание, ответила девушка. – Небольшой осколок рассек кожу на руке. Заживет быстро. А вы, товарищ боец, ежедневно приходите в санчасть на перевязку. В рану могла попасть грязь, и там разовьются колонии микробов. Это очень серьезно, нам врач на инструктаже рассказывал.

Боец опустил рукав на перевязанную руку и поднялся на ноги, смущенно глядя на подошедшего командира. Соколов разглядывал молодого кавказца с блестящими, как маслины, глазами и крепкими спортивными плечами.

– Как ваша фамилия, боец? – спросил он строго.

– Рядовой Омаев, товарищ командир! – бойко ответил боец с чуть заметным кавказским акцентом.

– Это вы сбили самолет из пулемета? Где так стрелять научились?

– В горах, товарищ командир, – с веселой гордостью ответил парень. – У нас так многие умеют.

– К нам откуда прибыли?

– Из учебной роты. А до этого из ансамбля песни и пляски.

– Вы еще и танцор? – удивился Соколов, чувствуя, что парень ему нравится своей удалью, бесшабашностью и жизнерадостностью. – Где танцевать научились? В кружок ходили до армии?

– Нет, в горах научился, товарищ командир, – показал весело белые зубы боец. – У нас так многие умеют.

– А радиотелеграфистов у вас в горах тоже много? – засмеялся Соколов, кивнув на танкистские эмблемы на петлицах бойца.

– Нет, товарищ командир. Вот это я один только в горах умею.

– Ну-ну! Вас уже назначили в экипаж, товарищ Омаев?

– Никак нет, товарищ младший лейтенант! Немцы помешали. Не вовремя прилетели. Я потому и на фронт выпросился, что мешают они. В горах сейчас красиво, только не поют, не танцуют. Женщины плачут, мужчины на фронт идут. Виноград поспевает, а тут немцы какие-то. Зачем? Вот и пошел, чтобы быстрее вернуть в горы песни и танцы.

– Хорошо, товарищ Омаев, я беру вас в свой экипаж.

Танки перегнали в расположение, и взвод занялся подготовкой машин. К вечеру Соколов убедился, что все работы завершаются, что цифры на бортах Коля Бочкин рисует правильно и довольно профессионально. Масло проверено, инструмент получен. Командиры двух других танков взвода, Саша Огольцов и Степан Никитин, были старослужащими и дело свое знали хорошо. Оставив за себя Логунова, Алексей отправился на доклад к комбату. Уже темнело, когда, пройдя через лесок, в котором стояли замаскированными три с лишним десятка машин отдельного танкового батальона, Соколов вышел к землянке комбата.

– Разрешите, товарищ капитан? – Откинув брезент у входа, младший лейтенант замер, приложив руку к пилотке.

– А, это ты, Соколов, – на секунду оторвав взгляд от карты,

расстеленной на самодельном столе, комбат снова уставился в нее задумчивым взглядом. – Как дела во взводе? Готовишься?

– Так точно. Материальная часть получена, бойцы на довольствие поставлены, обедом и ужином накормлены. Сухой паек получен.

– Ну, хорошо, лейтенант, – пробормотал комбат. – Службу знаешь, в тебе я не сомневался. Все-таки танковая школа за плечами. Иди-ка сюда.

Соколов снял пилотку, пригладил свои светлые непослушные волосы и подошел к столу, где при свете коптилки, сделанной из сплюсненной снарядной гильзы, комбат рассматривал карту. Заболодько взял со стола остро отточенный карандаш и стал показывать на карте:

– Смотри, вот линия обороны нашего корпуса. Сейчас пехота окапывается как бешеная, до утра должна зарыться по самые ноздри – только полный профиль, только с запасными позициями и ходами сообщения. На рассвете нас накроет авиация, это и к гадалке не ходи. На флангах к нам подойдут части, прикрывавшие отход корпуса. Все, что от них останется. А потом фашист ударит танками. Мы с тобой в резерве у комкора. Штаб корпуса перед нами в пятистах метрах. Где ударят фашисты?

– Думаю, вот здесь, по равнине между холмами, – показал Соколов на карте. – У них есть возможность скрытно накопить силы за высотой 98.15, а потом развернуться в боевой порядок и нанести удар по нашим пехотным частям. Обойти нас за рекой они не смогут – там заболоченные участки. Слева лесной массив – туда они не сунутся, у них танки без гусениц останутся. Да и побоятся, что мы заминируем подходы.

– Правильно мыслишь, хорошо тебя учили тактике. Они попрут двумя сотнями танков на окопы. А у нас артиллерии кот наплакал, противотанковых ружей, и тех осталось мало. Одна батарея гаубиц сможет ударить с закрытых позиций да две батареи 76-мм пушек на прямой наводке.

– Встречный танковый бой? – предположил Соколов.

– Хорошая мысль. Мы их отобьем и пожжем свои оставшиеся танки, а нам приказано на этом рубеже закрепиться и ждать приказа о совместном ударе армии. Ладно, голову не ломай, у нас есть головы в корпусе и посильнее наших с тобой. Генерал Тарханов готовит упреждающий удар под корень их атакующей группировки. А тебе я рассказываю все вот для чего. Наш батальон остается при штабе корпуса единственным танковым подразделением на позициях корпуса. И очень может получиться, что какая-то группа немцев прорвется к нашим позициям. Не захлебнется их атака, понимаешь! И тогда вся сила их удара будет направлена на нас.

– Так каков будет приказ, товарищ капитан?

– А приказ таков, Соколов. Пока я размещаю танки после авиационного налета за спинами наших передних линий в танковых окопах на прямой наводке. Ты со своим взводом скрытно проходишь вот по этой балке за холм возле излучины реки. И поджигашь мосток. Есть там такая зараза, о которой мы узнали слишком поздно. Видать, его плохо уничтожили при отступлении, а немцы его в два счета восстановили, накатав в два слоя бревен. Сделали они это тайком, не привлекая нашего внимания. Разведка только сегодня утром доложила, что там саперы сутки уже возятся.

– Значит, они по этому мосту под прикрытием авиационного налета смогут перебросить нам во фланг танки и мотопехоту. И атакуют в самом уязвимом месте.

– Правильно понимаешь, взводный. Ты у меня не самый опытный, но самый смелый. И экипажи у тебя хорошо подготовленные. Почти все сверхсрочники, есть и те, кто финскую прошел. А боевой опыт ничем не заменишь: кто не боится выстрелов, тот уже может многое на холодную голову. Я бы тебе дал огнемётный танк, да сгорел он два дня назад в бою. Так что остается тебе расстрелять этот мосток к чертовой матери. Как только «лапотники» их улетят, срываешься с места – и вперед по балочке вдоль речушки. Если столкнешься с немцами, с их передовым отрядом, всеми силами в бой не ввязывайся. Оставь один танк для прикрытия, свяжи их боем, а сам туда, на выполнение основной задачи. И связь, держи связь.

– Есть держать связь, – с готовностью ответил Алексей, чувствуя, как внутри у него снова появляется знакомое ощущение предчувствия боя.

Раньше это казалось холодком страха, который где-то глубоко внутри шевелится и беспокоит. Но потом Соколов понял, что это не страх за себя, свою жизнь. Это было страхом не справиться, страхом подвести. Но он научился справляться и с этим. В первый же свой бой. Древняя как мир истина пришла в голову сама, и только потом Алексей вспомнил, что где-то уже об этом в юности читал. Она заключалась в простом тезисе: «Если ты не попробуешь однажды, то никогда так и не узнаешь, сможешь или нет». А еще в танковой школе ему, Алексею, сказал однажды старшина учебной роты. Сказал после того, как курсант Соколов не преодолел в первую свою попытку препятствие за рычагами танка. Алексей попросту тогда испугался, что перевернет машину, повредит ее. «Самое большое мужество, сынок, – сказал седоусый старшина с наградами за Халхин-Гол и финскую войну, – это не мужество встретить свою личную смерть стойко. Самое большое мужество принять на себя ответственность. Для тебя, как

для будущего командира, это во сто крат важнее. Тебе и самому вести людей на смерть, и на смерть их отправлять. И по-другому никак. Война!»

Они еще час обсуждали будущую операцию взвода Соколова. Потом комбат отпустил молодого командира поспать пару часов перед боем. Проснулся Алексей в землянке от толчков в плечо дневального и нарастающего гула. Он открыл глаза и мгновенно проснулся. Этому он на войне тоже научился очень быстро. Гул был знакомый – с таким звуком шли на цель вражеские бомбардировщики. Звук моторов «Юнкерсов» Соколов знал уже очень хорошо и не мог перепутать с другими самолетами. Не глядя на часы, он сразу определил время – примерно пять часов утра, судя по пробивающемуся светло-серому свету через щель брезента, натянутого у входа в землянку вместо двери.

Подняв по тревоге личный состав отделения, он приказал готовиться к бою. Проверено все, что приготовлено еще с вечера, каждый знал свою задачу в предстоящем бою. Командиры отделений, каждый со своим экипажем, провели беседу, объясняя важность предстоящего боя и важность поставленной задачи. Через сорок минут, когда «Юнкерсы» заходили для атаки уже на третий круг, в расположение взвода пришел капитан Заболодько.

– Готов? – коротко спросил он, прервав доклад и пожав молодому лейтенанту руку.

– Так точно, товарищ капитан. Взвод готов выступить в любую минуту.

Комбат посмотрел внимательно на молодого командира, кивнул и повернулся к позициям корпуса, которые нещадно перепаживали бомбами немецкие бомбардировщики. Круг за кругом они заходили над позициями, пикировали со страшным воем и вываливали свой смертоносный груз. И снова уходили под облака, снова вставали в круг, и все повторялось.

– Все, выдыхаются, – вдруг заявил Заболодько. – Отдавай приказ «по машинам», взводный. Жди приказа по радио. Сигнал к атаке «Зима». Запомнил? Я в штаб корпуса.

Еще раз пожав руку лейтенанту, комбат двинулся между деревьями к блиндажу штаба. Снимая на ходу с головы пилотку, проверяя другой рукой пистолет в кобуре на ремне, Соколов побежал к танкам, выкрикивая на ходу команды. Танкисты быстро стали занимать места в машинах. Запрыгнув на броню, Соколов спустил ноги в люк, нашел разъем кабеля радиации и присоединил к протянутому снизу Логуновым шлемофону. Все, теперь потекли самые напряженные, томительные минуты ожидания. Потом будет проще – приказ отдан, машины пошли, и все зависит уже только от тебя. А пока... Пока он сидит на люке и смотрит вперед, где

«Юнкерсы» в небе разворачиваются и уходят на запад, а над позициями корпуса стоят дым и пыль. И, кажется, ничего живого там уже не осталось. Но Соколов сам бывал под такими бомбежками и артобстрелами и знал, что пройдут всего минуты и начнут подниматься головы в запыленных касках, начнут руки стряхивать землю с плеч и потных спин, поставят на брустверы станковые пулеметы, появятся винтовки из-под шинелей, которыми их заботливо на время обстрела укрывали бойцы. И снова бой, и будут они отражать атаку за атакой. Гибнуть, но снова отражать силами тех, кто еще будет жив. И от того, как выполнит задачу взвод под командованием Соколова, будет зависеть в том числе и исход сегодняшнего боя. Может быть, оборона и без него выдержит, но вот потери в случае его неудачи будут очень большими.

– Две Семерки, я Тюльпан, как слышишь? – вдруг сквозь треск послышалось в шлемофоне. Алексей тут же прижал пальцами к горлу ларингофон и ответил:

– Я Две Семерки, слышу вас хорошо, Тюльпан.

– Две Семерки, вам «Зима». Повторяю, Две Семерки, вам «Зима»!

– Понял вас, Тюльпан! Выполняю! – почти крикнул Соколов и переключился на внутреннюю связь. – Внимание, Охотники, я Две Семерки. Заводи!

Заурчали стартеры, рокотом двигателей трех танков наполнился лесок. Первым повернул и пошел вниз, между деревцами танк Соколова с бортовым номером 077, потом 078 – танк Огольцова, потом 079 – Никитина. Алексей оглянулся на свои машины, застегивая шлемофон и готовясь спуститься в люк. «Мальчишество, – подумал он. – Я сейчас так горд, что командую взводом «тридцатьчетверок», как будто об этом мечтал с детства. А может, и мечтал. Танкистом стать мечтал. На современных могучих танках воевать мечтал».

Закрыв люк, Алексей проверил его ход вверх и вниз. Закрывать люки танкисты не любили, хотя приказ был на этот счет строгий и наказывали командиры за это регулярно. Во время боя люк легко могло заклинить, и тогда из танка всем членам экипажа через люк механика-водителя или нижний люк не выбраться. Можно сгореть заживо.

Танки спустились в низинку и постепенно исчезли из поля зрения наблюдателей со стороны позиций корпуса, только башни иногда показывались из-за кромки со стороны реки. Алексей держался обеими руками за ручку панорамного перископа и смотрел вперед и влево. По боевому расписанию во время марша и атаки командир наблюдает за передним и левым секторами, заряжающий за правым.

– Омаев, не спишь? – спросил Алексей в ТПУ. – Как обзор?

– Обзор нормальный, готов открыть огонь, – бодро отозвался чеченец. – Пока целей не показалось.

«Да, – с усмешкой подумал Соколов, – обзор у него нормальный. Там через эту дырочку толщиной с большой палец видно только, как небо меняется местами с травой во время движения танка. Ладно, подскажем, сориентируем, лишь бы он был готов. А Бабенко ведет танк плавно, – оценил командир. – Неровности глотает новой подвеской, не дергает. С таким водителем можно и на ходу стрелять. Попадать не получится, потому что все равно не прицелишься, но хотя бы вести психологический обстрел атакуемых позиций можно. В уставе это есть – стрельба с ходу. Только на старых «БТ» с пружинной подвеской стрелять при движении по пересеченной местности, да еще на большой скорости, было опасно – так раскачивало машину на ходу, что можно было снаряд пустить прямо перед собой в землю».

– Две Семерки, я Тюльпан! – послышалось в шлемофоне. – Доложите обстановку.

– Тюльпан, я Две Семерки, – с удовольствием ответил Соколов, радуясь, что теперь воевать ему приходится на радиофицированных машинах. Насколько упрощается управлением боем. – Пока чисто. Противник не обнаружен. Приближаемся к мосту. С ходу атаковать считаю нецелесообразным. Проведу визуальную разведку обстановки на мосту и атакую.

– Удачи, Две Семерки!

Соколов еще раз достал и развернул на колене карту. Низинка дальше выйдет к берегу пологим широким рукавом, и танки будут видны как на ладони с того берега и со стороны моста. Все, здесь надо встать и с биноклем осмотреться. Глянув в перископ, Алексей определил для себя точку остановки – одинокое дерево на склоне.

– Я Две Семерки, всем стоп! Стоп, Бабенко! Внимание, командир покидает танк, за меня остается сержант Логунов. Восьмерка, встань рядом, наблюдаешь вперед. Девятка, разверни башню назад, прикрываешь тыл. Омаев, с автоматом в люк, прикроете меня.

Не глуша двигателей, танки встали, как приказал командир, фактически заняв круговую оборону. Соколов еще раз осмотрелся в перископ на все 360 градусов и только потом, взяв из рук Логунова бинокль, открыл люк. Гул танковых двигателей и звук моторов грузовиков он услышал сразу. А еще где-то в нескольких километрах шел страшный бой. Канонада стояла такая, будто сотни орудий били почти одновременно.

Выбравшись из люка, Алексей спрыгнул на корпус танка, потом на землю и побежал к дереву на склоне. Там, за этим бугром, был спуск к реке. Упав животом на землю, молодой командир пополз к дереву и, наконец, приподнял голову над травой.

По мосту шли танки. Что это был за мост, видно было плохо, потому что под тяжестью танка бревенчатый настил пружинил и опускался, почти целиком скрываясь под водой. Один немецкий танк уже стоял на берегу и, нацелив ствол на овраг, прикрывал переправу других машин. За мостом стояло еще несколько танков и бронетранспортеров. Несколько офицеров и солдат с баграми ходили по краю моста, приседали и что-то обсуждали, активно жестикулируя. Командование не ошиблось, понял Соколов. По этой переправе немцы могут перебросить незаметно пару батальонов танков и до полка пехоты. А потом ударить со стороны этой балки фактически во фланг позициям корпуса. А если в это время еще и ударят с фронта их главные атакующие силы, то удержаться будет сложно. Не спасет даже отдельный танковый батальон тактического резерва.

Соколов вскочил на ноги и побежал к танку. Спешить, надо очень спешить! И канонада все приближается. Нет, не приближается, это приближается гул моторов сотен танков. Даже земля под ногами ходуном ходит. Голова стрелка-радиста Омаева скрылась в люке, пропуская в него командира. Соколов сразу схватил разъем ТПУ, подсоединил его к разъему шлемофона. Он не успел открыть рот и отдать приказ, как снаружи хлестко, со звоном ударил орудийный выстрел. Стреляла Восьмерка. И тут же в шлемофоне раздался голос Огольцова:

– Немец на прямой! Подбил, горит!

Соколов развернул перископ и увидел горящий немецкий «Панцер II». Из бокового люка вывалился танкист в черном обмундировании, но, тут же попав под пулеметную очередь, свалился и остался лежать ничком в траве. Остальные члены экипажа были убиты или ранены и танка не покидали.

– Девятка, – быстро стал командовать Соколов, – направо, на бугор. Бьешь по немцам, создаешь затор по ту сторону моста. Восьмерка, за мной! Что бы ни случилось, ты должен взорвать или поджечь мост. Любой ценой! Всем вперед!

Замыкающий их маленькую колонну старший сержант Никитин повел свой танк на склон. Он сумеет отвлечь немцев, он создаст впечатление, что к мосту подошли большие силы советских танков. Поторапливая Бабенко, Алексей прикидывал ситуацию и свои действия. «Если первый танк, что стоял на берегу, пошел в низинку, значит, с моста уже сошел второй, который будет прикрывать переправу. А если это не первый, если здесь, в

низинке, уже несколько танков, которые начали накапливаться перед атакой? Ничего, тогда я изменю задачу Никитину, и он будет бить по мосту. Ему мост и уничтожить, а мы его прикроем здесь, в балке. Хоть бортами танков, а загородим его, не дадим до него добраться».

Проскочив на скорости мимо подбитого танка, Соколов сразу увидел всю ситуацию в целом. Второй танк стоял перед мостом и поворачивал башню, по мосту шли третий и четвертый танки. Видимо, немецкие инженеры убедились, что такую нагрузку бревна настила выдержат.

– Восьмерка, бей тех, что на мосту, подожги их, а потом фугасными раздолбай сам мост! Бабенко, короткая! Бронебойным, два выстрела!

Танк плавно затормозил, чуть «кивнув» передней частью, и замер, почти не покачиваясь.

– Дорожка!

Логунов чуть докрутил механизм поворота башни, подготовив нужный угол заранее. Понял, какую цель прикажет взять командир. Танк на берегу поворачивал и поворачивал башню в сторону появившихся советских машин. Гулким звоном ударила пушка, лязгнул казенник, выбрасывая гильзу. Бочкин тут же вогнал на ее место второй бронебойный, схватил с пола гильзу и выбросил ее в люк наружу.

И тут по башне «тридцатьчетверки» ударила болванка, пройдя вскользь. Танк вздрогнул, но выдержал удар. Соколов видел в перископ, что первый снаряд ударил немецкую машину ниже башни в лобовую броню и пробил ее. Но танк успел выстрелить в ответ по советской машине, только снаряд не причинил вреда «тридцатьчетверке», отлетев рикошетом. Вторым выстрелом Логунов добил немца, и из танка повалил дым. Повернув перископ в сторону моста, Алексей не удержался от похвалы:

– Молодец, Восьмерка! Только не стой, маневрируй, маневрируй.

На мосту горел второй танк. Его спешно покидал экипаж. Третий, шедший сзади, тоже остановился, но в него уже попал еще один снаряд танка Огольцова.

– Влево, Бабенко, скорость! Еще! Стой, разворот вправо на мост. Короткая! Фугасный!

За мостом рвались осколочные и осколочно-фугасные снаряды, которыми с холма бил Никитин. Там уже горели два или три бронетранспортера и разбегалась в разные стороны, ища укрытия, пехота. Танки пятились от моста и шевелили стволами пушек, выискивая цели. Гул снаружи все приближался. Соколов стал крутить командирской башенкой, пытаясь понять источник звуков. Явно подходили танки. И в очень большом количестве. Вот уже началась стрельба. Даже в танке было

слышно, сколько одновременно било орудий. Ясно, немцы атаковали корпус со стороны долины.

Мост взлетел на воздух, бревна падали в воду, поднимая столбы воды, а немецкий танк погружался, оседая на корму. Второй задымил и судорожно перебирал гусеницами. И вскоре тоже стал сползать в воду. Еще два взрыва – и от моста не осталось ничего, кроме плавающих в реке обломков бревен и мелкой щепы. Пузырилась вода на месте, где в водугрузились два танка.

– Две Семерки, я Тюльпан, – послышалось в шлемофоне. – Ответь, Две Семерки!

– Две Семерки приказ выполнил! – доложил Соколов не без торжества в голосе. – Мост уничтожен. Уничтожены три вражеских танка, три бронетранспортера, два грузовика и до взвода пехоты.

– Молодец! Спасибо тебе, лейтенант. Слушай приказ, Две Семерки. Выходи на исходную, приготовься атаковать наступающего на позиции корпуса противника со стороны моста. Атака одновременно с контратакой батальона танкового резерва. Сигнал атаки – две красные ракеты. Не обнаружь себя раньше времени.

Это Соколову и так было понятно. Обнаружит три своих танка – и его уничтожат в два счета. Что он сможет противопоставить десяткам танков, которые повернут на него? Две минуты боя – и все кончено, если он даже и подобьет три, четыре машины. А вот его неожиданная атака будет иметь психологическое воздействие. Значит, удар корпуса в тыл атакующим немцам имел успех, значит, прорвались не все силы. Только знают ли немецкие командиры о том, в каком они положении оказались? Могут полностью и не владеть информацией. У них тоже далеко не все танки радиофицированы.

Приказав танкам занять позиции под склоном, Соколов вывел двоих заряжающих с пулеметами наружу для охраны танков от пехоты противника и стал ждать, слушая доклады своих пулеметчиков снаружи. Вот атакующие немецкие танки попали под огонь артиллерии корпуса. Несколько подбито, но основная часть идет и идет. Всего около восьмидесяти танков и два десятка бронетранспортеров с пехотой. Вот еще несколько танков встали – это работают «ПТР» из окопов. Есть, пехота высаживается и пытается идти вперед танков, выбивать истребителей танков из окопов. «Ага, сменили тактику, – усмехнулся Соколов. – Раньше пехота всегда у немцев шла за танками, прикрывалась броней. Ничего, мы вас научим нашей войне! Вот еще два танка встали. Всего наступают чуть больше шестидесяти танков. Надо ждать ракету».

Две ракеты взвились в воздух над задымленным и прокопченным полем боя. Две яркие алые, как кремлевские звезды, ракеты! Ну, вперед! Три танка выскочили по грунтовой дороге со стороны разбитого моста, прямо возле лесополосы. Фактически они оказались уже не во фланге наступающих немцев, а в тылу. С противоположной стороны, поднимая пыль и стреляя с ходу, вылетели «тридцатьчетверки» батальона Заболодько. Вот один немецкий танк, второй, третий загорелись. Вот у одного взрывом сорвало башню и отбросило в сторону. Три танка появились за спиной немцев и начали стрелять. Они шли неторопливо, выбирали цель и били наверняка – по моторным отсекам, по башням сзади, где толщина брони минимальная. Когда немцы опомнились и догадались, что их расстреливают с другой стороны, на поле горели в общей сложности уже больше половины их танков. Оставшиеся повернули к лесу, вяло отстреливаясь. Корпус поднялся в штыки, и над полем повисло могучее и торжествующее русское «ура!».

Глава 3

Колонна немецких грузовиков остановилась на шоссе, неподалеку от опушки. Из кабины вышли командиры, и под их резкие взмахи рук из кузова посыпались солдаты. Они выпрыгивали, отходили на обочину, поправляя ремни, подсумки, накидывая на плечи ремни винтовок. Это была какая-то часть, фронтовая часть, а не эсэсовцы и фельдполиция. Те вооружены автоматами, а это обычные гренадеры, шуцэ.

– До черта их! – зло проворчал лежавший рядом с генералом Казаковым начальник штаба корпуса полковник Тополев. – Такое ощущение, что они нас ждали. Или мы попали на чужой след. Ищут одних, а нарвались на нас.

– Ладно, нам от этого не легче. – Генерал поднялся с травы, отряхивая колени и поворачиваясь к бойцам. – Наблюдать, но на глаза не показываться. Отходите в последний момент. Нам бой не нужен.

Пригибаясь, чтобы не задеть нижних веток деревьев, генерал побежал назад, к своему штабу. На лесной дороге стояли несколько бронемашин, четыре грузовика с ранеными. Солдаты сидели на обочине на траве, кто перематывая обмотки, кто дожевывая последний сухарь. Курить было строго запрещено. Вдоль машин бежали капитан в зеленой фуражке пограничника с двумя бойцами, вооруженные автоматами «ППШ». Капитан Игошин из погранполка, отходившего вместе с корпусом и прикрывавшего мосты и переправы, остался единственным офицером-пограничником. И ему, как самому опытному, Казаков доверил разведку.

– Товарищ генерал, – Игошин перешел на шаг, шумно дыша, ловко вскинул руку к козырьку, – разрешите доложить?

– Да! Что там? – нетерпеливо спросил Казаков.

– Примерно две роты. На машинах. Видел несколько бронетранспортеров. Они пошли к Турово, к мосту. Думаю, пытаются перекрыть нам пути отхода в Суцевскую пущу.

– Все просчитали, – покачал Казаков головой, разворачивая поданную начальником штаба карту. – Нас они ждали, точно нас. С такими силами за простыми окруженцами не гоняются. Они думают, нас еще много, и не хотят в тылах оставлять боеспособную войсковую часть. Так, зажимают они нас грамотно.

– Фактически они нас берут в клещи в юго-восточной части массива и просто заставляют отступить к Турово. А там пулеметы,

бронетранспортеры. За мостом могут быть и танки.

– Не уважает нас враг! А то, что они переоценивают наше количество, нам только на руку. Нам сражаться все равно где. И все равно, где их бить. А вот эта орава, что сейчас вокруг леса карусель устроила, на передовую не попала. Значит, кому-то там подкрепления не досталось, а кому-то из наших командиров легче держаться. Жаль, что нас не так много, как они думают. Дали бы мы им сейчас зуботычину!

– Пока они кольцо не замкнули, Николай Степанович, нужно прорываться на узком участке, вот здесь, где лес выходит к железной дороге клином. Там пересечение с грунтовой дорогой, значит, машины с ранеными пройдут. А за железкой нас им не взять.

– Дело говоришь, начальник штаба, – кивнул генерал. – Действуем так. Игошин, возьми свой взвод и выходи вот в этот квадрат. Оцени обстановку и жди колонну с ударной группой прорыва. Покажешь ориентиры и пойдешь на острие удара. За железной дорогой сразу в лес. Проверить, нет ли мин и не ждут ли нас там сюрпризы. Общее командование прорывом поручаю полковнику Тополеву. Я со второй ротой прикрываю. Мы держим их клещи, чтобы они раньше времени не сжались и не перекусили нас пополам. Как только штабные машины и раненые перейдут железку, будем прорываться следом.

– Мы займем позицию за насыпью полотна, – показал карандашом начальник штаба. – Сразу развернем минометную батарею и прикроем вас, когда будете отходить к нам. Только я хотел предложить вам, товарищ генерал...

– Знаю, знаю, что скажешь, полковник! – оборвал Тополева Казаков. – Не мое это дело – в арьергарде воевать, мне при моих чинах в броневике сидеть и карандашиком над картой помахивать. Только войск у нас с тобой осталось шиш да маленько. И те бойцы, что здесь до последнего держаться будут, должны во что-то верить. И верить они будут, видя рядом командира корпуса, что все хорошо и что мы все выберемся. Все! Времени нет, десять минут на подготовку – и вперед. Лейтенант Дроздов! Ко мне!

Отдавая приказы, Казаков думал о двух полках, которые он потерял в неравных боях за эти несколько дней. Немцам удалось отрезать значительные части потрепанного корпуса друг от друга, но Казаков всегда находил возможность соединиться, используя маневр, изменяя направление ударов. Немцы бросались за остатками корпуса, но им никак не удавалось окружить генерала Казакова, взять его в плотное кольцо. Спасали рация и связь с командованием, которое корректировало движение корпуса к линии фронта. Иногда ставили попутные боевые задачи. Шесть дней назад

остатки двух полков оказались на острие удара немецкой механизированной группы и погибли, сдерживая наступление врага на важном стратегическом направлении. Сейчас у командира корпуса осталось в подчинении не больше батальона людей. Да и то батальона не полного состава. Это все, что осталось от корпуса за время боев с 22 июня.

Взвод под командованием капитана Игошина сбил боевое охранение немцев, захватив поврежденный бронетранспортер с укрепленным на турели крупнокалиберным пулеметом. Это мощное оружие вынудило гитлеровцев искать укрытие и отказаться от атаки на прорывавшихся из окружения советских солдат. Из леса показались пехотинцы. Они установили на флангах пулеметы и открыли шквальный огонь по шоссе. Грузовики с ранеными, броневики вышли из леса и понеслись к переходу через железнодорожное полотно.

На опушке леса немцев не оказалось. Разбившись на несколько групп, первый взвод прочесал лес на участке примерно километр. Последней прорывалась группа во главе с генералом Казаковым. Поредевшая рота отстреливалась, уходя перебежками по два-четыре человека. Вот замолчал пулемет в трофейном бронетранспортере, в который один за другим попали два танковых снаряда. У самого полотна железной дороги горели два броневика. На проселке и просто в траве на участке между лесом и железной дорогой лежали тела красноармейцев. Слишком много тел. Генерал посмотрел вперед и увидел впереди, перед самой насыпью, двух красноармейцев и лейтенанта Дроздова, склонившихся над чьим-то телом. Подбежав, генерал увидел полковника Тополева в окровавленной гимнастерке. Боец прижимал к ране на груди начальника штаба плотно свернутое полотенце, изо рта полковника ручьем лилась кровь на петлицы, на грязную нательную рубаху, поменять или постирать которую не было возможности уже две недели.

– Яков Тимофеевич, как же ты, а? – Казаков присел на корточки возле полковника и поднял его голову. – Сейчас, потерпи. Ребята носилки сделают, и мы тебя в лес, к сестренкам нашим. Перевяжут тебя.

– Нет, – хрипел полковник и пытался схватить Казакова за рукав, – не надо. Товарищ генерал... Николай Степанович... Я все думал, как немцы нам все время на пятки наступали...

– Так с каким шумом идем-то, – кивнул генерал. – Немудрено.

– Нет, не так... Рация. Не выходите в эфир больше. Игошин вам доложить не успел... Они у немцев радиопеленгаторы видели...

Рука полковника соскользнула с рукава командира и упала на траву. Лицо Казакова исказила гримаса боли. Всего-то они вместе прослужили

с Тополевым несколько месяцев, а как успели понять друг друга, сработаться. Какая потеря! Какой начальник штаба был! Умница! «Эх, Яков Тимофеевич, что ж ты меня одного-то оставил?»

Подбежали бойцы с двумя большими жердинами, начали просовывать их в рукава расстеленных шинелей, готовя самодельные носилки, но тут же замерли, поняв, что раненый полковник умер.

– Давайте, что встали! – прикрикнул на бойцов Казаков. – Понесем, пока не найдем где похоронить. Нельзя оставлять его.

Командир армейской группы генерал фон Рутцен провел совещание, пока его вещи заносили в здание и обустраивали его личную комнату. Два часа назад он прибыл в Слуцк, решив здесь оставить свой штаб. И теперь после совещания у генерала было двадцать минут на осмотр здания, в котором, как его проинформировали, располагалась старейшая гимназия, основанная еще Радзивиллами в начале XVII века. Генералу хотелось пройтись перед обедом по старинным залам здания, построенного в духе классицизма. Генерал любил древнюю архитектуру, любил историю и всегда говорил, что не будь он военным, то обязательно стал бы ученым-историком.

Адъютант, сопровождавший генерала во время этой экскурсии, успел немного почитать литературу по истории зданий в Восточной Европе и вполне мог поддержать разговор со своим шефом.

– Видите ли, Фридрих, – генерал заложил руки за спину и прошелся по пыльному паркету большой бальной залы, – славянам нельзя оставлять такие дворцы и исторические здания. Иначе они могут возгордиться своим прошлым. А великое прошлое для них кануло в Лету. Сегодня их участь – обслуживать великую нацию. А дворцы... Вы посмотрите, Фридрих, что они сделали с чудесным паркетом, который служил здесь князьям и королям сотни лет!

– Прошу прощения, генерал, но здесь проходили бои, – напомнил адъютант. – В здании почти не осталось целых стекол.

– Бои? – вскинул брови фон Рутцен. – Хотя действительно. Я уже и забыл об этом. Я полагал, что вина лежит исключительно на варварах, которым судьба подарила такое величие.

Адъютант хотел было добавить, что как раз варвары в XVI веке и построили эти дворцы, но что-то подсказало ему, что такого рода сведения испортят генералу аппетит перед обедом. А тут еще перед зданием на площади вдруг остановились бронетранспортер, «Мерседес» с откидным верхом и несколько мотоциклов. Начальство из штаба армии? Хотя вряд ли, подумал адъютант. Не было еще такого случая, чтобы представители

одного штаба прибывали в другой штаб без предупреждения. И он тактично поставил шефа в известность, что возле здания остановилась колонна и в здание поднялись два офицера. Генерал помрачнел, сделал жест рукой, поправив крахмальный манжет рубашки, и заявил, что пора отправляться обедать.

Прибывшие офицеры оказались представителями абвера. Генерал фон Рутцен принял их в своем новом кабинете, куда не успели еще принести старинные картины и вазы. Старинный стол для совещаний и большое кресло Радзивиллов смотрелись в обширном кабинете штаба довольно одиноко.

– Господа, – генерал поднялся из кресла и не спеша вышел навстречу гостям, сделав большое одолжение абверу, учитывая, что прибывшие были в чинах майора и всего лишь лейтенанта, – чем могу служить? Прошу вас сюда, к столу. Не желаете ли выпить с дороги?

– Благодарю вас, генерал, – щелкнул каблуками запыленных сапог старший офицер, держа в руках фуражку с мотоциклетными очками на тулье. – Позвольте представиться. Майор Штанге. А мой спутник – лейтенант Вигман. Мы не стали бы отрывать вас от ваших дел, но ситуация такова, что нам пришлось потревожить вас и обратиться за помощью. Поверьте, она вас не обременит, но услугу абверу вы окажете большую. Думаю, адмирал лично вам телефонирует, чтобы высказать свою признательность.

– Адмирал Канарис? – Генерал задумчиво покивал головой. – Нас представляли друг другу полтора года назад в... э-э, на вилле фюрера Бергхов в Альпах. Помнится, там подавали отличную осетрину, как раз приготовленную по-русски. Так что адмирал? Как его здоровье?

– Адмирал полон сил и энергии. И миссия, с которой мы посланы в эти леса, его очень волнует. Вы позволите мне изложить вам наше дело, генерал?

– Прошу, прошу, господа. – Генерал повел рукой, приглашая садиться. – Я весь внимание.

– Где-то здесь в лесах между Минском и Бобруйском ваши доблестные солдаты разгромили механизированный корпус русских. Командир корпуса со штабом пробивается из окружения, каким-то чудом ускользая из кольца. Личность этого советского генерала весьма интересует адмирала. Это некто генерал-майор Казаков. Очень талантливый полководец, как утверждает адмирал Канарис, и человек, преданный советским идеалам, истинный коммунист.

– Так чем ваше ведомство заинтересовал человек, коль скоро он

ортодокс коммунистической веры?

– Адмирал строит на нем расчет, – сдержанно улыбнулся майор. – Во-первых, с советским генералом по лесам путешествует достаточное количество секретных документов корпуса. Во-вторых, абвер намерен завербовать русского генерала. Не улыбайтесь, мы тоже полагаем, что русский генерал на вербовку не пойдет, но ведь в Кремле об этом не будут знать. Они узнают только, что мы им подбросим. И они поверят, генерал, я уверяю вас. Дело в том, что этот русский генерал был в свое время близок к другому высокопоставленному полководцу, которого Сталин так недальновидно расстрелял. Как и сотни других, впрочем. Предательство одного вполне оправдывается предательством другого. А мы раструбим с помощью ведомства доктора Геббельса, что красные генералы уже бегут от своего деспотичного верховного главнокомандующего Сталина. Кстати, Геббельс и Канарис уже встречались по поводу этой затеи. Это будет прекрасной и изящной дезинформацией на благо нашей победоносной армии.

– Не могу не согласиться, майор, – покачал генерал седой головой. – У вас в абвере светлые головы, если вы сумеете подорвать такими ходами советский фронт. Тогда мы еще до осени войдем в Москву и Петербург. Так чем я могу помочь адмиралу здесь, господа?

– Мы просим вас, генерал, отдать приказ вашим командирам оказывать абверу необходимую помощь в деле розыска русского генерала. Нам многое не потребуется. Просто в нужное время в нужном месте пара батальонов ваших егерей, чтобы оцепить район. Остальное мы сделаем сами.

– Вы уверены, что у этого вашего генерала совсем не осталось солдат и он путешествует один?

– Мы идем за ним по пятам. После последнего боя у него оставалось не больше роты солдат и мало патронов. Два дня назад он выходил в эфир радиостанцией, у которой кончалось питание. Сигнал был слаб, и его, я думаю, даже не услышали в Москве. Мы нашли место выхода в эфир и по следам определили, что генерал с группой солдат и офицеров движется в сторону линии фронта. При нем немного гражданских, которые прибились к его группе. И еще у нас к вам просьба, генерал. Отдайте приказ вашим солдатам не стрелять без разбора и ради развлечения во всех, кто выходит из леса.

Жаркое июльское солнце накаляло броню так, что на ней можно было жарить яичницу. Советские войска, измотанные непрерывными бомбежками и длинными переходами, снова и снова занимали

оборонительные позиции, встречали врага и снова отходили на восток. Немецкая третья танковая армия рвалась к Минску и Смоленску. Каждая успешная операция Красной Армии вносила надежду в сердца солдат и командиров. Может быть, вот здесь, вот на этих рубежах и окончится отступление, может быть, отсюда и погоним врага назад, с нашей священной земли.

Вот и сегодня, во время короткой передышки на марше, когда батальон остановили на дозаправку танков, а танкисты получили возможность получить горячее питание, политрук зачитывал сводки с мест боев: «Попытки наступающих немецко-фашистских войск с ходу прорвать советскую оборону в междуречье Березины, Западной Двины и Днепра наткнулись на ожесточенное сопротивление. В районе города Борисова 1-я Московская стрелковая дивизия вместе с частями местной обороны сумела остановить танки Гудериана. Полковнику Крейзеру за эти бои одному из первых на Западном фронте было присвоено звание Героя Советского Союза. Вы слышите, товарищи, как страна, как наша партия высоко ценят бойцов, которые не щадят жизни, героически и умело сражаются с врагом».

К вечеру, когда стало темнеть, батальон остановился в небольшом селе, рассредоточив танки на опушке леса и среди строений. Соколов очень удивился, когда его вызвали в штаб корпуса на совещание. Взводные командиры обычно на такие мероприятия не вызывались: им ставил задачу командир роты, а тот получал приказы от батальонного командира. Когда Алексей вошел в большой дом, у входа в который еще виднелась покосившаяся фанерная табличка «Сельсовет», то его сразу дернул за рукав Заболодько и оттянул в сторону, к бревенчатой стене. У стола, покрытого зеленой суконной скатертью, стояли командир корпуса и командиры полков. Генерал Тарханов водил указкой по расстеленной на столе карте, рассказывая о ситуации, сложившейся в районе действия войск корпуса. Молодой командир покосился на графики на стенах сельсовета, на кривые роста сельскохозяйственного производства. Да, сколько всего теперь порушено, разорено. А ведь передовой был колхоз, судя по результатам и графикам. Но тут он прислушался к тому, что говорит генерал. Предположения лейтенанта оправдались, что у их корпуса сил оставалось очень мало. Потери последних боев привели к тому, что в соединении не осталось ни одной полнокровной воинской части. Полки по численному составу приближались уже к численности батальонов. Артиллерия была почти вся уничтожена, огромные потери были в танках. Множество машин и тягачей вышли из строя и были оставлены в ходе отступлений. Значительная часть хозяйства корпуса теперь была на конной тяге. А перед

генералом, как оказалось, командование поставило еще и очень серьезную задачу, как перед полноценным корпусом полного состава.

– Чтобы задержать продвижение немецких войск и выиграть время для организации обороны, – говорил Тарханов, – командование фронтом приняло решение силами 20-й армии нанести контрудар между Витебском и Оршей в районе города Сенно. На острие удара 5-м и 7-м механизированными корпусами. Мы входим в прорыв с другими частями и развиваем успех, расширяя прорыв и закрепляясь на новых, утвержденных рубежах обороны. Всего планируется ввести в бой до 1300 танков.

«Вот оно что, – догадался Соколов. – Если учесть, что танков в корпусе осталось очень мало, нам будет поставлена особая задача, а может, и нас придадут другим корпусам, чтобы таранить немецкую оборону. Значит, ударим и погоним! Здорово! Вот почему вызвали и меня... Хотя других командиров танковых взводов здесь нет». Вскоре Алексей понял, как он сильно ошибался. И почему его вызвали в штаб корпуса под самый конец совещания.

Тарханов отпустил командиров и попросил остаться капитана Заболодько и младшего лейтенанта Соколова. Алексей с удивлением увидел, что в комнате остались еще два офицера, которых он до этого в корпусе не видел. Коренастый широкоплечий полковник с глубоким шрамом на виске и невысокий худощавый майор с колючими внимательными глазами. Все офицеры вышли, оставшиеся почему-то как один посмотрели на Соколова, отчего тот почувствовал себя не совсем уютно со своим одиноким кубиком в петлице. Не так часто ему приходилось общаться со старшими офицерами и даже генералами.

– Значит, это и есть ваш Соколов? – спросил полковник, откровенно разглядывая танкиста с ног до головы. – Молод, мальчишка совсем.

– Младший лейтенант Соколов, – вдруг заговорил Заболодько, – обладает незаменимым опытом боев взводом в отрыве от основных сил. Успешных боев. Он молод, но решителен, смел, обладает необходимыми знаниями тактики в части маневра в современном бою. Находчив, хорошо знает матчасть, прошел обучение в танковой школе на всех типах танков. Хорошо знает все преимущества и недостатки немецкой бронетехники.

Алексей слушал с удивлением и даже, забывшись, стал крутить головой, глядя то на одного офицера, то на другого. Когда комбат закончил, следом за ним вставил свое мнение и командир корпуса.

– Я видел результаты его боя в отрыве от основных сил, – вздохнул он. – Умелый командир. Добавьте к этому еще и его знание немецкого языка. Один из наших лучших молодых командиров. Комсомолец.

Политически грамотен.

То, что добавил Терехов, Соколову не понравилось. Когда начинают заводить разговоры о политической грамотности, обычно все сводится или к какой-то проверке по линии НКВД в результате чьего-то рапорта на тебя, или... Вообще Алексей чувствовал себя как конь на базарном торге. Все стоят вокруг него, обсуждают его масть и статью, торгуются. А он один молчит и не знает, чего ждать для себя лично.

– Хорошо, – наконец кивнул полковник со шрамом. – У меня возражений нет. Хотя все же я предложил бы поискать командира с бо`льшим опытом и постарше возрастом.

– Вам возраст нужен или результат? – нахмурился Тарханов.

– Командир корпуса прав, – добавил майор. – Нам нужен прежде всего результат, прежде всего успех. Я не возражаю против кандидатуры младшего лейтенанта.

– Хорошо. – Генерал кивнул Соколову, чтобы тот подошел ближе к столу, и достал из папки другую карту, сложенную в несколько раз. – Теперь слушай, Соколов, для чего мы тебя пригласили. Эти товарищи – представители штаба фронта. Полковник Горбунов и майор Сорокин.

– Представитель 3-го Управления наркомата обороны^[2], – добавил майор значительно.

– Ситуация такова, лейтенант, – снова заговорил Тарханов, поставив кулаки на край карты. – В настоящее время в 400-километровой полосе Западного фронта, в тылу у немцев в полном окружении сражаются десятки и сотни групп. Это остатки наших частей и подразделений. Среди них и штаб корпуса генерала Казакова. В соответствии с приказом Ставки Верховного главнокомандования мы должны сформировать мобильную ударную группу, которая сможет пройти по тылам немцев и вывезти генерала из-за линии фронта. Задача непростая, но на войне простых задач не бывает. Руководить операцией будет полковник Горбунов – опытный командир, за плечами которого и Хасан, и Халхин-Гол, и финская война, и Испания. А также в группу включили представителя контрразведки. Ты, Соколов, будешь командиром войсковой группы в составе твоего танкового взвода и взвода автоматчиков на трех грузовиках. Полковник Горбунов изложит план операции. Прошу вас.

Потерев шрам на виске, полковник подошел к карте, взял со стола карандаш и обвел им район северо-западнее Бобруйска.

– Вот из этого района в последний раз три дня назад выходила в эфир рация штаба корпуса. Генерал Казаков был жив и осуществлял командование остатками корпуса. Точнее, группой бойцов и офицеров, с

которыми он пробивался к линии фронта. Мы полагаем, что выход в эфир в последующем был невозможен по многим причинам, в том числе и по причине осторожности. Немцы активно используют на захваченных территориях радиопеленгаторы. Мы передали на частоте штаба корпуса о своих планах по эвакуации генерала, но получил ли он сообщение, сказать пока сложно. Наша задача – выйти в указанный район, возможно, движение будет корректироваться по радио по мере поступления сведений о генерале. На месте мы готовим взлетно-посадочную полосу, на которую прибудет легкий самолет и вывезет генерала. Все.

– Позвольте еще мне добавить, – строго сказал майор. – Операция строго секретная. Во-первых, с генералом через тылы идет и секретная часть корпуса. А это документация, которая не должна попасть в руки врага. Во-вторых, к штабу корпуса прибилась группа товарищей с архивом Гродненского горкома партии. А это не только сведения о коммунистах и партийном активе, это еще документы чисто мобилизационного характера и документы, касающиеся подготовки партизанской и подпольной борьбы на временно оккупированной фашистами территории. Все эти документы должны быть или вывезены из-за линии фронта, или уничтожены в присутствии комиссии. В состав комиссии обязан войти представитель контрразведки.

– Понятна задача, Соколов? – спросил генерал.

– Так точно, – попытался ответить твердым голосом Алексей и замолчал, хотя ему хотелось задать несколько вопросов.

– Хорошо. – Генерал выпрямился и посмотрел на Соколова. – Удачи тебе, лейтенант. Отправляйтесь в расположение батальона, там решите все вопросы, касающиеся подготовки и выхода вашей группы. Ответственным за подготовку я назначаю капитана Заболотько. Технические службы и службы вооружения предупреждены и окажут всю посильную помощь.

В блиндаже комбата было накурено, вестовой принес уже второй чайник с кипятком. Офицеры склонились над картой, по которой полковник Горбунов водил курвиметром^[3].

– По прямой всего 220 километров, – сказал полковник, – но, учитывая рельеф местности и то, что нам нельзя будет двигаться по дорогам, то расстояние, которое должна пройти группа, будет равняться примерно пятистам километрам. Если не ввязываться в бои, то пройти его можно за три дня. Как состояние машин, лейтенант?

– Состояние танков удовлетворительное, товарищ полковник, – ответил с готовностью Соколов, у которого уже сложилось свое мнение. – Если рассчитывать на пересеченную и сильно пересеченную местность, то

это максимальные нагрузки на трансмиссию и подвеску. Состояние траков гусениц близко к критическому. Но равнинной местности они бы прошли еще около тысячи километров, хотя замена помпотехом предполагается после пятисот в боевых условиях. У двух танков требуется профилактика с заменой некоторых тяг и фрикционов. Я примерно набрасывал для себя список для комбата, но теперь думаю, что этот список пригодится для нашей операции.

Соколов встал, снял с крючка у входа в землянку свою полевую сумку и вытащил из нее листок ученической тетради, исписанный убористым аккуратным почерком. Он положил его на стол перед комбатом и полковником и снова сел.

– А еще у меня есть другое предложение или замечание, если хотите. Наши полуторки не пройдут и половины пути. Да и грузоподъемность у них смешная. Трехтонных «ЗИС-5» у нас четыре штуки, и без них корпусу будет трудно, но дело не в этом. Они тоже не приспособлены к таким переходам по оврагам и лесным просекам с пеньками и завалами сушняка.

– Что вы предлагаете конкретно? – нахмурился майор. – Отказаться от операции? Если прикажут, то пойдем пешком! И выполним приказ!

– Подождите вы, – махнул рукой полковник и повернулся к комбату. – У вас в штате корпуса есть броневики «БА-3».

– Они тоже оврагов не выдержат, – покачал головой Заболодько. – А на броню мы много десанта не посадим. Да и попа`дают у нас люди на первой сотне километров. А одними танками без пехотного прикрытия тоже опасно.

– Так вот я и хотел предложить, – вставил побледневший Соколов, испугавшись, что его не станут слушать, обвинят в трусости, некомпетентности и отстранят от участия в операции. – На краю леса я видел пять или шесть подбитых немецких колесно-гусеничных бронетранспортеров. 251-е «Зондеркрафты» – наши бойцы их «ханомагами» называют. Надо посмотреть, в каком они состоянии, может, три штуки из них удастся восстановить. Они берут кроме экипажа на борт десять пехотинцев. На двух два отделения, третий с бочками топлива для танков. Так мы хоть в одну сторону доедем на своем горючем. А третье отделение – на мотоциклы. Они будут у нас выполнять роль мобильной разведки впереди.

– Слушайте, а ведь в случае чего мы и за немцев можем в их тылу сойти, а? – оживился полковник. – Молодец, лейтенант!

– Слишком много всего! – проворчал майор. – Три танка, три бронетранспортера, пять мотоциклов. Шум, гам и треск моторов, а мы

должны как кошки пройти. Незаметно. А тут целая рота армейская уже получается.

– Горючее, – стал многозначительно загибать пальцы полковник, глядя на майора и попыхивая папиросой в углу рта, – взвод автоматчиков для огневого боя и поддержки танков. Можно и на конях верхом, как в Гражданскую. Эскадроном! Да только это до первого пулемета немецкого. Нам ударно-штурмовая группа нужна, иначе не прорваться. А прорываться придется с боем. И туда. И назад.

– Приказ Москвы, – тихо напомнил о чем-то майор, и полковник хмуро замолчал.

Соколов не понял этой недомолвки, и только на следующее утро перед самым выходом в рейд он узнал от комбата, что у руководства группы есть еще один приказ. Генерал не должен попасть в руки врага. Есть сомнения в Москве насчет генерала Казакова. Близок он был в свое время к маршалу Тухачевскому. Именно Тухачевский Казакова продвигал по карьерной лестнице. Этот приказ был и на тот случай, если комкор откажется бросить своих людей, оставить на попечение своего заместителя и вылететь в Москву на самолете, который за ним прибудет.

Алексей неторопливо шел между деревьями во взвод. Надо отдохнуть, надо обязательно хоть немного поспать. День будет напряженный, может быть, даже бой. Завтра будет нужна свежая голова. Но спать не хотелось, одолевали сомнения. Собственно, как всегда и бывает перед боем. Это потом все отойдет на второй план, а сейчас думалось о многом, многое вспоминалось. И военного, и довоенного. Внутри мир уже разделился на «до войны» и «после войны». Два совершенно разных мира, таких непохожих, как будто все это из разной жизни разных людей. Алексей понимал, что и он теперь другой человек, не такой – каким был прежде. И мир теперь изменится до неузнаваемости. Он уже тоже не будет прежним.

– Такой мир изуродовали, сволочи! – прошептал Алексей с чувством и зло сплюнул под ноги.

К его удивлению, во взводе не спал только экипаж его командирского танка. Сидя возле «тридцатьчетверки» на сложенном брезенте, танкисты тихо о чем-то говорили. Был слышен мягкий южнорусский говор Семена Михайловича, который что-то рассказывал об отдыхе в Крыму с женой. Логунов солидно поддакивал и добавлял веские аргументы о пользе отдыха всей семьей. Коля Бочкин беспечно посмеивался, кидая камешками в гусеницу танка. Молчал только один Омаев, лежавший на спине и, подложив руки под голову, смотревший в небо, видневшееся между кронами деревьев.

Увидев появившегося из темноты командира взвода, первым вскочил на ноги Логунов, попытавшись в соответствии с уставом подать команду «смирно» и доложить о порядке в подразделении. Но Соколов остановил его.

– Сидите, сидите, товарищи. Отдыхайте. – Алексей присел рядом с танкистами на брезент и откинулся спиной на ствол березы. – Почему не спите? Завтра у нас марш на неизвестное расстояние. День будет тяжелым.

– Не спится, – за всех ответил Бабенко. – Вот сидим, вспоминаем. Сейчас бы картошечки испечь, да костер вы запретили разводить.

– А можно и НЗ добить! – с готовностью встрепенулся рядом Бочкин.

– Спать ложись, – с укором прогудел голос Логунова. – Когда спишь, есть не хочется. НЗ не дураки придумали. Он знаешь как порой выручает? А то и жизнь спасает в критической ситуации. Голодный солдат – плохой солдат.

– Вы бы лучше пример брали с Омаева, – сказал Алексей. – Спит человек, сил набирается.

– Я не сплю, – тут же ответил горец. – Я на звезды смотрю.

– Зазнобу свою вспоминает! – хихикнул Бочкин. – Не, товарищи, вы как хотите, а я на войне зарекаюсь влюбляться. Это ведь ты в бой идешь, тебя черт знает куда посылают и неведомо когда вернешься, а она там, может, с доктором обнимается. Доктора они знаете какие!

Омаев вскочил так, как будто его пружиной подбросило. Он мгновенно оказался возле Бочкина и схватил его руками за ворот гимнастерки. Тряхнув парня так, что у того зубы клацнули, он зло прорычал ему в лицо:

– Если ты еще раз с такими намеками при мне или без меня про Людмилу будешь говорить, я из тебя душу вытрясу!

– Отставить! – От неожиданности и негодования у Алексея сорвался голос.

Но тут вмешался Логунов, положивший руку на плечо Омаева, и отодвинул Бочкина в сторону.

– Как дети, ей-богу, – снисходительно сказал сибиряк, а потом аккуратно, но ощутимо отвесил Бочкину подзатыльник. – Оболтус ты, Колька. И трепач.

– Че вы, че вы? – Бочкин втянул голову в плечи и моментально сменил тон. – Ну пошутил я, чего же непонятного. Бешеные все какие-то. Я просто обстановку хотел разрядить. А то про курорты завели шарманку, про звезды. Ну, светят, и что? Невидадь какая.

– Ты в горах не был, – уже совсем мирно сказал в темноте Омаев, укладываясь опять на брезенте. – Выйдешь ночью из дома, ляжешь вот так

на спину и, кажется, тонешь в море звезд. А они яркие, переливаются, как будто манят, за собой тянут, подняться к ним и по волне Млечного Пути уплыть. А там так красиво...

– Руслан и Людмила, – тихо шепнул Бабенко Соколову и по-доброму улыбнулся. – Сказка! Любовь, что тут скажешь. Ей и война не помеха.

Полковник Горбунов построил личный состав на поляне при свете двух аккумуляторных фонарей. Потирая по привычке шрам на виске, он смотрел некоторое время себе под ноги, потом резко опустил руку и прошел взглядом по рядам бойцов. Три отделения автоматчиков с «ППШ» на груди замерли возле своих бронетранспортеров. В каждом отделении опытный сержант-командир. С каждым сержантом Горбунов побеседовал лично, с каждым водителем для бронетранспортера тоже, выясняя его водительский опыт и степень знакомства с немецкой техникой. Отделение мотоциклистов. Мотоциклы собрали трофейные немецкие, какие нашлись в корпусе. На каждом ручной пулемет и по две канистры бензина. Третий «ханомог» стоял отдельно. В нем восемь 200-литровых бочек с топливом. Дизельное для «тридцатьчетверок» и бензин для бронетранспортеров. Три танка темнели среди деревьев, три экипажа и их молодой младший лейтенант, так хорошо себя зарекомендовавший за эти недели. Полковник в который уже раз после 22 июня с горечью думал о том, как много было упущено в тактике, в обучении войск и командиров. Как тяжело понимать, что идеология, какой бы она героической и победной ни была, все же не должна довлеть над армией. Армия должна быть над идеологией, над политикой. Она должна воевать, она должна выполнять приказы.

Участник многих пограничных конфликтов, участник войны в Испании, полковник Горбунов успел перед войной окончить и академию. И только в условиях полномасштабной войны на обширных территориях со всем многообразием ежеминутно меняющейся тактической и стратегической обстановки он ощутил недоработку военного руководства. Не учили красных командиров отступать, не умели они вести бои в условиях отступления частей и соединений. Их учили только наступать, встречному бою в крайнем случае. А у войны свои особые законы, там случается всякое. Сталкивался Горбунов и с непониманием и склонностью надежды на авось многих командиров. Немцы, даже занимая временную позицию, в промежутках между наступлениями всегда окапывались в полный рост, рыли окопы полного профиля со всеми фортификационными атрибутами. А наши, вспоминал полковник, все норовили за корягу да за дерево спрятаться, лопаткой вокруг себя землю поскрести, и хватит. Потому и потери большие, потому и рубежи зачастую не могли удержать.

Да и не только в этом была причина. Не умели наши командиры воевать в условиях отсутствия связи, нарушения условий управления войсками.

А разведка? Это очень коварный и далеко идущий в своей ошибочности тезис, что вести разведку может каждый красноармеец! Да не может каждый. Учить этому искусству нужно отдельно и очень кропотливо. Знаний нужно много: нужно научить людей не только смотреть, но и видеть, понимать, на что обращать внимание. Учить просто скрытно передвигаться, быть незаметным, основам индивидуального боя учить, а не в составе отделения, взвода и роты. Нужно специально обученные разведывательные подразделения иметь во всех родах войск. И в пехоте, и в танковых частях, и в артиллерии. Нужны специалисты по разведке в штабах соединений. Разведку нужно вести не только путем наблюдения со специальных постов в полосе своей обороны. Нужна регулярная разведка в тактических и стратегических тылах противника, нужны специализированные и хорошо подготовленные специализированные группы.

Да это вообще особенное и глубокое, упущенное в Красной Армии направление в военном искусстве. И вот сейчас бы не пришлось набирать с миру по нитке группу более или менее подходящих бойцов с минимальным опытом и талантами для выполнения такой важной задачи. Да и себя полковник Горбунов не чувствовал особо подготовленным. Чего уж говорить о стоящем за его спиной майоре Сорокине, который военного дела совсем не знал. А его оперативный опыт там, за линией фронта, сводил его пользу в группе вообще к нулю.

— Товарищи! — твердо, как и положено командиру, произнес Горбунов. — Перед нами стоит важная и сложная боевая задача. Пересечь линию фронта, выйти по немецким тылам в район, где героически сражались генерал Казаков и его товарищи. Мы должны спасти секретные документы, завладев которыми гитлеровцы смогли бы нанести непоправимый чудовищный урон Красной Армии. Мы идем с вами в опасный рейд, но мы с вами спасаем тысячи и тысячи жизней. Выполним приказ и вернемся с честью. А кому суждено погибнуть, тем слава и великая память нашего народа. Идет священная великая война. Родина в опасности, и мы идем с вами туда, куда нас Родина посылает. Мы воины великой страны, и мы победим! Заводи!

Не говорить всей правды было сложно, умолчать и заставить людей поверить, что этот рейд необходим, еще сложнее. Но и сказать, что вся группа идет только для того, чтобы спасти одного человека, когда ежедневно гибнут десятки тысяч, было бы глупо. Пусть речь и идет о

жизни генерала. Полковник Горбунов смотрел на своих солдат злой и недовольный собой. Не так, не те слова он подобрал. Как все глупо и неправильно. Отогнав от себя пустые и вредные для дела мысли, он сосредоточился на ходе операции, которой руководил.

– По машинам! – пронеслось над поляной, стук десятков сапог, звук стартеров наполнил тишину ночного леса. И этим звукам вторила далекая канонада, стук пулеметов где-то в ночи на передовой.

Через минуту колонна потянулась лесной дорогой на запад. Соколов сидел в люке, ощущая прохладу брони танка и пригибаясь, когда над дорогой появлялась низко свисающая ветка дерева. Колонна шла к речной пойме в сторону от дорог. Немцы атаковали днем и ночью, танковые клинья врезались в нашу оборону, разрезая и разрывая ее, и в эти прорывы вливались новые войска. Удары наносились по фронту, во фланги, Красная Армия контратаковала, даже отбивала захваченные фашистами населенные пункты и снова откатывалась на восток.

Сплошной линии фронта еще не было. Оборонительные позиции создавались на линии ударов, на танкоопасных направлениях. Группа шла к рубежу, на котором немецких войск, скорее всего, не было. По крайней мере, там не было окопов, батарей противника, минных полей. А еще контратака наших корпусов на линии Орша – Витебск должна была отвлечь немцев, подтянуть в район прорыва Красной Армии все резервы, все имеющиеся в оперативном подчинении этой группы войск силы. В районе прорыва ударной группы немцы не видели больших сил Красной Армии и не ждали удара. А значит, там не было войск. Почти не было.

Машины шли без света фар, мерно урча двигателями в ночной темноте. Соколову, чей танк шел во главе колонны, приходилось спускаться в люк и закрывать его. В башне он включал свет и рассматривал карту. Потом снова поднимался наверх и смотрел на местность, искал ориентиры, убеждаясь, что они двигаются правильно. Промеренный шестами брод должен быть справа. Вот у края проселочной дороги появились две раздвоенные березы. Искривленные стволы, поникшие ветви. Одна береза чуть обгорела. Здесь проселок должен раздвоиться. Одна дорога пойдет вдоль реки на юг, вторая свернет, небольшой спуск, а потом брод. Танки могут форсировать водную преграду до глубины 1,3 метра. Отклоняться в сторону опасно – потом придется вытаскивать заглохшие машины буксиром. Потеря времени и лишний шум.

Колонна остановилась, и полковник, выбравшись из бронетранспортера, отправил вперед мотоциклистов. По вешкам, которые выставили еще вчера, мотоциклы прошли самой мелкой частью брода на

другой берег и заняли оборону. Потом прошли танки, следом на берег выбрались бронетранспортеры.

– Все, можно сказать, мы на нейтральной полосе, – показал на ночную равнину полковник подошедшему к нему Соколову. – Дальше, в полукилометре от берега, есть топкая пойменная часть. Ее заливают весной, там бьют родники, и почва переувлажненная бо́льшую часть теплого времени года.

– Вы уверены, что мы там пройдем? – спросил Алексей.

– Несколько дней назад там наши колесные броневики прошли. Я расспросил водителей, у них там один опытный оказался, знает, как такие топкие места проезжать. Он их и вывел. Говорит, и танки пройдут, только нельзя останавливаться. Зароется гусеницами, и не вытянуть потом. Как твои, справятся, опытные водители?

– Справятся, только надо по всей линии прохода бойцов поставить, чтобы отмашку давали, как бакены на реке, знаете? Механики будут знать, что их объезжать надо слева. И так до следующего.

Полковник ушел вперед с мотоциклистами, потом по радио велел двигаться бронетранспортерам. Те, двигаясь извилистым путем, по проложенной трассе пересекли заболоченный участок свободно. Оставалось дело за танками. Бабенко подошел к Соколову и чуть тронул за рукав. Алексей уже привык к не совсем военным манерам испытателя и относился к нему снисходительно. Хотя кто кого больше опекал, понять было сложно. Семен Михайлович к своему командиру относился с отеческой любовью. И с кухни котелок принесет погуще, и подушку раздобудет на ночлеге в деревне.

– Товарищ командир, давайте я проведу каждый танк. Я смогу, я гонял их по таким топям сотни раз. А ребята могут растеряться и встать. А этого нельзя. Гусеницы тяжелой машины, они как ножовка в дерево врезаться будут и только хуже сделают, если давать слишком много газа. Тут внатяжку надо идти, на ровных оборотах.

– Семен Михайлович! – Соколов оглянулся, не слышит ли кто их разговора. – Понимаете, нам нельзя этого делать. Это армия, тем более война. Даже если есть риск утопить танк, если есть риск сорвать операцию, я как командир не имею права не доверять механикам. Если я взял их с собой, значит, уже доверяю. И каждый должен сам, поймите. Если я не доверяю, человек сам начнет в себе сомневаться. Нельзя этого на войне.

– Да, вы, наверное, правы, – кивнул смущенный Бабенко. – Просто я невоенный человек, а у вас тут своя психология. Вас этому учили, наверное, в танковой школе?

– И в школе, и на войне. Война тоже учит. Вы лучше поговорите с водителями, подскажите, посоветуйте – так будет лучше. Так вы им сможете помочь. Но не подменять собой каждого.

И тут небо осветилось такими зарницами, что все повернули головы на северо-запад. Донеслись звуки канонады. Где-то там сейчас началась артподготовка. Били сотни орудий, летели огненные стрелы реактивных снарядов «катюш». Начиналась совместная войсковая операция. Надо было торопиться. Один за другим танки уходили в темноту. Шлепали по грязи танковые гусеницы, урчали натужно двигатели, но машины преодолевали преграду, двигаясь от одного выставленного на маршруте бойца до другого. Последним через топь пошел танк Соколова. Бабенко провел его мастерски, на одном дыхании – так показалось лейтенанту.

Глава 4

По приказу полковника Горбунова первыми вперед ушли мотоциклисты, за ними «ханوماги», три танка, и замыкали колонну два других бронетранспортера. Как Соколов ни пытался доказать полковнику, что первым надо идти танку, тот не согласился. Солнце еще не поднялось, только светлело небо на востоке, а колонна под грохот артиллерийской стрельбы в районе прорыва под Оршей уже шла на полной скорости. Нужно было засветло преодолеть около тридцати километров перелесками и балками. И тогда можно считать, что линию передовых частей вермахта они прошли. Хотя трудно было точно сказать, где немцы прорвались, а где еще нет. Сведения разрозненные, связь все время нарушается, а вышестоящие штабы часто молчат, лишь отдавая общие приказы держаться, не отходить.

Насколько Соколов помнил карту, они сейчас двигались вдоль невидимого за деревьями железнодорожного полотна, а левее начиналось общее понижение местности. Сначала это была обширная балка с пологими крыльями, потом она уходила между двумя холмами вытянутой долиной. Днище долины было все изрезано промоинами, здесь было множество каменных блоков из развалившегося сливного песчаника. Щебенистые участки сменялись каким-то диким нагромождением камня. Горбунов выбрал этот район как наиболее подходящий для скрытного перемещения группы на восток.

Алексею очень хотелось связаться с командирами танков своего взвода Огольцовым и Никитиным. В таком молчании, не поддерживая связи, не зная о возможных возникающих проблемах на других машинах взвода, ехать было муторно, но режим радиомолчания был сейчас важнее привычки командира постоянно иметь информацию о состоянии подразделения.

– Бабенко, как машина? – спросил Соколов по ТПУ механика-водителя. – Что за хруст?

– Камень, наверное, между катками попадал, – отозвался напряженным голосом Бабенко.

Соколов понимал, что двигать постоянно рычагами танка на таком сложном участке, где все время надо поворачивать, все время менять передачу, – дело непростое. И очень тяжелое. Сейчас у Семена Михайловича наверняка по спине пот ручьем течет.

– Не устали? Вас сменить? – спросил Соколов.

– Нет, спасибо, – совсем не по-военному ответил Бабенко, заставив Алексея про себя улыбнуться.

– Логунов, примите наблюдение, – приказал Алексей командиру башни, сел внизу на укладку и достал карту.

Место, где сейчас находилась колонна, было не очень хорошее. Здесь пересекались на дне низинки две грунтовые дороги. Одна второстепенная, незначительная, а вторая – настоящий проселок, соединяющий два приличного размера населенных пункта. Как бы не столкнуться с немцами.

– Усилить внимание! – приказал Соколов, закрывая планшет, и тут же в шлемофоне громом ударил голос Логунова:

– Немцы! Слева тридцать... бронетранспортеры... танк, черт... три танка!

И теперь сквозь шум двигателя и лязг гусениц Соколов слышал автоматные и пулеметные очереди. А вот бахнула и раз, и другой пушка. Это били танковые пушки. Немецкие.

– Взвод, к бою! – рявкнул Соколов что есть мочи по рации. – Рассредоточиться! Восьмерка, Девятка – выбивать танки. Первый, я Две Семерки», я Две Семерки!

Горбунов не отвечал, в шлемофоне трещало и пыхтело, отчасти слышались выстрелы и взрывы. Прикинув к нарамнику перископа, Соколов крутил командирскую башенку из стороны в сторону, пытаясь точнее понять сложившуюся ситуацию. А, чтоб вас! Горел один «ханомог», кажется, головной. Слева по склону спускались и разворачивались в боевой атакующий строй три немецких танка. Выстрел, болванка чиркнула по башне командирского танка, но Соколов удержался, не упав и не выпустив из рук скобы перископа. Не путать цели, не мешать, ведь приказ уже отдан. И точно, левый немецкий «Т III» замер на месте, потом чуть пополз в сторону и задымил. Бронетранспортеры поливали пулеметами мотоциклистов и стояли. За их задними бортами мелькали зеленые мундиры высаживающейся пехоты.

– Фугасно-осколочными, – приказал Соколов своему командиру башни. – Цель – два бронетранспортера на дороге правее немецких танков. Уничтожить! Первый, ответьте Двум Семеркам!

Горбунов молчал, и это Алексею совсем не нравилось. Когда загорелись один за другим оба немецких бронетранспортера, а потом замерли и еще два танка, Соколов вздохнул свободнее. Оставив машину Огольцова прикрывать прорыв, Алексей бросил в эфир приказ: «Всем вперед!» Бабенко явственно прошептал: «Простите, ребята», и добавил

газу. Алексей знал, что это значит. Во время боя приходилось ехать там, где безопаснее, и просто маневрировать вне зависимости от того, что попадает под гусеницы танка. И часто под них попадали тела. И сейчас там лежали свои мертвые красноармейцы. И иного выхода, как прорываться напрямик, не было. Погибли бы и другие. Младший лейтенант Соколов уже очень хорошо знал, что такое соскребать остатки человеческой плоти с бортов танка. Гусеницы чистые, они сами очищаются о камни и землю с травой. А вот борта приходится частенько отскабливать и отмывать.

Выскочив левее дороги, Соколов занял позицию на случай, если с противоположной стороны тоже выскочат немцы, но со стороны деревни никого не было. Проехал второй «ханомаг» с горючим, потом третий, огрызающийся пулеметным огнем с турели. Несколько бойцов на ходу соскочили через задние створки бронетранспортера. Из подбитого головного вытащили троих раненых. Остальные, видимо, были мертвы. Девятка сержанта Никитина ушла вперед, уводя за собой два «ханомага». Соколов видел в перископ, как три мотоцикла тоже уехали следом за колонной. Значит, не все автоматчики погибли, успели вовремя сориентироваться.

– Восьмерка, уходим, как слышишь меня? – пытаюсь перекричать грохот пушки в башне, позвал Соколов.

– Еще два танка, – зло процедил сквозь зубы Логунов, бешено вращая ручку поворота башни. – Слева заходят. Не видит он их, что ли!

– Логунов, бронебойным... башню быстрее. – Алексей повис на перископе танка, скрипнув зубами. – Восьмерка, сзади! Сзади!

Первый снаряд угодил «тридцатьчетверке» Огольцова в башню. В шлемофоне хорошо было слышно, как кто-то вскрикнул с болью. Сашка! Огольцов! Они не успевали: танк еще крутился на месте, разворачиваясь навстречу врагу, но башня не вращалась. Логинов наконец выстрелил. Бронебойный снаряд сорвал запасные траки с борта немецкого танка и улетел в сторону. Немец попятился, вращая башней. Логунов снова припал к прицелу. «Выстрел!» Теперь снаряд пробил лобовую броню возле люка механика-водителя. Танк с крестами на бортах встал. Второй попятился, но подбитая «тридцатьчетверка» с номером 078 все ползла и ползла, хотя изнутри уже валил дым. Соколов прикусил губу. Раненый, а может, и умирающий механик-водитель прибавил газу – и танк рванулся вперед, как зверь в предсмертной агонии бросается на врага. Удар, скрежет металла! На склоне низинки, где дорога уходила вверх, два железных монстра сцепились гусеницами, броней, ревели моторы, копоть из выхлопной трубы

летела выше крон деревьев. И «тридцатьчетверка» победила. Немецкий танк перевернулся на бок и поехал башней вниз по травянистому склону, бешено вращая гусеницами.

Танк с бортовым 078 вспыхнул. Соколов крикнул Бабенко «вперед!», но механик не успел тронуться, как в «тридцатьчетверке» взорвался боезапас. Башню сорвало и отбросило в сторону, как факел, который бросают в волков зимой возчики в степи. Из оставшегося корпуса тоже бил огонь.

– Бесплезно, командир. – Логунов положил лейтенанту руку на плечо. – Их там уже нет, не осталось от ребят уже ничего после такого. Я знаю. Не надо, танк им могилой будет. И памятником.

– Бабенко, догоняем своих, – скрипнув зубами, проговорил Соколов, хотя скулы сводило судорогой боли и отчаяния. – Вперед!

Экипаж молчал. Вообще-то в боевой обстановке разговаривать на отвлеченные темы было запрещено, но такие запрещения часто игнорировались. Но сейчас все были в шоке от произошедшего, от тарана танком танка. Это же надо какое самообладание иметь, силу воли, чтобы, умирая, собраться с силами и так напоследок ударить врага.

– Две Семерки, ответьте Девятке, – послышалось в эфире.

– Девятка, далеко ушли? Доложите обстановку.

– Километр на юго-запад, здесь расширение балки, лес гуще, много холмов и овражков. Фашистов не видно и не слышно.

– Хорошо, Девятка, ждите меня, – приказал Соколов, помедлил и добавил: – Восьмерка сгорела. Ребята погибли.

В ответ промолчали. Обычное дело: танкисты в бою выживают нечасто. Если снаряд попадает в гусеницу, повреждает траки, то экипаж по уставу даже под огнем врага должен принять меры к ремонту и быстрому возвращению танка в строй. Если танк подбит, экипаж, если он жив, должен со стрелковым оружием защищать машину. Так гласил устав. Но это было счастье, когда снаряд попадал в ходовую часть или в мотор и у экипажа была возможность покинуть машину. Чаше бронебойный снаряд или кумулятивный, пробивая или прожигая броню, убивал и калечил тех, кто за ней находился. Часто остальные члены экипажа были оглушены или ранены и не могли покинуть машину. А кто мог покинуть, тот попадал под огонь немецкой пехоты или пулеметчиков с других фашистских танков.

Хрустя мелким камнем под гусеницами, танк летел по низинке, лавируя между деревьями. Соколов сидел в люке, внимательно посматривая по сторонам. Видимость была хорошая, потому что деревьев было не очень много. Но дальше, где ждала колонна, лесок был гуще. Там

можно укрыться, подумать, принять решение. Алексей уже привык к тому, что часто приходится бросать тела убитых красноармейцев на поле боя, отходя, оставляя позиции. И сейчас они не могли, не имели права остаться и похоронить тех, кто там погиб, на этом пересечении дорог. Закон войны. На первом месте всегда выполнение задачи. И все, что может помешать выполнению задачи, отходит на второй план. «Черт бы побрал этих немцев. Откуда они там оказались, что это за группа шла проселком? Засветились мы. Они могли успеть передать о нашем появлении в своих тылах».

Спрыгнув с брони танка, Соколов посмотрел на Никитина, подошедшего к нему и вытиравшего лоб под сдвинутым на затылок шлемофоном, на майора Сорокина с напряженными злыми глазами. Сержант из второго «ханомега» остановился в нерешительности. То ли подойти к офицерам, то ли приготовиться построить своих солдат. После того боя и потерь у всех душа была, как говорится, не на месте.

– Что с ранеными? – спросил Алексей, подходя к бронетранспортеру. – Кого вы оттуда сняли?

– Полковника. – Красноармеец, поивший из фляжки другого бойца с перевязанной головой, кивнул на тело офицера, накрытое плащ-палаткой. – Только он уже отошел. Его сильно осколками побило, когда в бронетранспортер два снаряда попали. А ребята двое ничего. Оглушило их больше, а ранения так, легкие.

– Там никого в живых не осталось? – строго спросил майор.

– Никак нет, – нахмурился боец. – Дело знакомое. Живые и раненые так не лежат. Там месиво внутри было.

Соколов понял, что майор подозревает, что красноармейцы, спасая свою жизнь, вытащили не всех раненых из подбитой машины. Если бы они были трусами, думал лейтенант с горечью, они бы вообще не остановились, а постарались бы уехать поскорее с места боя. Дела были скверные. Не успела группа и полсотни километров отъехать от передовой, а уже наткнулась на немцев, потеряла танк, бронетранспортер, половину взвода автоматчиков и самого командира группы.

– Экипажам проверить машины, – приказал Соколов, отходя от бронетранспортера. Он кивнул сержанту на мотоциклы. – А вы теперь командуете всем взводом автоматчиков. Проверьте вашу технику, оружие. Всем оправиться, отдых десять минут.

– Можно вас на минуту? – Майор подошел к Соколову, взял его за рукав странно холодными пальцами и потянул в сторону, за кустарник.

Алексей удивленно повернул голову, но не стал возражать. Сорокин – один из ответственных за выполнение задания, он сейчас был в группе

старшим по званию и формально имел право принять командование группой на себя. «Но что у него в голове? Контузило, что ли? Куда он тащит меня?» Соколов не успел опомниться, как майор выдернул из кобуры свой «ТТ» и поднес к носу лейтенанта.

– Слушайте меня внимательно, товарищ Соколов! – прищутив глаза, заявил Сорокин. – Я приказываю вам принять командование группой на себя. И не вздумайте уклониться от выполнения задания в связи с гибелью полковника Горбунова! Я вас под трибунал отдам, если вы начнете мне здесь...

– Вы что? – не выдержал Соколов, пытаясь отстраниться от майора и его пистолета. Хорошо еще, что не видел, что у «ТТ» не взведен курок.

– Вы единственный офицер с опытом сейчас, – продолжал торопливо говорить Сорокин. – Только вы в состоянии вести группу дальше, принимать бой, если потребуется, и выполнить задание. Я никогда не командовал подразделением в боевой обстановке. Если надо, я готов умереть, но нам сейчас этого мало, мы должны выполнить приказ! Понимаете меня?

– Уберите пистолет, товарищ майор! – разозлился Соколов. – Вы что, уже изменника Родины во мне видите? Я и без вас знаю, что в создавшейся обстановке у нас нет иного выхода, кроме как выполнять приказ. Когда даже один из нас останется, он все равно должен выполнить приказ.

– Хорошо, что понимаешь, – устало вздохнул майор, убрав наконец пистолет. – Ты пойми, лейтенант, кроме тебя, никому.

– Я понимаю, – буркнул Соколов. – И вы поймите, что нам срочно надо уходить отсюда подальше, потому что нас будут искать. Могут поднять в воздух авиацию. Поэтому садитесь в бронетранспортер, и поехали.

Выйдя на поляну, Алексей потребовал докладов от командиров. Сержанты отчитались, что техника исправна и сможет продолжать движение. Повреждения незначительны, крепление бочек с горючим в кузове «ханомага» подтянули.

– Я иду первым, потом бронетранспортеры! Никитин, замыкаешь колонну. По машинам!

Забравшись в люк башни, Соколов соединил разъемы ТПУ и развернул карту в планшете. Этой низинкой вполне можно уйти на юг, потом на пересечении просек между участками уйти на юго-запад. А дальше сплошной лес. Вот и родник обозначен. Там можно спокойно обдумать план дальнейших действий, похоронить полковника и залить горючее в машины.

– Вперед!

Мотоциклисты спускались в балку осторожно, подолгу задерживаясь на одном месте и приглядываясь к деревьям и кустарникам. За деревьями поднимались несколько столбов удушливого дыма. Ни звуков моторов, ни стрельбы.

Майор Штанге нетерпеливо махнул стволом «парабеллума». Вперед! Добавив газа, мотоциклисты стали спускаться по дороге. Пулеметчики в мотоциклетных колясках прижимали приклады и вели стволы пулеметов из стороны в сторону, выискивая возможные цели. Следом поползли два бронетранспортера. Штанге стоял на подножке автомобиля, смотрел вниз, куда спускались солдаты. Он был очень осторожен теперь. Дважды за последние две недели майор натыкался на боеспособные подразделения Красной Армии, выходившие из окружения. Рота автоматчиков, сопровождавшая майора в его поисках, понесла потери, а генерал Казаков продолжал ускользать из рук абвера.

Лейтенант Вигман с автоматом на коленях сидел на переднем сиденье машины и нервно барабанил пальцами.

– Перестаньте стучать, – проворчал майор. – Пойдемте вниз. Машину оставим здесь. Побережем бензин.

Дело было не в бензине. Его Штанге мог получить в любой части вермахта по приказу свыше. В его папке лежало письмо, подписанное Канарисом, Гиммлером и Геббельсом. И оно предписывало всем командирам всех частей оказывать майору абвера Штанге любую необходимую помощь. Майор очень дорожил комфортом. Если его «Мерседес» подобиют, то путешествовать на бронетранспортере или танке ему не хотелось. Правда, Россия его все чаще разочаровывала тем, что дорог с покрытием было мало, а на грунтовке было много пыли, ям и кочек.

Майор был из приличной семьи потомственных военных. Выше полковника в их роду, правда, никто не поднимался, но были они отличными служаками, за что командование и ценило Штанге. Потому-то Рихар Штанге сейчас и не сидел в окопах под Смоленском и не пылил по степям Украины в кузове бронетранспортера. Он служил в военной разведке, был на хорошем счету, умел доводить дело до конца. И нынешняя его миссия была не столько опасной, сколько невыполнимой, как казалось майору. Это его удручало. Разыскиваемого им советского генерала могли случайно застрелить егеря при прочесывании леса, он мог погибнуть во время бомбежки. Он мог даже умереть от воспаления легких, ночуя в сырости белорусских лесов. Но виноват, что затея адмирала Канариса не удалась, будет все равно майор Штанге. И тогда в лучшем случае его ждет

ссылка в какое-нибудь захолустье, в третьеразрядную школу диверсантов или в сортировочный лагерь военнопленных. Чтобы выискивать среди завшивленных пленных солдат изменников родины, кто готов за корку хлеба продать мать, отца и всех предков.

Увиденное внизу заставило майора поморщиться, а его помощник прошептал даже какую-то молитву. Лежащий на боку немецкий танк и уткнувшаяся в него сгоревшая русская «тридцатьчетверка». Точнее, один только остов от нее, потому что башня отлетела на несколько метров в сторону и выжгла часть опушки. Остается только догадываться, что стало с русскими танкистами. Чуть ниже дымили немецкие бронетранспортеры, потом еще два подбитых танка.

– Там живые! – с надеждой в голосе показал в сторону кустарника лейтенант. – Там кто-то стонет и шевелится.

По приказу майора солдаты бросились на звуки голосов. Оказалось, что в кустах лежали обожженные и раненые немецкие танкисты. Шестеро хмурых и закопченных. Двое перевязывали своих товарищей. Картина была ужасающая. Три поврежденных мотоцикла валялись в траве, еще один бронетранспортер с развороченным снарядами бортом стоял поперек дороги. Чуть дальше нашелся и третий подбитый немецкий танк. Около двух десятков тел солдат вермахта лежали в разных позах. Явно они попали под пулеметный огонь и искали укрытия. Подняв голову на звук моторов, майор увидел подъехавший автомобиль-амфибию и полковника с мотоциклетными очками на фуражке. Постукивая стеклом себя по сапогу, полковник принялся бегать по поляне и перекрестку грунтовых дорог, ругаясь самыми последними словами.

Увидев чужих солдат, полковник потребовал от них назвать свое подразделение. Узнав, что они из команды офицера абвера, полковник подошел, ответил на приветствие майора и лейтенанта и спросил:

– Вы знаете, господа, что за чертовщина здесь произошла? Я потерял технику и солдат. И где? При смене подразделений, в тылу армии. Это что, русские, выходившие из окружения? Они с танками выходили? Я ничего не понимаю!

– А вот это интересно. – Майор показал на открытый задний борт одного из немецких бронетранспортеров, в кузове которого лежали в разных позах убитые красноармейцы с автоматами «ППШ». Это не окруженцы. Даже подворотнички чистые. Только утром подшитые. Майор напрягся, чувствуя, что наконец он ухватил за конец ниточку в этом непонятном клубке событий.

– Что-о? – Полковник уставился на майора, явно не разделяя

оптимизма офицера абвера.

– Простите, – извинился майор, – я имел в виду, что есть намек на разгадку. Видите мертвых русских солдат возле мотоциклов? И вон там, в нашем армейском броневике несколько. На них опрятная одежда, у них чистые сапоги и однотипное автоматическое советское, а не трофейное оружие. Они все побриты. Господин полковник, это не выходящие из окружения советские солдаты, это диверсионная группа, которая идет по нашим тылам. У них даже наш трофейный бронетранспортер, чтобы иногда выдавать группу за немцев.

– И танки?

– И танки! Это сильная ударная группа в нашем тылу, это рейд советской группы. И ваши солдаты попались им на дороге. Я хочу поблагодарить вас, господин полковник, за хорошую выучку ваших солдат. Они нанесли противнику большой урон. И мне будет легче их найти.

Когда «Мерседес» в сопровождении мотоциклистов и бронетранспортеров отъехал от места боя почти на километр, Штанге велел остановить группу и развернул на сиденье карту. Вигман повернулся к командиру и тоже рассматривал карту. Майор о чем-то напряженно думал, и лейтенант не решался спросить его о дальнейших планах. Наконец Штанге постучал по карте карандашом и посмотрел на своего помощника.

– Это они, Отто! Адмирал – гений, он сразу сказал, что русские могут тоже начать искать своего генерала и попытаются эвакуировать его за линию фронта. Эта группа ищет генерала Казакова!

– Эти, кто разбил колонну там, на пересечении дорог в балке? Но...

– Они, это они! Что-то их подвело, и они наши танки заметили поздно. Такое бывает даже с более опытными военными, Отто. Но они вывернулись и ушли. И теперь мы пойдем за ними, потому что у командира этой группы русских есть координаты места, где находится генерал Казаков.

– А если нет? Если они так же вот будут идти по следу, как и мы?

– Отто, – майор насмешливо посмотрел на лейтенанта, – ты бы послал группу в тыл врага, не зная цели, ее координат? Есть у них место, к которому они стремятся, у них была связь по радио.

– Но генерал не проходил в этих местах. Мы имеем информацию о стычках с нашими подразделениями гораздо западнее. Он просто не сумел бы за это время по тылам добраться сюда.

– Все правильно, Отто, не успел бы. И я примчался сюда, почти за сто километров, когда узнал о бое. И я не ошибся. Эта группа идет на запад – искать генерала Казакова. Теперь нам будет проще, нас выведут на Казакова сами русские. Мы возвращаемся снова на запад. Давай теперь

постараемся понять, куда пойдет русская ударная группа. Незапланированная стычка, потери. Они постараются поскорее покинуть этот район, они уйдут глухими лесами и непроходимым тропами. У них танки и наши бронетранспортеры на полугусеничном ходу. Им дороги не нужны. Значит... значит, у них два пути... Сейчас они могли укрыться вот в этом районе, а оттуда развернутся на запад или юго-запад.

– И мы пойдем следом?

– Нет, мы постараемся взять их раньше. От командира этой группы добьемся информации или используем их карты.

– А если не возьмем? А если командир умрет, но не расскажет? А если погибнут в бою карты?

– Много «если», на то она и война, – усмехнулся майор. – Да, риск, что мы проиграем в этой операции, есть. Но он того стоит. А генерала мы скоро возьмем и без этой группы. Группа нужна для того, чтобы постараться понять, зачем советское командование с таким упорством хочет вывезти Казакова из нашего тыла. С другими генералами они так не беспокоились. Тут планы у нас немножко глубже, Отто.

– Сто-ой! – устало и протяжно приказал Соколов, прижимая ларингофон к горлу.

Танк остановился, качнувшись вперед, и замер. Двигатель замолчал. Сзади подъезжали и останавливались «ханوماги», глушили свои мотоциклы автоматчики, слезая с седел и разминаясь. Последним на поляну въехал танк Никитина. Тишина леса окутала группу советских бойцов, как будто приняла в свои материнские объятия. Притихшие птицы снова начали щебетать по дальним кустам и шелестеть крыльями в кронах деревьев.

Алексей, глядя на белые стволы берез, на старые дубы, на тонкие молодые осинки, почувствовал покой и в то же время какой-то стыд. Они здесь как будто спрятались, укрылись, тем самым предавая тех, кто погиб недавно. Они там лежат, они погибли, чтобы группа шла дальше. А группа вот забила в глушь леса и отдыхает.

Молодой командир стянул с головы шлемофон, ладонью взъерошил мокрые от пота светлые волосы, перекинул ноги через люк и спрыгнул на броню, а потом на траву. Тело еще гудело после долгого перехода и вибрации мощной машины. Похлопав благодарно танк по броне, Соколов подозвал сержанта-пехотинца.

Молодой парень лет двадцати пяти выглядел старше лейтенанта-танкиста. Запыленное лицо было напряжено. Крепкий, высокий, когда он клал руки на висевший на груди автомат, то под гимнастеркой заметно

напрягались внушительные мускулы. Спортсмен в прошлом, подумал Соколов.

– Поставьте бронетранспортеры на той и на этой стороне поляны кормой в центр. Пулеметчиков в кузов, броневые щитки на стеклах кабины опустить. Боевое охранение назад и вперед. С других сторон к нам не подойти – рельеф не позволяет. И поставьте бойцов разжигать костры, варить горячую пищу.

– Есть! – козырнул сержант, сразу успокоившись, как понял по его лицу Алексей.

Так всегда, подумал Алексей. Когда кто-то принимает решения, когда командир ведет себя уверенно, то и бойцы успокаиваются. Главное, чтобы решения принимались и командир выглядел уверенно, – тогда подчиненным ничего не страшно, даже умирать. Майор не отходил от Соколова ни на шаг, заложив руки за спину, он слушал приказы молодого лейтенанта, смотрел строго в лица сержантов, которым Алексей отдавал приказы.

– Никитин, Логунов! – Соколов подозвал командиров отделений: командира башни своего танка и командира «девятки».

Он приказал развернуть Никитину свой танк, чтобы пулемет смотрел на дорогу, приготовить осколочные снаряды на случай внезапного огня. А потом заняться заправкой танков и «ханомогов» вместе с водителями бронетранспортеров. Пустые бочки не бросать, а закрепить снова на старом месте. «Чем меньше следов оставим после себя, тем лучше».

Прежде чем в двух котлах закипело и забулькало варево и по поляне поплыл запах пищи, четверо солдат на краю выкопали могилу Горбунову. Полковника завернули в плащ-палатку и осторожно опустили в яму. Соколов посмотрел на Сорокина. Тот старший по званию, его право и обязанность сказать торжественные слова на могиле офицера.

Майор вышел к могиле, поправил ремни портупеи, согнав назад складки гимнастерки. Он откашлялся и посмотрел на собравшихся рядом бойцов.

– Товарищи! – заговорил Сорокин сильным, уверенным голосом. – Враг подло и коварно напал на нашу Родину. Он топчет нашу землю, сжигает наши города и села. Нам с вами партия и народ вручили оружие, чтобы защищать родное Отечество. И мы с вами все солдаты своей страны. И неважно, где мы находимся, неважно, за какой город или какую улицу идет бой, каждый солдат всегда находится на передовой. Даже здесь, выполняя особое задание командования, мы с вами находимся на передовой. Мы должны выполнить приказ, мы должны бить фашистов там,

где мы их видим и находим. Родина в опасности! А тем, кто пал в бою, вечная память и вечная слава. Поклянемся на могиле нашего товарища полковника Горбунова не посрамить чести солдатской и нашего оружия и победить! Клянемся!

– Клянемся! – пронеслось негромким, но дружным хором над поляной.

Соколов сделал знак – и все подняли вверх стволы своего оружия. Кто автомата, кто пистолета. Выстрелов не было – надо беречь патроны и нельзя шуметь, чтобы не навести врага на свое временное убежище. Сухо щелкнули в воздухе курки.

Когда бойцы пообедали, когда сменили посты, и танкисты доложили Соколову, что баки заправлены горючим, Алексей решил, что и ему стоит хоть ненадолго закрыть глаза и сбросить напряжение этих суток. Он сел на расстеленный брезент и прислонился спиной к танковым тракам. Слишком много прошли, слишком много существенных потерь. Тринадцать автоматчиков остались там, на перекрестке дорог, сгорел бронетранспортер и танк вместе с экипажем. «Сашка, Сашка... Огольцов. Бедная твоя мама. Она там, на Волге, не скоро узнает, что у нее нет больше сына. И она никогда не узнает, где его могила. И есть ли она. Нет, мы должны обязательно сделать братскую могилу на месте гибели наших товарищей, – подумал Алексей. – Так несправедливо. Я знаю место, я доложу рапортом и укажу его. Мы туда вернемся».

– Товарищ младший лейтенант! – раздался рядом строгий голос.

Соколов сдержал вздох и открыл глаза. Майор опустился рядом с ним на корточки, покосился на бойцов, отдыхавших неподалеку, и, понизив голос, заговорил:

– Я прошу вас доложить, каковы, на ваш взгляд, дальнейшие планы группы? Что вы как командир намерены предпринять?

Соколов пододвинул к себе планшет, раскрыл его и развернул карту. О своих дальнейших действиях он думал весь день. Еще одной такой стычки группа не выдержит. Немцев много на всех дорогах, и идти нужно тихо, на кошачьих лапах. Маршрут он тоже успел прикинуть и теперь стал рассказывать майору свои задумки спокойно и расчетливо.

– Вот смотрите, товарищ майор. – Алексей показал на карте. – Самое сложное на сегодняшний день – это пересечь шоссе Могилев – Витебск. В районе Витебска и Орши идут сильные бои, и с юго-запада немцы могут перебрасывать подкрепления. Нарвемся на танки – и нам не выбраться. Провалим задание. Надо дожидаться ночи, на мотоциклах обследовать несколько районов шоссе: я думаю, вот здесь, здесь и здесь. Понаблюдать и проскочить. Может, в разных местах, разбив группу на части. Потом уже

обойти Могилев, пройти севернее Бельничей. Потом на юго-запад, в сторону Бобруйска. Будет еще одно шоссе – Минск – Могилев. По нему тоже наверняка идут войска на восток.

– Вы что, с ума сошли, младший лейтенант? – вдруг строго заявил Сорокин. – Как вы вообще можете так рассуждать? Я думал, вы боевой офицер, а вы... паникер! Мальчишка!

– Простите, я вас не понимаю. – Соколов покраснел от стыда и негодования. В груди гулко запульсировало.

– Вы не понимаете? Приказ был ясен, предельно ясен. Какие вы тут обходные маневры рисуете! Задача стояла в течение трех суток выйти к точке, откуда в последний раз выходил на связь генерал Казаков. Выяснить на местности судьбу остатков корпуса и маршрут движения генерала с его людьми, кто с ним еще остался. Затем принять меры к эвакуации генерала Казакова из-за линии фронта в штаб армии. Все!

– Я предлагаю наилучший вариант выполнения задания, – упрямо заявил Соколов.

– Вы предлагаете плутать по лесам неделю, вот что вы предлагаете. А за это время генерал может быть убит немцами. Или захвачен, что еще хуже. Вы что, не понимаете элементарных вещей? Какой же вы командир после этого!

– Товарищ майор! – Алексей еле сдерживался, он чувствовал, как скулы сводит от незаслуженной обиды.

– Что – товарищ майор? – хмуро осведомился Сорокин. – Не забываетесь: вы командуете танками, солдатами, но операцией руковожу я и решение принимаю я. И ваш долг подчиняться мне и как старшему по званию, и как старшему офицеру, назначенному штабом армии для руководства этой операцией. Вам все понятно, товарищ младший лейтенант?

– Так точно, – ледяным тоном ответил Соколов, которого стали одолевать нехорошие предчувствия.

– Значит, слушайте приказ! Отдых – час. Потом снимаемся, и до ночи колонна должна выйти из леса вот в этом районе. – Майор показал на карте кромку лесного массива. – Ночным броском преодолеваем шоссе и кратчайшим, слышите меня, кратчайшим путем, строго по азимуту по пересеченной местности идем в точку севернее Бобруйска. Выполняйте!

– Есть выполнять, – поднявшись на ноги, вытянулся по стойке «смирно» Соколов. – Разрешите отдать приказание командирам отделений?

– Разрешаю, – гневно смерил взглядом фигуру лейтенанта Сорокин и двинулся через поляну к догорающему костру.

Алексей поднялся на броню и забрался в башню танка. Логунов крутил рукоятки наводки орудия, что-то проверяя, его земляк, Коля Бочкин, протирал ветошью снаряды, поправлял укладки. Внизу Омаев набивал диски пулемета патронами. Он поднял глаза на командира, но видно было, что мысли его далеко. Наверное, рядом с той девушкой-санинструктором.

– Где Бабенко? – спросил Алексей.

– Под машиной, смотрит, – ответил Логунов, внимательно бросив взгляд на командира. – Ему показалось, масло капает. Что, с майором повздорили?

– Он начальник, что с ним вздорить, – скривил губы Алексей.

– Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак, – пропел сбоку Бочкин, но тут же осекся, когда Логунов на него грозно посмотрел.

– Начальство не обсуждают, – скорее для Коли, чем для командира произнес Логунов. – Я это еще по финской помню. Как только кончается слепое повиновение приказам и начинаются рассуждения, пиши пропало. Бой проигран, потери, начальство снимают и другие сопутствующие неприятности. Нельзя сомневаться в командире, иначе в атаку не подняться.

– Так, ребята... – Алексей хлопнул по плечу Бочкина. – Ты, Коля, дуй за Никитиным и позови сюда командира автоматчиков сержанта Хвалова. Только не кричи на весь лес. Тихо позови. Руслан!

– Слушаю, товарищ младший лейтенант. – Чеченец поднял голову и замер с диском в руках.

– Сходите к пехотинцам, осмотрите пулеметы на «ханомагах». Проверьте, как они на турелях ходят. А вы, Логинов, оставайтесь.

Через несколько минут в танк забрался командир второго танка Никитин. Потом неуклюже влез и сержант автоматчиков. Соколов велел каждому достать свою карту и придвинуться ближе. Хорошо, что штаб армии удосужился снабдить группу крупномасштабными картами районов восточной Белоруссии в нужном количестве. Такая карта была в каждом бронетранспортере, в каждом танке и у каждого офицера.

– Значит, так, – заговорил тихим голосом Соколов. – Приказ таков, и не нам его нарушать. Сутки прошли, у нас осталось еще двое суток до выхода в нужную точку. А пройти нам предстоит около 180 километров. Фактически пойдем напролом, прокладывая себе дорогу гусеницами и огнем. Таков приказ. Что думаете?

– Силенок у нас маловато для того, – возразил Никитин, – чтобы атаковать и углубиться на 180 километров за линию фронта. Тут и дивизия не справится. Мы уже попробовали, и первый бой был для нас не очень

удачным. Второй будет последним. Извините, товарищ младший лейтенант, вы спросили – я ответил.

Соколов внимательно смотрел в лицо командира второго танка. Сухощавый, всегда сосредоточенный Никитин был вдумчивым сержантом и хорошим командиром. И танк у него всегда в порядке, и личный состав опрятен и свое дело знает. И если уж Никитин такое сказал, значит, на душе у всех не очень хорошо. «Зря я эти вопросы-ответы затеял, – пожалел Соколов. – Приказать надо было, и точка».

– Вы что думаете, Хвалов? – спросил Алексей сержанта-автоматчика.

– У мамы на печке оно спокойнее, – вскинул на командира голубые глаза пехотинец. – Только война у нас. Одни приказывают, их на то учили. Другие выполняют. У каждого своя забота. Лисьими тропами оно, конечно, спокойнее, но время нам не зря ограничили. Видать, поджигает. А почему, нам ведь не скажут.

– Ну, теперь моя очередь, – кашлянул в кулак Логунов и уперся широкими ладонями в колени. – Я тут старше всех. И по возрасту старше, и по опыту, прошу прощения у товарища младшего лейтенанта, тоже я опытнее всех. Но я скажу так: уважаю я нашего командира за то, что в трудную минуту не просто приказывает, не просто велит на смерть идти не рассуждая. А хочет он услышать, в глаза наши и в души заглянуть. На серьезное дело нас отправили. Как лучших отправили, доверие нам особое. Другие заведомо не справились бы. И командир наш, не глядите, что в младших лейтенантах, а выбрал его взвод. Почему? Потому что у него есть опыт в таких делах. Уважают его. Я вот тут только несколько минут до вас еще говорил. Когда начинается в армии обсуждение и рассуждение, армия и кончается на этом. Колхоз начинается.

Соколов сокрушенно покачал головой. Если Логунова не остановить, то говорить он будет по своему обыкновению до морковкина заговенья. С расстановкой и стараясь все всем объяснить.

– Чего вы на меня все накинулись? – хмуро спросил Никитин, перебив Логунова. – Стыдят, уговаривают. Я не новичок и не трус. Меня спросили – я ответил. А приказы выполнять я не хуже других умею. Надо умереть – умру. Враг на нашей земле! Вот и все обоснование.

– Все, закончили споры! – как можно резче приказал Соколов. – Я рад, что у меня в группе надежные командиры и что я могу положиться на каждого из вас. Ситуацию я вам изложил. Теперь сверим маршрут на карте. Но прежде я хочу сказать каждому из вас, а вы доведите это до своих солдат. Если во время очередного боя, а он может случиться в любую минуту, кто-то из вас или ваших солдат отстанет от группы, потеряется,

заблудится, то он должен знать и понимать, что ждать и искать его у нас не будет ни времени, ни возможности. В таком случае каждый должен самостоятельно пробиваться к линии фронта. По прибытии в часть обязан доложить о моем приказе, приказе майора Сорокина и обстоятельствах боя, во время которого он отстал от группы. По возвращении я доложу рапортом и подтверждаю все события. Это понятно?

Когда Соколов отпустил командиров и выбрался из танка, он увидел прислонившегося к гусенице и покуривавшего Бабенко. Механик-водитель обернулся и не по-военному улыбнулся командиру. К такому поведению бывшего водителя-испытателя Алексей начал уже привыкать и не осуждал подчиненного. Чувствовалось в Семене Михайловиче что-то отеческое по отношению к командиру. Был он добр, заботлив и надежен. Соколов почему-то знал, что в трудную минуту этот человек, не задумываясь, пожертвует собой ради других.

– Все приказы отданы, скоро выступаем? – спросил Бабенко.

– Да, скоро выступаем. – Соколов остановился рядом. – Как машина, Семен Михайлович?

– В норме! Есть мелочи, но они никак не скажутся в ближайшее время. Вы не беспокойтесь, мы справимся.

Алексей был очень благодарен Бабенко за то, что тот сказал именно «мы справимся», а не «я справлюсь». «Мы» в бою очень много значит, это очень важно. Прислушавшись, лейтенант услышал, что в башне Логунов отчитывает своего земляка, стыдит, что тот позорит их село. Николай что-то бубнил, оправдываясь. Воспитывает, улыбнулся Соколов и решил не мешать. Неподалеку Омаев советовал двум пехотинцам, как делать упреждение при стрельбе из пулемета. Молодец, не может без дела сидеть. Деятельная натура у молодого чеченца. Кровь горячая, горец. Но в бою очень хладнокровен. Интересное сочетание. Нужно было проверить готовность автоматчиков, и Алексей двинулся в сторону второго «ханомага», где с бойцами стоял сержант Хвалов.

Глава 5

Мотоциклисты уехали вперед. На одном из трех мотоциклов на заднем сиденье устроился Хвалов. Сержант настоял на том, чтобы идти самому во главе колонны. Три мотоцикла унеслись по лесной дороге и исчезли за поворотом. Соколов отдал команду к движению и устроился в люке танка. За ним тронулись два бронетранспортера, замыкал колонну танк Никитина. После вчерашнего разговора сержант чувствовал себя немного странно и несколько раз подходил к командиру и просил, чтобы его машина шла впереди. Наконец Алексей не выдержал:

– Слушайте, Никитин! – Подумав немного, Соколов назвал сержанта для пущей убедительности даже по имени: – Степан, я ничего не подумал о вас плохого. Вы высказались вполне определенно. Вас никто не обвинял ни в чем. Просто так принято, что танк командира подразделения идет первым. Вы забыли устав? Перестаньте и выбросьте все это из головы. Вы грамотный командир, хороший сержант, и вы мне очень нужны. Берегите себя, экипаж и машину. Я на вас надеюсь и вам верю!

Колонна вышла к опушке леса, когда на поле опустились сумерки. Соколов смотрел в бинокль и не видел ни огонька жилья, ни света фар, ни движения. Все было тихо, как будто и войны не было. Очень хотелось двинуться дальше опушкой леса, извилистой дорогой идти всю ночь и часам к двум пересечь автодорогу Могилев – Витебск. А потом пересечь Днепр и выйти к железной дороге и другому шоссе, на Шклов. Проблема на проблеме. Как преодолеть Днепр? В этом его течении брода не найти. Может, в районе Добрейки есть какой-то мосток? «Но там наверняка стоит немецкий гарнизон, есть связь, и о нашем прорыве обязательно сообщат фельдполиции. И кинутся по нашему следу сворой собак. Развернут любую армейскую колонну».

Но приказ есть приказ. Очень захотелось повернуться и посмотреть на бронетранспортер, в котором ехал майор Сорокин. Нет, не надо.

– Хвалов! – позвал Алексей, перегнувшись из люка. – Пойдете впереди цепочкой, чтобы мы без фар дорогу чувствовали. А то влетим в какую-нибудь яму. Если впереди опасность, в бой не ввязывайтесь, пусть головной мотоцикл развернется и мигнет разочек светом. Мы остановимся и решим, что делать дальше.

Колонна снова тронулась. Проселок, по которому они ехали, был разбит колесами и гусеницами. Наверное, здесь отступала советская

воинская часть. Вон и полуторка сгоревшая в стороне стоит. Даже в темноте было видно, что обочина взрыта копытами лошадей и сапогами солдат. «А почему я решил, что отступала наша часть? – подумал Алексей. – Вполне могла двигаться прямиком и немецкая».

Много он увидел и понял за эти первые дни войны, первые недели. На многое открылись глаза. Оказалось, что вопреки рассказам политработников, оправдывавших отступление Красной Армии, немцы технически нисколько не превосходят нашу армию. И конная тяга в вермахте используется нисколько не меньше, чем в Красной Армии. И автоматами немцы не вооружены поголовно. Автоматами, как и в Красной Армии, вооружены командиры стрелковых и других подразделений – от командира взвода и выше, танкисты, штурмовые подразделения, которым нужен конкретный период времени вести плотный и интенсивный огонь.

Автоматы, точнее, пистолеты-пулеметы, – сплошное расточительство. На поражение одной цели тратится несколько патронов при относительно маленькой прицельной дальности стрельбы. И винтовки «маузеры» у немцев хуже наших, мосинских. И надежность у них страдает. Правда, «ППШ» тяжел и у него излишне высокая скорострельность, но зато в случае необходимости маленькое подразделение, вооруженное «ППШ», может обеспечить высокую плотность огня. Непреодолимую. А немецкий «шмайсер» не может. И танки у немцев хуже. Особенно большая беда, что они работают на бензине, а бензин хорошо горит, в отличие от солярки, и пары бензина взрываются. И танки их горят легче. Наши танки до «тридцатьчетверок» тоже работали на бензине, но у них хоть маневренность и скорость были не сравнимые с немецкими «Панцер II» и «Панцер III».

Впереди мигнул свет, и Соколов остановил колонну. Из подлетевшего мотоцикла ему крикнул автоматчик:

– Товарищ младший лейтенант, там на дороге обозы немецкие, автомашины с тентами брезентовыми. Хвалов предлагает подождать. Дорога просматривается в принципе в обе стороны, и свет фар немецких машин мы увидим загодя. Еще минут пятнадцать – и они пройдут, тогда запросто шоссе перескочим.

– Хорошо, передайте сержанту, чтобы он, как только будет можно двигаться, мигнул два раза фарой в мою сторону.

Сигнал и правда появился ровно через пятнадцать минут. И все это время, пока Соколов ждал сигнала Хвалова, он просто физически чувствовал недовольство майора Сорокина за спиной. Что удержало майора, чтобы не прибежать и не накричать на лейтенанта, который теряет

время, неизвестно.

Благодаря тому, что впереди шел мотоцикл, Бабенко было легко держать дорогу. Остальные шли в колее переднего танка. Несколько минут – и первая «тридцатьчетверка» вползла на асфальт шоссе. Автоматчики, поставив мотоциклы по краям «коридора», махали руками, показывая, чтобы техника проезжала быстрее. На другой стороне дороги показался головной мотоцикл Хвалова. Сержант призывно помахал рукой и уехал дальше, туда, где виднелся очередной лесок. Спустя всего несколько минут после того, как последний танк пересек дорогу, с юга снова появилась немецкая колонна. Теперь это были уже моторизованные части. Явно их перебрасывали на север, в район прорыва советских корпусов. Канонада была слышна с той стороны.

Когда на востоке засеребрился рассвет, группа была уже в лесу. Впереди Днепр. Еще километров десять, судя по карте. Хорошо бы одним броском преодолеть и водную преграду, и шоссе. Дальше леса и болота, дальше есть где укрыться. Можно попробовать вообще лесами дойти до нужной точки, откуда комкор Казаков выходил в эфир.

Когда колонна поглубже втянулась в лесок, Соколов велел всем остановиться. Тут же появился Сорокин.

– В чем дело, почему остановка? – спросил он у спрыгнувшего с брони лейтенанта.

– Нужно осмотреть технику, проверить траки гусениц. Впереди самый опасный участок маршрута.

– Недолго, Соколов, недолго! – недовольно потребовал майор. – У нас нет времени. Только вперед, броском, пусть с боем, но вперед!

– Так точно, – односложно отозвался Алексей, лишь бы только не вступать в споры.

Он пошел вдоль машин, коротко отдавая приказы, что проверить, разрешил оправиться, покидая машины по очереди. Во главе колонны затарахтел мотоцикл – это вернулся Хвалов, уезжавший вперед на разведку. Он спрыгнул с сиденья и побежал к командиру. Соколов повернулся и поморщился. Сорокин тоже шел к ним. При майоре ему не хотелось обсуждать свои планы. Антипатия нарастала к Сорокину сама собой. И Алексей не мог объяснить себе причин этого. Сорокин все делал правильно, требовал вещей правильных, но был слишком прямолинеен, не терпел возражений и считался только со своим мнением. А в боевой обстановке это вредно. Сорокин как бы командовал группой и одновременно как бы не командовал. Эта двоякость бесила Соколова страшно. Хотя то, что для Сорокина существовало только его личное

мнение, Алексей тоже понимал и не осуждал, иначе было нельзя. Они в танковой школе изучали эти вопросы. Было же время комиссаров в частях, а потом перешли на принцип единоначалия в Красной Армии. И оставили лишь политработников, которые занимались политическим воспитанием бойцов и не вмешивались в боевое руководство.

– Что там впереди?

– Там пусто, – ответил сержант, замешкавшись, кому же докладывать из двух командиров. – Шума моторов не слышно, но, кажется, свай забивали. Может, на реке? Мост чинят?

– Так что же вы вернулись, не выяснив такого важного вопроса? – возмутился Сорокин.

Соколов поспешно заговорил, чтобы не накалять обстановку и не нервировать и без того уставших бойцов.

– Мост – это то, что нам нужно. Днепр тут широкий, местами до ста метров и больше. Брод найти сложно, да и нет у нас времени на это.

– Да, я понял, – кивнул сержант. – Брод под носом у немцев мы искать будем неделю. Разрешите ближе подойти к берегу, разведать, что там и как?

– Да, отправляйтесь, Хвалов. Я вас прошу далеко из леса на мотоциклах не выезжать. Оставьте в чаще, замаскируйте, оставьте часового, а сами, укрываясь, к берегу. Черт! – Соколов покачал головой и махнул рукой. – Нет, мне надо с вами идти. Мне надо самому оценить, где пройдут танки, а где нет. Я с вами. Логунов! Оставайтесь за меня!

– Товарищ младший лейтенант! – сбоку появился Омаев. Он расправил комбинезон под ремнем, поправил пилотку и, ловко вскинув руку, попросил: – Разрешите пойти с вами в разведку? Мой дядя в Первую мировую пластуном служил. Много каких хитростей знаю. Он учил меня с детства.

Соколов осмотрел невысокую ладную фигуру своего пулеметчика. Тот и кинжал уже где-то из своих вещей достал и на ремень надел. Настоящий кавказский кинжал в серебряных накладках. Молодой чеченец перевел взгляд на кинжал и добавил:

– Отец с собой дал на фронт. Сказал, что для врагов нашей земли он кован, им горец и должен свою землю от врага защищать. А сейчас вся земля – это наша земля. И неважно, с Волги ты, из Сибири или с Кавказа. Мы все братья, и враг у нас один. Так отец сказал.

«Хорошо сказал, – подумал Алексей. – Вообще-то по уставу от машины нельзя отлучаться командиру башни и механику-водителю. Нарушения не будет, что я с собой возьму стрелка-радиотелеграфиста. Связи со штабом армии все равно сейчас не будет. Нельзя выходить на

связь. И рация лежит, завернутая в ватные бушлаты. А у горца глаз острый, хвалился, что охотник. Если не врет, то он из нас самый опытный. А врать у них нельзя, джигиту врать негоже. А нам ошибиться с местом переправы нельзя».

– Товарищ майор, – Соколов повернулся к Сорокину, – я принял решение провести разведку местности с целью определить место переправы через водную преграду. О результатах доложу после своего возвращения. Разрешите выполнять?

Если бы сейчас опостылевший майор возразил и приказал двигаться вперед без разведки, Соколов бы ему не подчинился. Страшно было даже думать о последствиях, учитывая то, из какого ведомства был Сорокин. Но губить людей вот так, в угоду неопытности и самомнению другого офицера, было выше его сил. Но Сорокин только кивнул мрачно и добавил:

– Хорошо. Не задерживайтесь. Времени у нас и так осталось очень мало.

На двух мотоциклах они доехали до края леса и оставили машины в кустах под охраной одного автоматчика. Соколов, Хвалов и молодой чеченец, низко пригибаясь, двинулись к опушке. Высокий кустарник скрывал всех троих, но отсюда было ничего не видно из-за редких деревьев на всем почти километровой участке местности от леса до реки. В пределах прямой видимости ни немцев, ни кого-то из местного населения не было видно. Со стороны реки раздавались странные звуки: сильные удары, какой-то скрежет, частые, не очень громкие постукивания.

– Утро, вода холодная, – зашептал Омаев. – Утром и днем всегда звук с реки доносится лучше. А вечером и ночью, наоборот, все слышно, что на берегах делается. Ветер от них к нам. Чувствуете, костром пахнет?

– Думаешь, можно попытаться подойти ближе к берегу? – спросил Алексей.

– Туда, – улыбнувшись, показал пальцем вверх чеченец. – Смотрите, какие деревья высокие.

Алексей посмотрел по сторонам. Больше всего ему понравился раскидистый пышный старый вяз высотой метров двадцать. Здесь были деревья и повыше, сосны например, но у них бо́льшая часть ствола снизу была голой. Не подняться без специальных приспособлений. Да и со стороны могут заметить. Трое на вяз вполне могут подняться и укрыться в его кроне.

Через несколько минут все были на дереве. Алексей приложил к глазам бинокль и стал разглядывать реку и подходы к ней.

Мост был. Не мост, конечно, мостик, возле него возились немецкие

солдаты, сняв ремни и пилотки. Мощный тягач тросами накатывал на основание довольно приличной толщины бревна. Судя по остаткам древесины на берегу и в воде возле берега, мост взрывали. И теперь немцы его чинили. Где-то там выше, в Шклове, мост есть, он показан на карте. А здесь указана паромная переправа. Значит, мост наводили или наши отступающие части, или немцы для того, чтобы не делать большой крюк через Шклов. Да и самолетов они наших все же опасались. Не вся ведь авиация погибла. И грунтовая дорога к мостику накатана. На том берегу тоже видна светлая песчаная колея среди травы.

– Не выдержит он танки, – тихо проговорил рядом Хвалов.

– Основание моста хорошее, – задумчиво констатировал Соколов. – И ширина подходящая. Для нас ширина моста нужна не менее трех метров. А здесь больше. Вон два солдата тянутся с разных сторон моста друг к другу... с сигаретами, что ли. Минимум три с половиной метра. И три яруса бревен диаметром по 40 сантиметров.

– Если они его делают как автомобильный мост, то он должен выдерживать 2–3 тонны, – подсказал сержант. – Ну, пусть пять, для трехосных грузовиков. Что-то его прочность какая-то... с большим запасом.

– Вот и я о том же, – обрадовался Соколов, что не он один подумал об этом. – Какой смысл делать такой толстый настил, если нагрузки предполагаются маленькие? Немцы этим заниматься не станут. Нерационально. Значит, мост рассчитан на прохождение танка. А немецкие средние танки весят как наши «тридцатьчетверки».

– Смотрите, – вдруг стал показывать рукой Омаев, сидя верхом на ветке по другую сторону дерева. – Машина.

И действительно, на другом берегу появилась черная немецкая легковушка с откинутым верхом. Из нее не спеша вышли два офицера и стали смотреть на мост, о чем-то разговаривая и покуривая сигареты. Подбежавший к ним солдат отдал честь, выслушал приказ и побежал назад, на другой берег. Через несколько минут завелся тягач. Он рыкнул несколько раз, выпустил клубы сизого дыма и, развернувшись на песчаном пляже, медленно пошел к мосту.

Соколов замер на месте, не отрывая глаз от бинокля. Он видел, как с моста поспешно ушли все солдаты. Теперь деревянная бревенчатая конструкция была пуста на всем протяжении до противоположного берега. А ведь тягач на танковой базе, прикинул Алексей. У него только башни нет, а корпус, двигатель – все то же. Значит, он легче среднего танка всего тонн на 5–6. Тонн двадцать он должен весить.

А тягач плавно пошел к краю настила, остановился на несколько секунд, а потом уверенно пошел на мост. Вот гусеницы царапнули крайние бревна, мост чуть просел, шевельнулись соединенные тросами лесины. Но тягач шел и шел по мосту не останавливаясь. И мост уверенно держал его вес. Впереди был сложный участок – видимо, там предусмотрена возможность быстро разобрать покрытие и пропустить по реке лодки и катера. Но тягач прошел и этот участок, и вот он уже взбирался на крутой противоположный берег.

Соколов по дальномерной штриховке бинокля измерил расстояние до солдат на ближнем берегу, потом до офицеров на противоположном берегу. Получалось, что ширина реки примерно 80 метров. Пересечь его танку – меньше минуты времени. Правда, ночью, без света фар... Можно, выход всегда есть. Два танка, два бронетранспортера. Не больше пяти минут, если не загонять на мост сразу две машины. Мотоциклисты не в счет. А дальше на берег, одним рывком через шоссе. А если танки накрыть брезентом, а вперед пустить «ханомаг» с крестами на бортах и замыкающим тоже, тогда можно и по дороге через совхоз «Красный луч», там есть переезд через железную дорогу. А дальше леса. Южнее Белынычей и на Бобруйск. И мы на месте!

– Ну что, ребята, все складывается! – весело заявил Алексей, глядя на своих спутников. – Дождемся ночи и форсируем Днепр.

– Разрешите, товарищ младший лейтенант? – подал голос Омаев.

– Да.

– Надо первыми на тот берег вплавь пару человек отправить, чтобы они там осмотрелись и сигнал дали. А вдруг мы на мост, а оттуда немцы? Или у них там огневая точка устроена? Они и часовых снимут, и огневую точку накроют. Тогда и остальные без помех пройдут.

– Вы правильно думаете, Омаев, – похвалил Соколов пулеметчика, ругая себя, что не додумался до таких простых вещей сам. Командир называется. Теперь вот делай умное лицо и изображай, что ты все это и сам знаешь. А ведь послать придется его, решил Алексей. Он сумеет лучше других. И в помощь ему пару ребят потолковее и с опытом.

Воодушевленный и довольный результатами разведки Соколов вернулся в лагерь, где ему сразу же попался возле танка Сорокин. Алексей стал докладывать результаты разведки. Майор слушал и молчал. Потом он перевел взгляд на стоявших рядом с лейтенантом Хвалова и Омаева и коротко приказал:

– А вы пока свободны, товарищи. Отдыхайте.

– Нужно дождаться ночи, товарищ майор, – понизил голос Соколов,

стараясь быть убедительным. – Удобное место для переправы. Нам просто повезло выйти сюда. На всем протяжении реки в пределах Белоруссии, может, и нет другого такого удобного для нас места. Ночью мы собьем любой заслон, который там будет, если он действительно будет. Собьем и проскочим. Нам только железную дорогу пересечь.

– Слушай, лейтенант, – так же тихо ответил Сорокин. – Ты молодец, хорошо мыслишь. Из тебя выйдет хороший генерал, если мы все доживем до этого. Но ты никогда не станешь генералом, если не научишься относиться к приказам как к самому главному закону твоей жизни. Есть приказ, и значит, ничего больше в твоей жизни нет. Тем более на войне.

– Но ведь я и выполняю приказ, товарищ майор, – горячо заговорил Соколов, – я ведь и думаю, как его лучше выполнить...

– Нет. Не о том ты думаешь. Ты думаешь, как сохранить людей, как в живых остаться. И в этих своих мыслях ты готов уже и о приказе забыть, и о том, что за ним стоит, за этим приказом. Ты думаешь о жизнях трех десятков людей, что идут за тобой, а цена вопроса, которая стоит за этим заданием, может стоить тысячи жизней, десятки и сотни тысяч.

– Как это? Мы же должны только генерала Казакова переправить за линию фронта...

– А я не знаю, и ты не знаешь. И не положено нам знать. Нам положено выполнить приказ, а он гласит: «В течение трех суток выйти в точку, откуда в последний раз рация штаба корпуса выходила в эфир». Все. В течение трех суток. И не положено тебе знать, почему именно трех, а не двух с половиной или пяти. Ты думаешь, какой-нибудь командир дивизии не думает о своих бойцах, когда получает приказ контратаковать в лоб, без подготовки вражеский танковый корпус? Он знает, что дивизия погибнет в течение нескольких часов, но он выполняет приказ. Возможно, что ему отдали глупый приказ какие-то паникеры в штабе армии. А может быть, эта атака и гибель остатков его дивизии, в которой и бойцов-то осталось не больше полутора тысяч, спасет жизни сотни тысяч, спасет армию от прорыва именно в этом месте и в это время вражеского танкового клина. Не выполни командир дивизии приказ – и все. Смерть армии, немцы выходят напрямую на Москву – и перед ними никого. Некому больше остановить. Вот так бывает на войне, когда смерть горстки людей, просто выполнивших приказ, спасет положение на фронте.

– Но... – Соколов ошарашенно смотрел на майора, выглядевшего сейчас очень усталым, и хлопал глазами. – Да, вы, конечно, правы...

– Не «конечно» прав, я просто прав. Без всяких оговорок.

Алексей опустил голову. Сказанное майором было понятно, слишком

понятно и пронзительно, как блеск отточенного клинка. Ты любишь его, и боишься его, потому что одно движение, и... Так и высказанное Сорокиным было простым и ясным, но до дикости страшным. И ведь понятно, что майор прав. Но правда была страшной для понимания парня, которому едва исполнился 21 год. Майор стоял и смотрел на молодого младшего лейтенанта, и ему было жаль этого паренька. Честного, горячего, беззаветно любящего свою родину, но не зачерстневшего еще сердцем, не научившегося посылать своих подчиненных на смерть.

– Выступаем через час, – сказал майор. – Соберитесь, возьмите себя в руки, товарищ младший лейтенант. Подумайте, как лучше всего осуществить прорыв. Здесь я вам помочь советом не могу. Только ваш опыт и талант танкиста помогут.

Соколов машинально отдал честь и отошел от Сорокина. Он шел по маленькому лагерю их группы, а в его голове молотом стучала мысль, что так быть не должно. Так быть не может. Это нечестно, нечестно по отношению к тысячам, десяткам тысяч и сотням тысяч солдат. Они люди, не масса! Сколько их легло за эти недели. Легло именно как масса без лиц, без фамилий. Сколько неизвестных могил уже осталось на всем пространстве от линии фронта до западной границы. А сколько их будет еще. Нет! Нет! Не может быть выполнение приказа таким бесчеловечным. А война вообще человечна?

Обойдя лагерь, Алексей снова вернулся к своему танку и остановился, прижавшись горящим лбом к холодной броне. Рядом появился Бабенко.

– Что с вами, товарищ младший лейтенант? Случилось что?

Соколов оторвал голову от брони и посмотрел на механика с такой болью, что тот испугался и схватил командира за рукав.

– Война случилась, Семен Михалыч, – тихо ответил Алексей. – Война! Только ведь и на войне мы должны оставаться людьми.

– Конечно, Алексей Иванович, – закивал головой Бабенко. – Война она ведь только все усугубляет в нас, наружу вытаскивает то, что природой-матушкой заложено, родителями нашими. Подонка она еще бо́льшим подонком делает, мерзавец еще бо́льшим мерзавцем становится. А настоящий человек, он и на войне таким останется. Вот ведь в чем штука.

Бабенко протянул фляжку. Прохладная вода, которой лейтенант умылся, охладила не только горящую кожу на лице, но и принесла успокоение. Все правильно. Человек, он и на войне человек. И не надо все на нее списывать.

Три мотоцикла уехали назад, вдоль леса, убедиться, что на подходе нет немцев. Для чего-то ведь мост починили. Его могли начать использовать в

любой момент, на нем могли установить серьезную охрану, и надо было спешить.

Оба танка с закрепленными на лобовой броне молодыми деревцами медленно вывели и остановили на опушке леса. За ними стал бронетранспортер с горючим. Второй «ханомаг» с автоматчиками метрах в двухстах правее танков выехал из леса на грунтовую дорогу и двинулся к мосту. Майор Сорокин находился в бронетранспортере, решив, что он должен участвовать в бою, как и все.

Двое автоматчиков, переправившись через реку ниже по течению, пробирались по краю берега среди кустарника. Они должны были убедиться, что с другого берега не подходят фашисты и группа не столкнется с превосходящими силами противника. Сорокин торопил события, и его «ханомаг» выехал на дорогу слишком рано. Разведчики даже не дошли до моста и не могли подать знака.

– Что он делает? – проворчал вполголоса Соколов, сидя в люке танка и глядя в бинокль. – Куда?

Разведчики замерли метрах в тридцати у воды, потом полезли по склону вверх, то прижимаясь к земле, то снова двигаясь вверх. Промоины и кустарник скрывали бойцов, и это Соколова радовало. Но бронетранспортер слишком уж спешил. Там сейчас командовал Сорокин, и сержанту Хвалову приходилось подчиняться.

Машина, не останавливаясь, въехала на мост, качнулись бревна, по воде пошли зыбкие круги. И тут произошло то, чего боялся Алексей. Разведчики у самого склона вдруг замахали руками и стали энергично подавать знаки запрета, складывая руки крестом. В бинокль это было видно хорошо. Но майор, видимо, приказал прибавить газу. Бронетранспортер рванулся и, обдирая с бревен кору, попер прямо к другому берегу.

В шлемофоне было хорошо слышно, как выругался Никитин, который из своего танка тоже наблюдал происходящее на мосту. Он видел, как на краю склона разведчики залегли и открыли огонь. В кого они стреляли, было пока непонятно. А бронетранспортер все шел и шел по мосту. И тут на том месте, где лежали и вели огонь два автоматчика, вспучилась от взрыва земля. Одного из них подбросило, он отлетел вниз почти к самой воде. Боец упал и остался лежать в неестественной позе. Второго тела было не разглядеть.

Соколов прижал пальцы к ларингофонам на шее, готовясь отдать приказ. Он уже знал, что увидит. И точно, на краю высокого противоположного берега появился немецкий танк. И не просто танк, это была грозная машина – средний танк «Панцер IV», 25-тонный зверь,

вооруженный 75-мм пушкой, но имевший не очень эффективную противоснарядную броневую защиту. Это Алексей помнил еще со времен учебы в танковой школе, где они изучали танки потенциальных противников.

Рядом с первым танком появился второй, потом третий. И бронетранспортер перед ними на мосту стал хорошей мишенью. Но, видимо, командир танкистов был в недоумении, что видит свой бронетранспортер. Танки не стреляли, только ждали.

– Девятка, твой правый. Уничтожить танки! – приказал Соколов второму танку и тут же приказал Логунову: – Бронебойным. По лобовой броне справа.

– Выстрел! – крикнул сержант.

Рявкнула пушка, звонко сработал казенник, выбрасывая на пол гильзу, зажужжал вентилятор, вытягивая пороховые газы, которыми сразу наполнилась башня. Соколов в перископ видел, как в районе смотровых щелей водителя немецкого танка вспучился серый дым. И тут же из танка повалил дым. Бронебойный снаряд пробил броню и угодил в моторный отсек за спиной водителя. Тут же распахнулись люки, и из танка стали выпрыгивать танкисты в черной форме. Второй немецкий танк получил снаряд от «девятки» по правым каткам. Он закрутился на месте, разматывая разорванную гусеницу, но вторым снарядом в боковую часть башни Никитин пригвоздил зверя.

Бронетранспортер открыл пулеметный огонь по спешившим покинуть танки немецким экипажам и полез вверх по склону. Соколов со стоном проворчал ругательства и вызвал Никитина:

– Девятка, прикрывай нас справа, со стороны дороги. Я на мост. По моему приказупустишь второй «ханомог», потом переправишься сам.

«Тридцатьчетверка», ломая молодые деревца, вырвалась из леса и понеслась к мосту. Соколов четко понимал, что не может быть, чтобы там просто так находились два немецких танка. Танк – это вам не самолет, они просто так парами не болтаются. Они выполняют задачи в составе подразделений. Тем более у немцев, которые вообще не использовали танки частями менее батальона. Молодому командиру не хотелось думать о том, с какими силами они сейчас столкнутся. Надо было спасти своих, которые перебрались на другой берег. Прямо под пушки и гусеницы вражеских танков.

На склоне высокого берега появились немцы, несколько десятков автоматчиков. Значит, не стрелковая часть. Бронетранспортер открыл огонь из пулемета... через бойницы в бортах стали бить автоматы. Покатились

тела в зеленых мундирах, немецкие солдаты отпрянули, побежали назад, за кромку берега, куда уже лез за ними следом «ханомаг». Соколов понимал, что Сорокин хочет прикрыть их атаку, хочет поддержать огнем пулемета переправу группы. А что он сделает, если там еще танки? Эх, не так все надо было, эх, майор, майор.

Следующий танк не заставил себя ждать. Тех секунд, что понадобились Логунову, чтобы повернуть башню и прицелиться, немцам хватило на первый выстрел. Это было опасно, немецкий танк стрелял сверху, и наклон брони «Т-34» мог не спасти, снаряд мог попасть в броню под прямым углом. Но повезло: немецкая «болванка» скользнула по башне чуть выше пушки. От удара зазвенела броня, Логунов вскрикнул от боли, но выстрелил и только потом зажал руками лицо. Его окатило осколками брони.

– Что с вами, Логунов? – закричал лейтенант и схватил сержанта за плечо.

– Ничего... сейчас... Лицо посекло.

Командир башни снова прижался к нарамнику прицела и стал крутить башней. Он все же промахнулся: снаряд только задел немецкий танк, и тот сдал назад, скрывшись за кромкой высокого берега. Соколов приказал не форсировать скорость, а идти по мосту спокойно. Сооружение из бревен может не выдержать, а по нему еще надо переправить второй танк и второй бронетранспортер.

– Внимательнее, Василий Иванович, внимательнее, – спокойным голосом приговаривал Соколов, вращая командирскую башенку и выискивая цель.

Трофейный бронетранспортер поднялся на самый верх, но не остановился, как полагал Алексей. И случилось то, чего он так боялся. Стоило «ханомагу» появиться наверху, как возле него тут же рванул снаряд. Черный фонтан разрыва окутал машину. Видимо, было повреждение в тягах передних колес, а может, их просто заклинило от удара. Бронетранспортер повело боком, открылись задние створки люка, и наружу стали выпрыгивать и отбегать в сторону автоматчики. Вторым снарядом «ханомагу» разворотило кабину и мотор. Он замер и окутался черным дымом.

– Справа! – закричал Соколов, увидев немецкий танк. – Бей в борт!

Но теперь и немец потерял из виду советский танк. Видимо, там, наверху, решили, что «тридцатьчетверка» попытается, станет возвращаться, не пойдет через мост. Но танк с бортовым номером 077 быстро оказался возле самого берега.

– Короткая, – скомандовал Логунов механику. Танк остановился, качнувшись всем корпусом.

– Дорожка! – отозвался Бабенко.

С легким гудением башня повернулась, и через секунду пушка выстрелила. Соколов вцепился в нарамник перископа, с радостью увидев, что снаряд попал в заднюю часть борта немецкого танка. Как раз в моторный отсек. Оттуда задымил, потянуло сизым, потом черным дымом. А следом вырвались и языки пламени.

– Вперед, Бабенко, вперед, – откашливаясь и отплевываясь от пороховых газов, приказал Алексей и развернул командирскую башенку назад.

То, что он увидел, заставило его похолодеть. «Тридцатьчетверка» Никитина маневрировала, то останавливаясь, то уходя за деревья, то возвращаясь, делая выстрел и тут же уходя в небольшую балку. В поле неподалеку от опушки горел немецкий танк. Еще один с порванной гусеницей замер метрах в двухстах левее. Подбитый бронетранспортер уткнулся носом в воронку, а вокруг него рассыпались немецкие автоматчики, поливая огнем лес и кустарник, за которыми находились автоматчики Хвалова с мотоциклами. Еще два танка двигались на Никитина по дороге, но были еще далеко, метрах в восьмистах. Чуть ближе остановились два немецких бронетранспортера, высаживавшие пехоту. Откуда они тут взялись? Только что отремонтированный мост – и такое движение сразу с двух сторон!

– Девятка, держись! – крикнул Соколов. – Сейчас мы тебя прикроем. Маневрируй.

Алексей понимал, что Никитин подбил два танка из засады. Он мог бы подбить и больше, потому что со стороны поля определить, кто и откуда стреляет, когда перед тобой стена леса, трудно. Но шедшие сзади танки подбили бы «тридцатьчетверку» Соколова. И Никитин вышел из-за укрытия, чтобы отвлечь на себя огонь врага и прикрыть «спину» своему командиру.

Танк Соколова буквально вылетел по склону вверх. Пушка, заряженная осколочно-фугасным снарядом, рывкнула, выплюнув смерть в первую же цель, которую увидел Логунов. Снаряд разворотил борт немецкого бронетранспортера. Омаев поливал из пулемета немецкую пехоту почти без перерыва. Враг отходил к крайним домикам. Несколько выстрелов осколочными сделали свое дело, заставив немцев укрыться за ними.

Алексей развернул командирскую башенку и посмотрел назад, на

другой берег. Его сердце сжалось. Несколько автоматчиков залегли возле самого моста и отстреливались от наседавших немцев. Подбитая «тридцатьчетверка» стояла боком к немцам, развернув башню и наведя ствол пушки на приближающиеся три немецких танка. Груженный бочками с горючим бронетранспортер въезжал на мост. Водитель остановил его метрах в десяти от берега, выбежал на бревенчатый настил и взмахнул рукой. И тут же бросился в воду, скрывшись с головой. На том месте, где только что стоял трофейный «ханомаг», в небо взвился столб огня. Две гранаты разворотили бочки с остатками солярки и бензина. Чудовищный ослепительный взрыв разметал обломки железа и залил жидким огнем треть моста, стекая между бревнами в воду.

Мост горел, голова водителя появилась метрах в трех, и он поспешно стал грести руками, приближаясь к берегу, где залегли его товарищи. Из танка вытащили горевшего механика-водителя, сбили с его спины огонь и потащили в укрытие. «Тридцатьчетверка» стреляла. Пушка выстрелила, но огонь уже полыхал в моторном отсеке, захватывая башню. Пушка выстрелила еще раз.

– Девятка, покинуть танк! – кричал по радиации Соколов. – Я приказываю покинуть танк и уходить с бойцами к лесу.

– Уходите, командир, – раздался в шлемофоне тихий хрип, в котором Алексей едва узнал голос командира танка. – Я долго не продержусь, уходи, лейтенант...

– Степан!

Соколов смотрел, как автоматчики перебежками уходят к лесу и под руки тащат двух раненых танкистов. А 079-й стрелял. Выстрел, еще выстрел – и немецкий танк, лишившись гусеницы, развернулся боком. Еще выстрел. Два других танка остановились и стали бить по «тридцатьчетверке». Вот один снаряд угодил в моторный отсек. Вот еще одна вспышка на башне. Пушка больше не стреляла. Еще попадание... еще. Соколов насчитал пять прямых попаданий в корпус танка Никитина. Он звал сержанта, но в шлемофоне была тишина. Мост горел, теперь починить его немцам удастся не скоро.

– Товарищ младший лейтенант, – слышался голос Бочкина, который вел, как и положено по боевому расписанию, наблюдение за правым сектором. – Там наш майор.

– Где? – Соколов развернул башенку и стал осматриваться по сторонам.

– Там, из бронетранспортера сейчас выпал. Шевелится.

Соколов откинул крышку люка и высунул голову из башни. Омаев

постреливал в сторону деревни, но оттуда больше в ответ не стреляли, никто из немцев не показывался. Вокруг лежали тела убитых автоматчиков группы. Майор пытался подняться, но у него не получалось. Ноги его были в крови, лицо тоже залито кровью. Как он остался жив в кабине бронетранспортера после прямого попадания снаряда, было непонятно.

– Логунов, наблюдать, – приказал Алексей. – Омаев, держи сектор со стороны деревни. Они могут подтянуть орудия или минометы. Бочкин, за мной из машины. Живо!

Отсоединив разъем ТПУ, Соколов подтянулся на руках и выбросил ноги из люка. Бега глазами по сторонам, особенно настороженно поглядывая в сторону убитых немецких солдат, он спрыгнул на траву. Следом спрыгнул и Коля Бочкин с автоматом на ремне. Вдвоем они проверили красноармейцев, но живых среди них не было.

Подбежав к майору, Алексей наклонился над ним. Ноги очень сильно пострадали от осколков, большая потеря крови. Лицо Сорокина было бледным, он цеплялся скрюченными пальцами за рукав комбинезона лейтенанта, как будто боялся, что тот его бросит.

Бочкин вернулся из танка с аптечкой. Вдвоем они перевязали майору раны на ногах, голову, наложили жгуты, чтобы остановить кровь. Алексей машинально посмотрел на часы. Жгуты надо снять не позже чем через два часа.

– Коля, давай майора на броню, – торопливо заговорил Соколов. – В танк мы его не сможем спустить, да и места там нет. В его состоянии любое движение – это потеря крови и лишняя боль.

– А как же во время движения, ведь он...

– Я с ним останусь, потащили!

Уложив майора на свернутый брезент – позади башни на корпусе танка, Соколов стал объяснять Логунову:

– Смотри, вот здесь на карте, южнее – лесные массивы. На железную дорогу не суйся. Уходишь на юг, лесами, выбирай места, где глухомань, лучше вот сюда, где болотистые участки. Я буду держать майора на броне, так что полегче на поворотах.

Сержант посмотрел на улыбку на губах командира, который явно храбрился и пытался шутить. Ответить шуткой Логунов не сумел. Он только кивнул и спросил:

– Разрешите выполнять?

– Давайте, Василий Иванович, поспешите.

Майор Штанге спрыгнул с подножки «Мерседеса» и остановился, глядя на поле боя. Такого он не ожидал. Оказывается, группа русских была

намного сильнее, чем он предполагал. Здесь, перед мостом, они подбили три танка и два бронетранспортера, потеряв один свой. Вон он стоит дымится. И мост сожгли вместе с третьим бронетранспортером. И уничтожили чуть ли не роту егерей 12-й дивизии.

– Это бронетранспортер русских, – доложил майору лейтенант Вигман. – Командир батальона говорит: они загнали его на мост и подожгли. Видимо, в нем были бочки с горючим. Мост сгорел до половины, бронетранспортер застрял на мелководье и сгорел полностью. И вон тот на высоком берегу за рекой – тоже русских. Они использовали наши машины для передвижения по тылам.

– 079, – прочитал майор на башне русского танка. – Тот первый был 078. Сколько их еще осталось в этой группе русских? Или мы их перебили всех?

– Один танк ушел. Переправился и ушел. Преследовать было нечем, командир батальона сообщил по радиации, что в этом районе действует одиночный русский танк.

– Ужасно, – пробормотал майор, идя по траве, обожженной взрывами. – Они опять смогли вырваться из нашей ловушки. Мы рассчитали их маршрут, направление. Мы им построили мост взамен разрушенного во время боев. И они прорвались. Пусть одним танком, но прорвались. Я думаю, что ушел от нас как раз командир их группы. Что же это за человек такой? Я бы очень хотел познакомиться с ним. Очень, Отто, понимаете?

– Боюсь, с нас спросят за такие потери, господин майор, – тихо сказал лейтенант.

– С нас? – Штанге резко повернулся к своему помощнику. – А почему с нас? Это батальон егерей, усиленный ротой танков, не смог взять небольшую группу русских диверсантов и потерпел поражение. Они не смогли, а не мы. Мы им русских подали на блюде! Два танка, Отто, у русских было всего два танка! Правда, эти их «Т-34» для нас большой сюрприз. Мы не рассчитывали столкнуться с такой техникой русских. В генералитете царит паника, срочно летят технические задания на разработку и ускорение выпуска новых моделей средних и тяжелых танков для вермахта.

– Где мы будем теперь искать этот русский танк?

– По-прежнему там. Он будет искать генерала Казакова, а мы – их обоих. Мы с ним встретимся, я еще увижу этого русского. Этого матерого аса, наверняка ветерана испанской и финской. Седовласого полковника, да еще с таким количеством орденов от своего коммунистического

правительства, которого нам с вами, Отто, никогда не заслужить. Другого бы на такое дело не послали.

Глава 6

Танк остановился, Алексей наконец разжал затекшие руки. Тишина навалилась такая, что заложило уши. И только спустя минуты он различил щебет птиц, шелест листьев над головой. Откинувшись спиной на башню танка, он посмотрел на раненого майора, которого держал руками почти полтора часа бешеной гонки по бездорожью. Сорокин был без сознания, и это настораживало. Надо, чтобы работал мозг, работало сердце, надо его приводить в чувство.

Оказывается, Логунов давно открыл люк и смотрел по сторонам, высунувшись по пояс.

– Ну, кажется, место тихое. Как вы, товарищ младший лейтенант?

– Рук не чувствую, – поморщился Соколов, пытаясь сжать и разжать пальцы. – Давай ребят, пусть снимут майора на траву, раны осмотрят, кажется, кровотечение усилилось. Напоить его надо.

Самым сложным оказалось спуститься с танка самому. Пока Бочкин и Омаев занимались майором, а Бабенко осматривал траки гусениц и катки с амортизаторами, сержант нашел на карте точку, в которой сейчас находился их танк. Получалось, что они отъехали на юг километров сорок и стояли сейчас между Днепром и железной дорогой Орша – Могилев. Если верить карте, до нужной точки севернее Бобруйска им оставалось преодолеть по прямой всего 120 километров. Соколов поймал себя на мысли, которая его удивила. «Я что, намерен продолжать поиски генерала? С одним танком? А что я смогу сделать, когда найду Казакова?»

Лес был не очень густой, но зато здесь под ногами было очень много мелкой опои, которая белела между стволами березок. Щебенистая почва почти не оставляет следов, даже танка. Попробуй разгляди, что где-то тут траки вгрызались в мелкий серо-белый щебень. А те камушки, что будут вывернуты и перевернуты темным боком, за несколько минут высохнут на солнце и станут такого же цвета, как и другие вокруг.

Майора уложили под деревом на небольшом травянистом участке, подложив под голову вещмешок. Логунов, Бочкин и Омаев стояли рядом. Соколов знаком велел им отойти и наклонился к раненому.

– Лейтенант... – хрипел майор, едва шевеля побелевшими губами. – Ему не верят, пойми! Если выйдет со знаменем и вынесет документацию штаба, ему поверят. Нельзя ему уничтожать документы, не поверят ему, что уничтожил. Много есть таких... И в плен нельзя ему, и погибнуть нельзя,

без вести пропасть нельзя! Очернят его, семья пострадает. А он ведь хороший генерал, талантливый командир, я слышал, как о нем отзывались.

– Найду я его, товарищ майор, обязательно найду, – горячо пообещал Соколов. – И помогу вылететь за линию фронта.

– Ты не понял, лейтенант... – глядя в глаза, твердо сказал Сорокин. – Приказ есть. Приказ Москвы! Если вывезти комкора Казакова из немецкого тыла не представится возможным, его придется застрелить. И составить акт за подписью полковника Горбунова, моей и политработника. Казаков не должен достаться врагу.

Бред какой-то... Соколов ошарашенно глядел на майора. Бредит, умирает или перед смертью открывает тайну? «До чего же я глуп и наивен, – думал лейтенант, – слышал ведь, доходили слухи, но старался не думать, а оно вот, само меня нашло. Значит, и правда у нас так легко решают судьбы людей, если те попали под подозрение».

– Я найду его и верну! – резко сказал Соколов. – Можете на меня положиться, товарищ майор. Я не могу позволить убить человека только потому, что он дослужился до генерала, по делу дослужился, и потому, что кто-то ему перестал верить. Я все сделаю!

Алексей еще что-то говорил, долго и упрямо, и не сразу понял, что майор уже мертв. Глаза майора уставились в кроны берез с беспомощным напряжением. Он еще много хотел, но уже ничего не мог. Соколов поднялся на ноги и посмотрел на своих танкистов. Логунов молча подошел к танку и снял с креплений большую саперную лопату...

В лесу потемнело от наползающих сумерек. Экипаж сидел на брезенте, уминая остатки сухого пайка. Выпив по пятьдесят граммов водки, которые разрешил Соколов, его танкисты наконец немного расслабились. Разжигать костер было опасно, потому что эта часть леса не была глухоманью. Свет костра можно увидеть с самолета или с грунтовой дороги, проходящей неподалеку. Мало ли кого сюда может занести.

После водки никому не хотелось говорить о войне. Даже похоронив майора, никто не начал разговора о погибших товарищах, с которыми совсем недавно они выходили из расположения корпуса в этот рейд. Остался один танк и его экипаж. Разговор зашел о доме, о близких. Танкисты стали расспрашивать Соколова, кто у него остался дома, есть ли невеста.

– Нет, – со вздохом покачал головой младший лейтенант. – Меня воспитывала бабушка. Были родители, но они погибли на севере, учеными были. Во время экспедиции затерло судно льдами. Мы в Куйбышеве жили. Меня тогда забрала к себе в деревню бабушка. Она еще не старая была.

Певунья такая. В поле бригадиром работала. Ее бригаду издалека слышно было. А когда я школу оканчивал, она умерла от воспаления легких. Застудилась зимой и не поднялась больше. Я на завод пошел, год проработал, а потом по комсомольской путевке в танковую школу. Был у нас такой призыв тогда: «Комсомолец, на танк!»

– А мы с Василием Ивановичем из самой глухой Сибири, – мечтательно сказал Бочкин.

– Что ты болтаешь, – добродушно проворчал Логунов. – Какая же это глушь? От Омска всего двадцать верст. И хозяйство у нас передовое было, и свет провели в поселок. Вы его не слушайте, товарищ младший лейтенант, Сибирь сейчас не то, что при царе была – место для ссылок. Она расцвела и поднялась. Железные дороги, машины, трактора.

– Вы и до войны с Николаем знакомы были? – улыбнулся Алексей, кивнув на Бочкина.

– Были, – странно потупил взор сержант.

– А мы теперь с Василием Ивановичем почти что родня, – хихикнул Бочкин. – Вот и терплю тычки и подзатыльники. Воспитывает.

– Тычки и подзатыльники ты терпишь не потому, – исподлобья глянул на парня наводчик. – Язык свой за зубами держать не можешь, слетает с него порой такое, что и людей обижает, и не к месту. Думать надо наперед, а потом уж рот раскрывать. А так он парень неплохой. Тут дело такое... – Логунов снова потупился, вздохнул и добавил: – С матерью его у нас любовь, вот как жизнь повернулась. Я с финской пришел – ни кола, ни двора. Ну, зарабатывать стал, профессия у меня серьезная, я же машины всегда любил, еще до того, как танкистом стал. А она одинокая, Любушка, значит... мать его. Приросли мы с ней душой друг к другу, да долго не решались открыться людям. Из-за него вот и не решались. Потом рукой махнули, мол, будь что будет. Ну, и признались. А он, спасибо ему, Кольке-то, с пониманием отнесся. Говорит мамке, мол, коль ты его любишь, то меня-то что спрашивать. Только расписаться не успели. Война началась. Люба просила очень: не хочу так, пусть будет – мужа проводила на войну. А я воспротивился. Может, если убьют, так еще замуж выйдет, а вдовой оставлять не хочется.

– А что она тебе на это сказала? – усмехнулся Бочкин.

– Сказала, что я дурак, – вздохнул Логунов. – Великовозрастный...

– А я один вот, – вставил Бабенко, посмотрев на танкистов добрыми глазами. – Не получилось у меня как-то. Вроде и в почете был на заводе, и премировали меня путевками на курорты, а не сложилось.

– Что так-то? – спросил Логунов. – Все стервы попадались?

– Нет, ну почему, – пожал механик плечами. – Женщины хорошие встречались, приветливые, добрые. Да только во мне, наверное, дело. Мне все с каждой казалось, что не для нее я. Все думал, не тот я, что встретит она другого, лучше меня. Одна была учительница, хорошая очень, много знала, столько рассказывала. А я молчал все. Молчал и думал, что ей бы не меня, а инженера какого, ученого профессора, чтобы тоже много знал. А то ведь она порассказывает, порассказывает, а потом ей наскучит и уйдет. Обоим больно сделается. Ну, и с другими так же...

– Это оттого, Семен Михалыч, что ты нерешительный, – засмеялся Бочкин. – С женщинами надо по-другому.

– Помолчал бы, знаток женщин, – тихо проговорил Логунов. И продолжил, обращаясь к Бабенко: – Ты, наверное, за своими машинами и не видел их. Такое бывает. Любит человек работу, а потом думает – вот женюсь, а жена к работе меня станет ревновать, пилить будет, что больше внимания ей, значит, а не супруге.

– Может, и так, – не стал возражать Бабенко. – Да, технику люблю, готов возиться с ней сутками. Бывало, и ночевал в цеху. Такое не каждая поймет и одобрит. Может, потому и от брони отказался, на фронт попросился, что здесь я нужнее. Да и не ждет меня никто.

– Это я понимаю, – неожиданно заговорил молодой чеченец. Лежавший за спинами на брезенте Омаев поднялся, повернулся на бок и подпер кулаком щеку. – У нас старики тоже учат, что женщину нужно любить и уважать. И неважно, твоя она мать, твоя ли сестра. О ней думать надо, а то какой же ты джигит, если от тебя женщина плачет? Нельзя женщину обижать. Мужчина сильный, она слабая.

– Хорошая традиция, – улыбнулся Бабенко.

– Знаете, что страшно? – задумчиво продолжал Руслан. – Мы вот мужчины, мы на войне. Так и должно быть, когда мужчина идет на войну, так всегда было, и на войне наше место. А вот когда на войне женщина – это страшно, и обидно, и больно. Не должно быть так!

– Это ты о Людмиле своей? – спросил Бочкин.

– И о ней тоже, – грозно глянул на балагура пулеметчик. – И ей тут не место, и другим. Война для мужчин. Женщина должна ждать дома, кров беречь, очаг разжигать, детей кормить. А они здесь. А у многих и детей нет, и не замужем даже. А если убьют? Значит, никогда они никого не родят. Зачем так?

Омаев снова откинулся на спину, заложил руки за голову и стал смотреть в небо, на котором уже появились первые звезды. Все замолчали, наверное, думая над словами молодого горца или вспоминая дом. Соколов

решил, что пора поговорить о важном, хватит на сегодня воспоминаний. Война не ждет.

– Давайте теперь о наших делах поговорим, товарищи, – произнес Соколов. – Приказ командования остается в силе. Группа понесла тяжелейшие потери, у нас остался один танк, но мы все равно должны довести дело до конца. Рация с двумя комплектами питания в танке. Надо найти генерала Казакова, передать приказ, подготовить или найти площадку для посадки легкого самолета и отправить его к нашим.

– Если приказ, значит, надо выполнять, – за всех ответил Логунов, который по штатному расписанию считался командиром отделения, а экипаж, как отделение, находился в его подчинении.

– Боезапаса у нас почти нет. Бочки, сколько снарядов в укладке?

– Бронебойных восемь, осколочных два и осколочно-фугасных четыре, – бойко доложил Николай.

– А с патронами как, Омаев?

– Два диска снаряженных и россыпью из запасов еще на пару дисков. Не больше.

– Двести пятьдесят патронов на пулемет, – кивнул Соколов. – Этого и на тридцать минут боя не хватит. Горючего на пару часов хода. Да и сама наша «семерка» побегала в эти дни выше всякой нормы. Могут и гусеницы подвести, и фрикционы чуть подожгли, два амортизатора, кажется, потекли, да, Семен Михайлович?

– Совершенно верно, товарищ младший лейтенант. Так я вам и докладывал сегодня.

– А нам с вами по прямой надо преодолеть около 120 километров. Если применяться к рельефу местности, то все 200 придется отмахать. Я не уверен, что штаб корпуса все еще находится там, откуда они выходили на связь в последний раз. Считаю, что наша задача – найти генерала. Время, которое мы потратим на это, уже не так важно. Не имеем мы права погибнуть раньше, чем передадим Казакову рацию и приказ.

– Так точно, приказывайте, товарищ младший лейтенант, – снова за весь экипаж ответил Логунов.

– План действий такой, товарищи. Чтобы преодолеть железнодорожное полотно, а затем и шоссе Бобруйск – Могилев, нам нужен исправный и боеспособный танк с полным запасом горючего и боеприпасов. Здесь, в лесу, мы ничего не высидим. Завтра утром нарубим березовых ветвей и елового лапника, закрепим на корме, чтобы этот хвост заметал следы гусениц на щебне. Перейдем в район на пять километров северо-западнее. Я там на карте присмотрел лес, в котором мы укроем танк.

С машиной оставим Бабенко и вчетвером отправимся на станцию. Надо найти там солярку. Она может быть в цистернах на путях. На железнодорожных станциях всегда можно найти горючее. Я, по крайней мере, надеюсь на это. Других мест поблизости нет. Для нас важнее всего, чтобы танк мог двигаться. Так что сейчас всем спать. Подъем на рассвете. Выставим часовых, дежурить по полтора часа. Бабенко не дежурит, ему завтра машиной заниматься. Все, отбой!

Соколов еще раз оглянулся на замаскированный среди деревьев танк и остался доволен. Молодцы ребята, особенно Руслан Омаев. Вот что значит опыт. Знает, какие деревца срубить, как их положить, чтобы скрыть боевую машину. Листья не скоро завянут, и танк простоит так день, а может, и два. Алексей повернулся и побежал догонять своих танкистов. Снимать черные комбинезоны они не стали. Так ночью еще незаметнее. А соваться на станцию днем было глупо. Повсюду охрана, люди снуют. Мотоциклы с автоматчиками ездят.

На крыше заброшенного каменного пакгауза, неподалеку от станции, возле разобранных путей, ведущих в тупик, Соколов устроил наблюдательный пункт. Крыша за долгие годы, что зданием не попользовались и не чинили, проросла не только травой из занесенных ветром семян, но даже древесным подростом. Отсюда были видны три ряда путей на въезде и выезде со станции, запасные пути с товарными вагонами и платформами. Были тут и цистерны. Соколов лежал рядом с Логуновым и Бочкиным, разглядывая станцию в бинокль.

– Вон там железнодорожное депо, – показал Логунов пальцем в сторону запасных путей. – Если в цистернах на путях не солярка, то в депо могут быть бочки с горючим.

– Для мотодрезин? – спросил Алексей.

– Мотодрезины потому и «мото», что бензином заправляются. А там могут быть емкости, из которых заправляют трактора и другую технику с дизельными двигателями. Не факт, что там есть горючее, но больше его здесь искать негде.

– Если только в тракторе, – кивнул Бочкин, показав на старенький «ДТ» возле крайних путей. – Много в его бак вмещается? Литров пятьдесят, наверное. Нам это на один чих, хотя с десятков тракторов пошустрить, и наскребем себе на заправку.

Дождаться ночи, а потом придется как кошкам в ночи красться. Сейчас запомнить расположение постов. Хотя ночью все может измениться. Могут на ночь количество постов увеличить, могут с собаками патрулировать территорию. А собаки чужаков сразу почуют. Надо что-то придумать. И

дождаться Омаева.

Соколов послал его обойти станцию со стороны полей, может, там возле станции есть заправочный узел. Такое часто бывает, когда с железнодорожных цистерн сливают бензин в заправочный узел, а с него уже ведут заправку техники. Там неподалеку, судя по карте, песчаный карьер. Может, технику для работы в карьере заправляли, что-то осталось.

Шутка Бочкина была не только шуткой. Если не найти цистерну с дизельным топливом, то можно собрать нужное количество из нескольких емкостей, если такие найдутся. Правда, неясно пока, как это малое количество топлива доставлять до танка. Да и как большое количество доставлять, Соколов тоже еще не придумал. Хотя бы найти – это уже половина дела.

Омаев пришел очень быстро, взобрался тихо, как ящерица, на крышу и громко зашептал:

– Там в поле стоит несколько танков. Бой был. Давно, может, недели две назад. Немецких танков нет, они свои утаскивают на буксире сразу. Шесть «бетушек» стоит и две «тридцатьчетверки».

– Логунов, – Соколов позвал сержанта, – продолжайте наблюдать и ждите нас. Я с Омаевым посмотрю, что там в поле за танки стоят.

Спустившись с крыши пакгауза, танкисты отошли за деревья, а потом побежали параллельно железнодорожным путям. Метров через четыреста открылось обширное поле частично с выгоревшими, частично с вытоптанymi и раздавленными гусеницами и колесами военной техники посевами. Танки стояли в самых разных положениях. Видимо, тут было много и немецкой подбитой техники, но ее уже увезли в мастерские сами немцы. Сиротливо стояли танки «БТ». Три по отдельности, потом два совсем рядом и третий возле самого карьера. У некоторых разбиты гусеницы, почти у всех по несколько пробоин в башнях и корпусах. Два со следами взрыва внутри машин. Все танки обгоревшие, черные. И все стоят пушками к дороге. Это была атака, отчаянная и безрезультатная. С большими потерями. Наверняка атаковали в лоб.

Ближе к дороге – два «Т-34». Один был подбит. Снарядами разбило гусеницу и часть катков с одной стороны. А потом снаряд попал сбоку в корпус.

Второй был цел. У него тоже слетела гусеница, но это, судя по всему, не было следствием попадания снаряда, а скорее досадной поломкой во время атаки. Танк сполз в промоину и не смог выбраться. Он был почти цел, если судить о нем чисто внешне.

Танкисты, прикрываясь кустарником, стали подбираться ближе

к «тридцатьчетверкам» возле дороги. Когда они спустились в канаву возле шоссе, Омаев показал на густой кустарник ниже полотна дороги:

– Смотрите, там труба под дорогой. Чтобы вода перетекала и не размывала полотно. Давайте по ней на ту сторону. К самому танку и выйдем.

Соколов кивнул, удивившись в очередной раз острому глазу молодого чеченца. Переливную трубу было из-за густого кустарника не видно, но если подумать, то становилось понятно, что именно в этом месте густой кустарник и пышная трава были потому, что почва хорошо увлажнена.

Алексей нагнулся и вошел в сырую прохладу трубы. Из-под ног прыгнули лягушки. Впереди в пяти метрах еле различался свет с другой стороны бетонной трубы.

После первых же шагов почувствовалась вибрация. По шоссе ехала машина. Соколов стал прислушиваться, медленно приближаясь к противоположной стороне трубы. Под ногами хлюпала застоявшаяся вонючая вода. Пахло тиной и прелостью. Машина была уже где-то над головой. Потом звук мотора исчез. Соколов с Омаевым остановились у выхода из трубы. Наверху хлопнула автомобильная дверь, зашуршали камушки под ногами. Кто-то подошел к краю дороги и остановился на обочине. Послышалась немецкая речь.

– Эх, языка не знаем! – прошептал чеченец.

– Тсс! – Соколов поднес палец к губам. – Я знаю.

Язык Алексей знал хорошо, даже понимал беглый разговорный. Ему просто повезло, что в деревне, где он жил у бабушки, в школе преподавала Марта Карловна, жена немецкого антифашиста, привезенная в Советский Союз с сыном. Его звали Макс, но мальчишки называли по-своему привычнее – Максимом. В те годы только и разговора было о том, что в Германии поднимает голову фашизм. А отец Макса сражался с ним в далекой Германии и был героем.

Алексей с сыном учительницы подружился первым. Наверное, сказала склонность к языкам. Соколов и в школе по немецкому всегда имел пятерки, и в общении они быстро нашли общий язык. А еще Алексей учил Макса говорить по-русски. У них даже игра была такая. По четным дням они разговаривали только по-немецки, по нечетным – только по-русски.

А потом была танковая школа, где им тоже преподавали немецкий язык, но уже с уклоном военным. Много было технических слов и понятий, военной терминологии. Соколову снова все давалось легче, чем другим курсантам, потому что у него языковая база была сильнее.

И сейчас он стоял и слушал. Ловил каждое слово, доносившееся сверху. Разговаривали два офицера.

– Вот этот «Т-34»? – спросил один из немцев. – На вид он кажется целым. Его бросил экипаж?

– Нет, я не знаю случаев, чтобы русские бросали свои танки, – ответил второй. – Тяжелый снаряд угодил ему в башню с другой стороны. Отсюда пробоины не видно. И он сполз боком в эту яму. Видимо, водитель пострадал тоже. Мы пытались завести его, но горючее вытекло через пробитый топливный провод и отверстие в баке.

– А второй «Т-34»?

– О, этот годится только на то, чтобы его тащить на буксире. У него разбиты подвеска, гусеница. Вам все танки нужны для стрельб в карьере?

– Нет, эти старые русские танки не нужны. О них мы знаем достаточно. У них слабая броня. А вот на этих «Т-34» я хочу поучить своих артиллеристов. Значит, говорите, тот танк можно даже завести?

– Если привезти горючее, починить поврежденные узлы и детали, то, думаю, можно.

– Замечательная идея, – снова заговорил первый немец, и Соколову показалось даже, что он там, на дороге, стал потирать руки от удовольствия. – Потренироваться на танке в движении. Я прошу вас, майор, сегодня же займитесь этой машиной. Сделайте все, что нужно, и перегоните ее в карьер.

– Слушаюсь. Я лично прослежу за всеми работами. До вечера я успею прислать двух механиков на машине и дам им бочку дизельного топлива с ручным насосом. Думаю, там работы на полчаса, от силы на час. До темноты мы успеем. Главное, что цела подвеска.

– Поторопитесь, майор...

Соколов оперся спиной о бетонную стенку трубы и повернул голову к молодому чеченцу. Омаев нетерпеливо смотрел на командира и только что за рукав не дергал. Алексей пересказал ему разговор немецких офицеров.

– Ах, гады, значит, наши танки из пушек расстреливать тренироваться хотят. А потом в бою будут знать, куда бить?

– Нет, не о том, Руслан. Тут другое. – Соколов стиснул плечо пулеметчика. – Они ведь горючее привезут к танку вечером. Еще дотемна.

Высунув голову из трубы, Алексей смотрел на удалявшуюся в южном направлении черную легковую машину. Значит, оттуда и придет грузовик с механиками, запчастями и горючим. Вот что нужно. Сразу решается проблема и с соляркой, и с доставкой ее до танка в лесу. Повернувшись к Омаеву, лейтенант подмигнул:

– Ну что, джигит, пора и тебе, как и твоему деду, послужить на войне пластуном. Сможешь напасть скрытно и без выстрелов уничтожить фашистов? Одним кинжалом? – Соколов спросил, а сам очень боялся услышать в ответ, что парень еще никогда не убивал, что это в первый раз страшно.

– Все сделаю, как надо, товарищ младший лейтенант, – заверил Руслан, и его глаза недобро сузились. – Еще в учебной роте мы в бою участвовали. Немцы прорвались, нас бросили закрывать прорыв. Всех тогда собрали: и штабных, и ездовых. Я тогда двенадцать гадов из винтовки застрелил, а когда они подошли к нашим окопам, мы поднялись в штыки. Я троих убил вот этими руками, товарищ младший лейтенант. Не подведу. И рука не дрогнет.

– Хорошо.

Соколов задумался. У экипажа по одному пистолету на каждого и один автомат «ППШ» на всех. Логунов молодец. Он прихватил еще с поля боя немецкий «шмайсер» с тремя рожками. А еще в танке два пулемета «ДТ». Сколько в машине, которая приедет готовить подбитый танк к транспортировке, будет человек? Водитель, пара механиков, унтер-офицер в качестве начальника. Это глубокий тыл, не потащат же они с собой взвод солдат? И брать их надо не здесь, а раньше, когда они поедут по дороге. А если там еще машины во время нападения покажутся? Алексей потер лицо руками. Тяжело-то как! Нет у него опыта в таких делах.

– Товарищ младший лейтенант, – позвал Омаев, и когда командир повернул голову, он спросил, вглядываясь в глаза Соколову: – Вы о чем думаете? Как напасть на машину? Можно мне предложить? Мне дед много рассказывал, как они во время войны действовали. Там, конечно, все по-другому было, но я понял, как они побеждали. Малым числом. Понимаете, когда сто человек на сто человек в открытом бою идет, то неизвестно, кто победит. А когда сто человек пойдет на двадцать, то победят те, кого больше. А чтобы победили двадцать, нужна хитрость. Нельзя показывать, что вас мало. Нельзя все малые силы собирать в кулак. И действовать нужно неожиданно и быстро. Пока враг не опомнился, пока он не понял, сколько вас и где вы. Так пластуны действовали. Враг должен быть в куче, а мы должны рассредоточиться. Тогда они у нас вот где!

Омаев показал сжатый кулак и с надеждой посмотрел на командира.

– Мы не знаем, сколько их будет и какой они дорогой поедут, – сказал Соколов. – А на дороге могут оказаться и другие машины.

– Мы их здесь перебьем, – уверенно заявил Омаев, раздвинул ветви кустарника и показал на танки.

Они успели. Пока Соколов с автоматом вел наблюдение за полем с подбитыми танками, Омаев добежал до станции, где Логунов и Бочкин лежали на крыше пакгауза. Получив приказ командира, сержант посмотрел на часы. Нужно было спешить: до наступления темноты оставалось не больше четырех часов. А немцы потемну не приедут. Они приедут засветло, чтобы все сделать и засветло же вернуться назад.

– Я к командиру, – поправляя на плече ремень немецкого автомата, заявил Логунов. – А ты, Руслан, бери Николая и бегом к танку. Вытащите пулемет, возьмите все диски. Там еще, говоришь, два диска набить надо патронами. Набьете и бегом к шоссе. Я вас встречу еще в лесу, чтобы вы сдуру на немцев, в случае чего, не наравались. И еще, передайте Бабенко. Он там один, да с пистолетом. Если придут немцы, пусть спрячется и в бой не вступает. Немцы в худшем случае танк на буксире попробуют утащить. Так он хоть проследит, в каком направлении. Не время помирать, поняли? Выполняйте!

Соколов одобрил план пулеметчика, потому что своего плана у него не было, а у парня уже был опыт рукопашных схваток, да и рассказы его деда-пластуна были сейчас ценны. Руслан говорил, что дед с самого детства рассказывал ему по вечерам у очага, как они воевали, как били немцев, какими хитростями пользовались и побеждали врага. Сейчас они с молодым чеченцем сидели в той же самой трубе под дорогой, из которой слышали разговор немецких офицеров. Логунов с Бочкиным прятались в танках на поле, поджидая немцев там.

Машина подъехала на то же самое место, наверху снова хлопнула дверь, послышался топот ног, как будто кто-то спрыгнул на асфальт из кузова. Шаги у самого края дороги.

– Эти танки? – спросил по-немецки властный грубый голос.

– Так точно, – поспешно ответил второй голос. – Господин майор мне их показывал. Вон тот, что боком сполз в канаву, нам и нужен.

– Черт, как туда подъехать? Тут ни одного спуска нет.

– В крайнем случае бочку можно спустить с машины и откатить туда вручную. А закачать горючее в баки мы можем ручной помпой.

– Да, страшная машина, – сказал кто-то третий, и Соколов почувствовал, как потянуло запахом табачного дыма. – Не хотелось бы с такой встретиться в чистом поле. Да и в окопе тоже.

– Ганс, Вилли! – прервал рассуждения первый грубый голос. – Перестаньте курить. Наблюдать за местностью, охранять машину.

Ясно, какой-то фельдфебель и двое солдат. А еще там водитель, думал Алексей, глядя через кустарник у выхода из трубы на спины двух солдат с

инструментальными ящиками в руках, которые пошли через поле к крайнему танку. «Эти двое механиков не выглядят такими уж боевыми. Логунов с Колей справятся с ними легко. Стрельбу бы не подняли раньше времени. А нам с Омаевым придется туго. У нас здесь возле машины четверо».

Сзади зашуршало, Соколов повернул голову и увидел Руслана, который спешил к нему.

– Я осторожно выглянул с другой стороны, – зашептал пулеметчик. – Водитель сидит в кабине. Дверь открыта, ногу свесил. Двое солдат бродят по обочинам, камни ногами пинают. Автоматы так просто на ремнях висят. А их командир, здоровый такой, стоит и смотрит на танки. У него автомата нет, только пистолет в кобуре.

– Придется стрелять, хоть и не хочется, – вздохнул Соколов. – Мы с четверьмя одними ножами не справимся.

– Подождите. – Омаев тронул рукав командира и кивнул вперед. По полю не спеша, перепрыгивая ямки и лужи, шел крупный немец. – Теперь их трое на дороге. А этот к механикам пошел, смотреть, что они делают.

Надо было использовать этот шанс. Лейтенант со своими танкистами проговаривали все ситуации, которые могли сложиться перед нападением. Но упускать такой случай, чтобы захватить машину с горючим для танка, нельзя. И сейчас Логунов и Бочкин каждый в своей подбитой «тридцатьчетверке» следили и за немцами, и за дорогой. Первыми напасть должны были Соколов и Омаев, и тогда по ситуации должны были действовать и сибиряки. Они могли в крайнем случае стрелять, если не будет другого выхода. Но лучше было бы обойтись без шума. Мало ли кто мог очень быстро приехать на шум выстрелов со стороны дороги.

Руслан убедил Соколова, что должен напасть первым. Как только фельдфебель дойдет до танка, надо нападать. План был прост, да другого в голове у командира все равно не было. Надо было что-то предпринимать. И Алексей выждал оговоренное со своим пулеметчиком время, досчитав мысленно до пяти, потом раздвинул кустарник и тихо выбрался из трубы в кювет.

Глубина кювета с этой стороны дороги была больше. Соколов попытался подняться по склону, но тут же столкнулся взглядом с немецким солдатом. Тот настолько был удивлен появлению неизвестно откуда русского в черном комбинезоне, что не схватился за автомат сразу, а медленно, как-то нерешительно потянул его к себе с ремня вперед.

Омаев действовал быстрее и эффективнее. Он выбрался из трубы, заранее зная, как ему выскочить на дорожное полотно. Был здесь сухой

участок склона, без травы, да и высотой всего метра полтора. Солдат, топтавшийся по этой обочине, стоял лицом к лесу. Омаев ждал, когда его командир с другой стороны дороги отвлечет автоматчиков. И вот его солдат резко повернулся в сторону своего товарища. Чеченец мгновенно бросился вверх по склону. Неслышно он выскочил на дорогу, схватил за голову ближнего к нему солдата и резким движением перерезал ему кинжалом горло.

Отпустив тело, он бросился вперед. Лейтенант слишком долго поднимался на дорогу, слишком долго, но второй солдат уже заметил движение за спиной и стал поворачиваться. Омаев прыгнул, свалив автоматчика, и ударил его кинжалом в сердце. Все произошло так быстро, что водитель в кабине грузовика даже не успел испугаться. Только что двое его товарищей прохаживались по дороге, и вот уже один лежит, захлебываясь кровью, а второго добивают на асфальте длинным кинжалом.

Водитель схватил автомат, лежавший рядом на сиденье, но тут на дорогу поднялся еще один русский и наставил на него пистолет. То, что это русский, солдат понял сразу. Он приближался к машине, держа водителя на прицеле, пока не оказался совсем рядом.

– Тихо! Не трогай оружие, – произнес русский по-немецки с сильным акцентом.

Тут же открылась вторая дверь кабины, и к водителю сел тот, который только что убил двух автоматчиков на дороге. Страшный окровавленный нож уперся немцу в шею.

Соколов оглянулся на подбитые танки. Там щуплый Коля Бочкин боролся со здоровенным немцем, катаясь по траве. Он пытался удержать руку фельдфебеля с ножом. А из-за танков взлетела большая саперная лопата и опустилась, кто-то еле слышно вскрикнул, потом из-за кормы «тридцатьчетверки» появилась фигура перепуганного немецкого механика, но за его спиной возник Логунов, сжимавший в руке лопату, снятую с борта танка. Снова взмах – и второй немец упал с раскрытым черепом. Увидев катающихся по траве немца и своего земляка, Логунов кинулся на помощь. Еще несколько секунд – и все было кончено.

– Не убивайте меня, – горячо шептал побледневший немец, которого Омаев выталкивал из кабины на дорогу. – Я только водитель, я никого не убивал, меня призвали в армию... я из семьи рабочих... пролетариат...

Соколову стало отчего-то очень противно. Заискивающий, с дрожащими губами немецкий солдат... А были еще и другие, которых он видел с начала войны. Сытые, самодовольные, с закатанными руками, шагающие по его земле. Они грызли яблоки, набранные в свои каски, пили

сырые яйца прямо на ходу и отчего-то все время хохотали. Может, и не все время, просто это одна из картин, которая так врезалась в память молодому командиру. Они тогда стояли в засаде, ожидая, когда пройдет пешая немецкая колонна и появятся их танки, чтобы ударить всей ротой. Алексей смотрел в бинокль на чужих солдат, и в нем кипела ненависть...

И сейчас в нем не было жалости – только ненависть. Он вспомнил свой последний экипаж, перед его глазами снова покатился со склона горящий танк Лугового, перед его глазами встала картина полыхающего факелом танка Степы Никитина, который стрелял из горячей машины до последнего.

– Убей его, – коротко бросил Соколов Омаеву и отвернулся.

Короткий вскрик! Ненависти у молодого горца было не меньше, чем у его командира.

– Молодцы, ребята. – Соколов потрепал по голове взъерошенного, возбужденного Колю Бочкина. – Давайте теперь все трупы под дорогу в трубу. Оружие в кузов. Логунов, за руль. Заводите, разворачивайте машину. Уходим!

...Майор Штанге стоял с каменным лицом и смотрел мимо генерала Рутцена, который, чуть не брызгая слюной, шипел и возмущался, тыча стеком в тела немецких солдат, которых нашли под дорогой в сточной трубе.

– Они убивают наших солдат! Убивают тайком, как бандиты, из-за угла! Это варварская страна, и к ним неприемлемы законы цивилизованного мира. Ваш абвер, такие как вы, майор, виновники этих нелепых и ужасных жертв, когда мои солдаты гибнут не в открытом бою, покрывая себя славой, а падают под ударами лопат русского бородатого мужика. И вы виноваты, и весь ваш абвер виноват. Почему вы нас обманули – весь вермахт, весь генералитет? Вы обманули фюрера, наконец! Вы убеждали нас, что Красная Армия слаба, что она дезорганизована, что она только и ждет, чтобы сдаться в плен и выйти из-под тирании жидов и комиссаров. Абвер убеждал фюрера и генеральный штаб, что у Советского Союза нет боевой техники, которая хоть что-то могла бы противопоставить немецким танкам, самолетам, пушкам. Вот это что стоит, майор? Это русский танк «Т-34», броню которого не могут пробить снаряды наших полевых и танковых пушек. Почему абвер не предоставил армии информацию об этих русских танках, не ознакомил нас с их техническими характеристиками? Мы вынуждены изобретать сами, как с ними бороться. Зенитные 88-миллиметровые снаряды их берут, но зенитные пушки должны стрелять по самолетам, а я не должен думать о том, чтобы тащить

их на танкоопасное направление. Почему вы не предупредили нас о таких танках у русских? Потому что вы ничего не знали сами! Вы преступная организация, майор!^[4]

Когда генерал уехал, а тела убитых солдат стали выносить и укладывать в кузов машины, к майору робко подошел лейтенант Вигман.

– Мне кажется, господин майор, что мы должны доложить рапортом о неслыханном поведении генерала фон Рутцена. О его оскорбительных словах в адрес нашего ведомства. Я полагаю, что он не только абвер оскорбил, он нанес оскорбление адмиралу Канарису.

– Что? – Майор повернул голову и уставился на лейтенанта. – Господи, Отто, перестаньте вы так реагировать на всякую чушь. Мало ли кто и что говорит в запале. У нас с вами есть важная работа. Вы понимаете, что здесь произошло?

– Да, безусловно, – кивнул с готовностью лейтенант. – Группа русских, пробивающихся из окружения, напала на наших солдат. Убили, захватив оружие и транспорт.

– Это он, Отто, – тихо сказал майор, разглядывая обочину дороги. – Я уверен, что это тот самый русский командир. Это не было бессмысленным зверством, русские не хотели стрелять, не хотели поднимать шума. И их всего было четыре человека – это как раз численность экипажа русского танка «Т-34». Они, Отто, захватили здесь горючее для своего танка. У них пустые баки, танк стоял где-то в укромном месте рядом с дорогой.

– Но как они узнали, что придет эта машина с механиками и горючим?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил майор. – Да это и неважно. Они здесь рыскали и искали дизельное топливо. И нашли. А нам очень не хватает хорошего следопыта, чтобы проследить, куда они поехали.

– Мне кажется, что пешком они далеко не ушли от своего танка, – предположил лейтенант. – Они поставили его неподалеку от станции и пришли пешком. Мы можем по карте посмотреть, где есть такие укромные места в этом районе. Только прошла ночь, русские наверняка уже покинули свое убежище.

Глава 7

Эта идея пришла в голову Алексею неожиданно. Слишком отличаются очертания советского танка от немецкого. Любой офицер и солдат, даже повар, писарь или боец похоронной команды, сразу решит, что это чужой танк. Даже если увидит его проезжающим мимо ночью. Повернув танковую башню назад, Соколов опустил ствол пушки вниз, почти положив ее на моторный отсек. Башню сверху накрыли брезентом, тщательно привязав его за десантные скобы на бортах. Открытой оставалась только лобовая броня корпуса. В том месте, где брезент прикрывал командирскую башенку, танкисты проделали отверстие, чтобы две половинки люка башенки свободно открывались. Такое же отверстие пришлось прорезать и над большим общим люком башни. Теперь со стороны понять, что это за механизм едет по дороге, было очень сложно. Не было видно бортового номера, не было видно красной звезды. Выдать могли большие катки гусениц, но это еще надо было сообразить, что они не немецкого образца.

Немецкий грузовик бросать Соколов тоже не хотел. Что-то подсказывало ему, что машина могла пригодиться. Неплохо было бы везти в нем запас горючего, например. Скрепя сердце он посадил за руль немецкой машины Бочкина, который до войны хорошо научился ездить на машине, да только не удосужился получить права. Но Логунов клялся, что Николай водит машину как заправский водитель со стажем.

– Возьми с собой немецкий «шмайсер», – инструктировал Соколов заряжающего, – четыре гранаты. Держись все время за нами, не отставай. А если за тобой погонятся, бросай гранату, веди огонь на ходу из автомата. Мы тебя прикроем, в крайнем случае сами развернемся и устроим им горячую встречу!

Бочкин засмеялся. Было видно, что парень волновался, но был горд, что ему оказали такое доверие. Логунов подошел, обнял его, поддержал словом. Бабенко поднял люк на лобовой броне, установил его на зубчатой рейке в самом высоком положении, чтобы увеличить себе обзор. «Ну, кажется, все, – подумал командир. – Если нужно будет вести полноценный бой, я успею выскочить и ножом перерезать три веревки с левой стороны. Все и не надо перерезать. Пусть брезент волочится, главное – повернуть башню через левый борт и поднять ствол орудия».

Ночью они тронулись в путь. Соколов подсказывал сверху механику-водителю нужные повороты, потому что ему с башни было лучше видно

линию грунтовой дороги. Он периодически спускался в башню, смотрел на карту и снова поднимал голову из люка. Дважды они проезжали мимо каких-то строений, возле которых стояла немецкая техника. Тревоги никто не поднимал и погоню не устраивал. К двум часам ночи грунтовая дорога вывела их к железнодорожному полотну, где деревянные щиты позволяли пересекать пути автомобилям и гужевым повозкам. Танк перелетел железную дорогу и снова исчез в лесу. К четырем утра, когда на востоке забрезжил рассвет, они проскочили шоссе Минск – Могилев. Почти под носом у немецкой колонны. Скорее всего, немцы успели увидеть только машину – хорошо знакомый 3-тонный «Опель Блиц».

И снова леса, лесные и проселочные дороги, которые уводили маленькую колонну дальше на юго-запад. Теперь уже Алексей не боялся ехать в дневное время. Они пробирались такими дорогами, где немцев и быть не могло. Нечего им там делать. Когда на фронте идут такие страшные бои, у армии просто не может быть сил и средств оставлять гарнизоны в каждом селе, удаленном от основных транспортных магистралей. А от них группа держалась как можно дальше.

За ночь и утро удалось проехать почти сорок километров. Около одиннадцати часов дня просека неожиданно вывела их к берегу речушки, где Соколов велел остановиться.

Картина перед танкистами открылась безрадостная. Здесь явно проходили бои. В реке торчали, как гнилые зубы, почерневшие деревянные обгоревшие сваи – все, что осталось от моста. В реке и по обе стороны речушки скелетами горбились остовы сгоревших грузовиков. А на берегу, между речушкой и лесом, когда-то стояла деревенька. Небольшая, домов в тридцать. Но сейчас от нее остались только печные трубы да столбы от ворот. Черными безобразными кучами лежали обгоревшие бревна и доски на тех местах, где когда-то стояли дома, цвели фруктовые деревья. На холмике погост. На многих могилах еще не выросла трава. Значит, свежие. Селяне своих хоронили.

Соколов опустил бинокль. Что смотреть, душу только травить. Он велел трогаться, но через несколько минут, когда танк и автомашина снова свернули на лесную дорогу и деревья скрыли от глаз деревню и речку, Бабенко вдруг остановился. Танк качнулся вперед и замер. Двигатель замолчал.

– Что случилось, Бабенко?

– Гусеница, товарищ младший лейтенант!

Механик-водитель выбрался из своего переднего люка и остановился у правого борта, сдвинув шлемофон на затылок. Соколов прыгнул на дорогу

и посмотрел на траки. Два пальца почти выскочили, гусеница держалась на честном слове. И как только Бабенко сумел это почувствовать! Семен Михайлович подошел к гусенице, стал трогать ее, присел, заглядывая сбоку и снизу.

– Один трак придется менять, товарищ младший лейтенант. И пальцы тоже. Погнуло их. Трудно будет выбить наружу. Газовая сварка нужна. Да ладно, справимся.

– Все к машине! – крикнул Соколов в люк. – Логунов, захватите автомат и подсумок с диском.

Когда все, включая Бочкина, собрались возле командира и механика, Алексей приказал:

– Займитесь с Семеном Михайловичем починкой. Логунов остается за меня. Я пойду осмотрюсь. Может, в деревне кто остался. Может, наших красноармейцев видели?

Танкисты сбросили поясные ремни и стали доставать из инструментальных ящиков кувалду, запасные пальцы, которыми соединялись траки гусеницы. С лобовой брони сняли запасной трак. Соколов с автоматом на изготовку двинулся по дороге назад.

Следы гусениц танка были хорошо видны на лесной дороге, по которой давно никто не ездил, кроме, может, деревенских телег. Это не понравилось лейтенанту, но тут уж ничего не поделаешь. Танк есть танк. Выйдя к опушке, Соколов, прячась за деревьями, в бинокль осмотрел сгоревшую деревню, дальний берег реки, где к ней выходила проселочная дорога. Никого. В воздухе была совсем не военная тишина. Где-то в голубой вышине надрывался жаворонок. Пахло детством, сенокосами, кострами в ночном, куда он с пацанами гонял коней, с печеной картошкой и страшными рассказами про мертвецов и всякую нечисть.

В деревне делать было нечего. На этом пепелище вряд ли кто-то сейчас жил. И Алексей свернул направо, чтобы пройти лесом. Судя по карте, там, за лесочком, проходила еще одна проселочная дорога, которая вела вдоль леса и реки. Она связывала сгоревшую деревню и мост с другим селом в двадцати километрах отсюда. Стоило оценить ситуацию. Ездят ли по той дороге немцы? Насколько она оживленная? Если ею пользуются, то, возможно, в Алексеевском, как называлось то дальнейшее село, мог стоять немецкий гарнизон. А это значит, что надо лесом уходить отсюда подальше, в более глухие леса. А если дорога заросла травой, значит, здесь тихо и относительно безопасно.

Через несколько минут впереди, среди деревьев, мелькнула темная фигура. Соколов не понял, показалось ли ему, но на всякий случай шагнул

в сторону зарослей орешника и замер, держа автомат наготове. Вскоре послышался звук треснувшей ветки. Потом лесная птица испуганно взлетела с тропы.

Лейтенант увидел человека. Это был старик лет восьмидесяти, с седой длинной бородой, в облезлой шапке-ушанке и ватной безрукавке-душегрейке. Штаны на коленях были залатаны цветными заплатами, на ногах были растоптанные солдатские ботинки, явно великоватые ему на пару размеров. Шел он, старательно поднимая ноги, чтобы не шаркать ими по траве, на плече висела холщовая сумка, в которой что-то подозрительно позвякивало.

Когда старик поравнялся с кустами, Соколов вышел из своего укрытия, благодушно улыбаясь и забрасывая автомат за спину. Но к его огромному удивлению, старик не проявил ожидаемой радости от неожиданной встречи с советским командиром. Он нахмурился и внимательно осмотрел с ног до головы незнакомца в черном танкистском комбинезоне, из-под которого виднелись воротник гимнастерки и петлицы с командирским кубиком.

– Здравствуйте, дедушка, – продолжал улыбаться Алексей. – Откуда идете?

– А ты кто таков, чтобы допросы мне устраивать? – скрипучим старческим голосом проворчал старик, останавливаясь. – Ишь, здравия мне желает. Давненько не виделись!

– Дедушка, а вы что такой неприветливый? – смутился Алексей и перестал улыбаться. – Командиру Красной Армии не рады, что ли?

– А что мне тебе радоваться? Командир какой нашелся. Где она, твоя армия? Ты ее с собой привел? Или один по лесам шатаешься, от людей шарахаешься? Ты назад вон пойдешь, к речке выйдешь. Там деревня наша, ты глянь на нее, командир.

– Я видел, – вздохнул Алексей. – Сгорела ваша деревня.

– Сгорела. А народу сколько на погост снесли, знаешь? А скажи-ка мне, командир, почему это она сгорела? Мы что, денег на нашу армию жалели? Детей своих не посылали служить, чтобы они учились ратному делу, технику вам новую не давали, оружия не было у вас? Так почему сгорела моя деревня, почему старуха моя померла в огне, а я вот один на белом свете остался? Ответь мне.

– Силен враг, – опустил голову Соколов, обескураженный таким поворотом беседы. – Силен, напал неожиданно, много его. Понимаю. Можешь сердиться и на меня, и на всю нашу армию, только не видел ты, как сражаются красноармейцы, как гибнут, врага сдерживая, как умирают в бою за свою Родину. Не кори, старик, не все так просто.

– Не все так просто, – повторил дед и тоже опустил голову. – Далеко отступили-то? Много земли русской отдали германцу? До Волги еще не дошли? Москва еще стоит?

– Ни Волги и ни Москвы немцам не видать! – уверенно ответил Алексей. – Собирается армия с силами, резервы подтягивает. Скоро ударим и погоним с нашей земли. Ты, главное, верь, старик.

– Ударите. Ударить вы, может, и ударите, да сколько городов и сел отдали, сколько народу погибло, который вы бросили на произвол судьбы. Врагу отдали. Этих кто вернет? Ладно, лихо было и до этого, а не погибла Россия. Ты-то чего здесь шатаешься? Из окружения, что ли, выходишь?

– Нет, дед, в разведке я, – решил сказать правду Соколов. – Немцы поблизости есть? Может, наших видел?

– Немцы далеко отсюда. Почти не заходят в наши края. Делать им тут нечего, грабить некого. А вот из села Алексеевского народ проходил с котомками и пожитками. Там, говорят, они всех обобрали. Весь скот и птицу порезали. И наших солдатиков не видать. Наверное, кто выжил, ушли на запад, а кто не смог, того побили. Слышал стрельбу на этой неделе, раза два слышал, но далеко где-то. Может, за Алексеевским даже.

– А сам-то ты где живешь, дедушка?

– Землянку отрыл с внучкой. Мала еще, десяти лет нет, а вон какое пережить угораздило. Погреб был, из него землянку и устроили. Живем пока, а что дальше будет, бог весть.

– А едите вы чего?

– Лес кормит. Запасы сделали, грибов засушили, силки вот пришлось вспомнить, как в детстве делал. Бывает, и поймашь чего. Да вот еще, – старик потрянул свой мешок, в котором снова звякнуло, – консервы. Тут в поле танки стоят побитые. И наши, и немецкие. Я ходил, смотрел. В наших ничего нет, сами, видать, голодные отступали. А у немцев в танках и шоколад, и водка ихняя, и консервы, и сигареты. Я успел вот несколько раз сходить. Набрал кое-чего. А потом приехали туда ихние, в черной форме. Стали на буксир свои танки брать да утаскивать. Видать, ремонтировать будут.

– Так там и наши танки есть? – заинтересовался Соколов. – И ты в них лазил? Значит, не сгорели?

– А как же, есть и те, что не сгорели. Дырок в них их пушки понаделали. Танкистов побили, вот и стоят они.

Спрашивать старика о марках танков было, видимо, бессмысленно. Соколов от избытка нахлынувших на него чувств готов был сжать деда в объятиях, но начало разговора у них было не очень душевным, и лейтенант

воздержался от излишних чувств. Танки. Несгоревшие танки – это прежде всего патроны и снаряды. Горючее пока есть, повезет – будет и еще. А вот недостаток боезапаса делает из танка просто трактор. Бронированный большой трактор.

– Дедушка, как найти это поле, где танки стоят?

– Да просто. Тут недалеко. Вон видишь над лесом верхушка ели виднеется? Вот на нее иди, потом ложбинка небольшая с березой сгоревшей. По ложбинке и до конца. Она тебя на опушку выведет, ну, а там увидишь. Только ты осторожнее, соколик. Немец около танков да в лесочке может быть. И кончится твоя... разведка! Ты один по лесам-то шатаешься или еще с кем?

– Я не шатаюсь, дед, – хмуро возразил Соколов, – а двигаюсь в определенном направлении. Заранее выбранным маршрутом.

– Ну, двигайся, двигайся, – хмуро кивнул старик и закинул на плечо котомку. Он отошел на несколько шагов, потом повернулся и сказал: – Ты не серчай на меня, служивый. Горе у меня, всех на старости лет потерял. Жизни конец, всему конец. А горе – оно, знаешь, глаза застит. Ты мне, главное, скажи, побьем мы германца или не побьем? Или все, кончилась советская страна?

– Побьем, дед! – твердо ответил Соколов. – Можешь не сомневаться. Ты только дождись нас, и мы с товарищами тебе такой дом построим, будет лучше прежнего. И еще заживешь на старости лет...

– Мне не дом, мне домину^[5] надо строить, – прокряхтел старик. – Внукам бы пожить. Ох, сколько восстанавливать придется, сколько всего порушено...

Причитая и ворча, старик пошел между деревьями в сторону сожженной деревни. Алексей подумал, неплохо бы окликнуть старика, узнать, где он живет. Может, из танков удастся достать еду и отнести ему. Они с экипажем двое суток держатся на сухом пайке. Консервов и сухарей хватит еще на несколько дней. Может, своими запасами поделиться со стариком? Но экипажу задание выполнять. Голод не помощник. Тратить время на поиск еды опасно. Да и риск столкнуться с немцами. Риск сорвать задание.

– Прости, старик, – прошептал Соколов и пошел в сторону высокой ели.

Он шел осторожно, стараясь не выходить на открытые участки. Вскоре услышал металлические звуки, стук. Через несколько минут показалась опушка, потянуло дымком. Низко пригибаясь, Алексей добрался до крайних деревьев и присел на корточки за стволом старой березы.

На краю поля стояли два крытых тентами немецких грузовика. Возле них по пояс голые немецкие солдаты плескались водой из железных кружек. Возле одинокой березки горел костер, над ним висел котел. Еще один солдат помешивал в котле большим половником. На дереве висели полотенца и еще один половник. Соколов насчитал шесть солдат. Потом увидел седьмого. Тот с винтовкой на ремне прохаживался возле машин со стороны дороги. Часовой. Должен быть еще один, решил лейтенант и стал искать глазами. Точно, возле двух немецких танков топтался еще один солдат с винтовкой.

Всего танков было восемь. Несмотря на уверения деда, три танка «БТ» были сгоревшие. Еще у одного башня сорвана и разворочена так, как будто в ней взорвались остатки боекомплекта. Еще два «БТ» стояли разбитые, с сорванными гусеницами. И ближе к дороге две «тридцатьчетверки». На вид совершенно целые. Наверное, снаряды попали в корпус сбоку и танки потеряли ход. Если в них есть еще снаряды, то это спасение просто. Да и патроны к пулемету «ДТ» нужны.

Чем тут занимались немцы, Соколов не понимал. Наверное, готовили к буксировке четыре своих танка. А может, ремонтировали, чтобы они ушли своим ходом. Подойти ближе трудно. Часовые со стороны дороги и возле танков. Надо послушать, о чем они говорят, а потом решить, как напасть. Хотя если еду варят, значит, ночевать собираются, значит, работа будет у них и завтра.

Вернувшись к своему экипажу, Алексей рассказал о своей находке. Танкисты загорелись идеей вооружить танк, и тогда можно было не бояться встреч с немцами в открытом бою. Обидно было сознавать, что в твоих руках грозная боевая техника, но она беспомощна.

– Танк загоним подальше в лес, – стал излагать свой план Соколов и чертить на земле схему. – Бабенко, вы, как всегда, остаетесь рядом с машиной. Для охраны, и, возможно, нам срочно понадобится вся ее мощь и оставшиеся снаряды. Дальше. На поле едем на немецком грузовике. Немцев восемь человек. Двое все время на посту: один у машин со стороны дороги и леса, второй возле немецких танков. Возможно, ночью посты парные, нам ошибиться нельзя. Поэтому нападём еще засветло. Самое сложное – перебить не тех, кто у грузовиков, а одновременно убить обоих часовых, чтобы те не подняли шум.

– Не получится, – возразил Логунов. – Нас пойдёт туда всего четверо. Один снимает часового у дороги. Значит, нам троим надо перебить шестерых. Не получится. Только если будем стрелять, тогда можно успеть каждому застрелить двоих. Надо идти ночью и бить спящих ножами.

– Тоже может не получиться, – с сомнением покачал Соколов головой. – Найдется какой-нибудь страдающий бессонницей, или в туалет кто-то захочет выйти. Столкнетесь с ним в самый неподходящий момент нос к носу, и вся операция насмарку. Значит, останется только стрелять, а это лишний шум. Только как их в кучу собрать? Часовые далеко друг от друга и далековато от остальной группы.

– А можно мне предложить свой план, товарищ младший лейтенант? – совсем по-школьному поднял руку Омаев. Он взял прут и подвинулся к нарисованной на земле схеме.

Соколов очень беспокоился, что освещение ранних сумерек может сыграть злую шутку при прицеливании. Но Руслан, наверное, знал, о чем говорил. Раз он был уверен, то командиру оставалось лишь верить своему солдату. Тем более что меткость свою молодой горец доказывал не раз.

Трофейный грузовик переваливался на неровностях грунтовой дороги. Коля Бочкин сидел за рулем, придерживая лежащий на коленях немецкий автомат. Лейтенант рядом с ним на переднем сиденье держал наготове «ППШ». Оба без пилоток, только в комбинезонах, застегнув воротники, чтобы советские петлицы раньше времени не заставили немцев встревожиться. Логунов лежал в кузове, сжимая вытащенный из танка пулемет «ДТ». Алексей напряженно вглядывался в ту часть лесной опушки, где должен был занять позицию Омаев, и тревожился, что не видит чеченца. Хотя лейтенант понимал, что грош цена их затее, если Омаева будет так легко заметить.

Все хорошо, уговаривал себя Соколов, все идет по плану.

Когда танкисты подъезжали к немецким грузовикам, они увидели, как двое солдат тащат из машины к костру большой молочный бидон с водой. Третий чистил котел. Еще один солдат колот дрова для костра, неумело приседая при каждом взмахе топора. Наверное, запасал их на утро для приготовления завтрака. Как и положено, один часовой бродил по краю дороги между машинами и лесом. Увидев машину, немец перестал ходить и стал со скучающим видом смотреть на нее. Часовой возле танков тоже устоялся на свой лагерь. Соколова очень волновало, где же еще двое солдат. Обнаружил их в последний момент, когда грузовик подъехал совсем близко к немецкому лагерю. В кузове крайней машины откинулся брезент, и Соколов увидел двух солдат. Он успел разглядеть солдатские постели. Значит, немцы в грузовиках спали.

Нервы были напряжены до предела. Воевать, глядя на поле боя из танка, через оптику перископа, – это одно. А вот так близко видеть врага, убивать его из автомата, ножом, видеть его кровь, его агонию, сражаться с

ним лицом к лицу – такого опыта у Соколова было маловато. Да и почти у каждого члена экипажа, за исключением, может, Омаева. Но желание убивать врага билось в груди у каждого. Зачем, кто их звал сюда? Сколько горя, боли принесли народу эти люди в чужих мундирах. По какому праву они вторглись в нашу страну и сеют смерть и разрушения? Нет, только смертью за смерть!

Только бы теперь не подвел Омаев, иначе... Подумать о том, что будет дальше, Соколов не успел. Он заметил боковым зрением движение, повернул голову, но успел увидеть лишь, как упал часовой. Тело исчезло за кустом, и буквально через секунду оттуда появился ствол немецкой винтовки. Все, теперь ждать выстрела, не торопиться, нельзя пока подъезжать к немцам слишком близко. Они могут раньше времени понять, что в машине русские, и успеют схватиться за оружие. Для всего экипажа сигналом был выстрел Омаева.

– Спокойно, Коля, – сказал Соколов, положив руку на руку водителя. – Не спеши... сбавь скорость.

Немцы с напряжением смотрели на приближавшуюся к ним машину с армейскими номерами другой дивизии. Наверное, в этот момент в головах кого-то из солдат мелькнула мысль взяться за оружие. Но выстрел, хлестнувший по полю со стороны дороги, заставил всех вздрогнуть и резко повернуться на звук. Немцы своего часового не увидели. Они вообще никого не видели и не поняли, кто стрелял.

– Влево! – на всякий случай крикнул Соколов.

Бочкин от напряжения мог забыть, что после выстрела Омаева ему надо свернуть влево и только потом остановиться. Они должны стоять боком к немцам. Танкист дернул руль влево, добавил газу и сразу нажал на тормоз. А Соколов, уже толкнув ногой дверь, выскочил на подножку машины и двумя очередями из «ППШ» свалил немцев, тащивших бидон с водой. За его спиной раздалась пулеметные очереди, и тент на машинах завибрировал от удара пуль, в нем появились отверстия. Кто-то в кузове закричал, один немец вывалился из-под брезента по пояс и повис вниз головой.

Повар, чистивший котел, и солдат, коловший дрова, бросились к оружию. Но Бочкин, выбежавший со «шмайсером» с другой стороны грузовика, открыл огонь. Солдат упал с простреленной грудью, повар с завидной прытью бросился за дерево, дергая затвор автомата, но пулеметная очередь из кузова свалила и его. Соколов быстро оглядел поле боя и тут же вскочил на подножку машины, чтобы увидеть второго часового возле танков. Там виднелось только что-то, напоминавшее кучу

одежды, сваленную возле гусеницы.

Со стороны дороги вышел Омаев с трофейной винтовкой. Он дернул затвор, выбрасывая из патронника стреляную гильзу.

– Порядок, товарищ младший лейтенант, – с улыбкой заявил чеченец. – Я не промахнулся.

– Молодец, – похвалил Соколов, чувствуя, что вот теперь, когда все благополучно закончилось, у него начался в руках и ногах легкий мандраж.

Смотреть на убитых немцев не хотелось, но он упорно не отводил взгляда от мертвых тел, распаляя собственную злость и ненависть к этим людям. Времени у них было мало. Может быть, даже меньше, чем казалось. И надо было действовать незамедлительно. Каждый знал свою задачу, но Алексей все же принялся всех торопить:

– Омаев, быстрее! Тело часового сюда тащите или в кустах хорошенько укройте. Нам еще эти тела убирать с глаз долой. Логунов, дуйте с Колей к танкам! Начинайте искать боеприпасы. Часового только под танк, что ли, затащите.

Кажется, порядок, решил Алексей, когда они оттащили в сторону тела убитых солдат и прикрыли брезентом, чтобы их не было видно сразу с дороги или от машин. Поставив возле костра бидон, он повесил над потухшим кострищем котел, повесил второй половник на ветку березы. Все, картина вполне мирная, если бы не пробоины в брезенте грузовиков. Оружие они решили все же собрать. Семь немецких карабинов с патронными сумками и пистолет фельдфебеля с двумя магазинами они захватили с собой и пошли к танкам. Соколов не мог сказать пока, зачем он забрал все винтовки убитых немцев. Для его экипажа столько не нужно. Патроны понадобятся для немецких винтовок, потому что у немцев использовался другой патрон, отличавшийся от русского мосинского калибром.

Бросив винтовки в кузов своего трофейного грузовика, Соколов оставил Омаева наблюдать за местностью, а сам побежал к танкам искать своих. Довольный Логунов высунулся из водительского люка «тридцатьчетверки» и показал большой палец.

– Живем, командир! Почти два десятка снарядов, из них шесть подкалиберных. И десять дисков к пулемету

Всего в обоих «тридцатьчетверках» удалось найти девять бронебойных подкалиберных снарядов, двенадцать осколочно-фугасных и шестнадцать осколочных. Заодно вытащили один исправный пулемет «ДТ» и более восьмисот патронов, большей частью уже заряженных в диски. Теперь у Соколова имелась почти половина положенного боекомплекта. Не было

возможности перекачать остатки горючего в бочку, но на это пришлось махнуть рукой.

В темноте удалось без приключений добраться до того места в лесу, неподалеку от сгоревшей деревни, где Бабенко ждал их с танком.

Уже начали загрузку снарядов, когда механик-водитель подошел к Соколову и смущенно попросил минутку внимания.

– Скажите, товарищ младший лейтенант, а в каком состоянии были танки, с которых вы снимали снаряды?

– Да в разном. Но повреждения касались в основном органов управления, трансмиссии и подвески. Гусеницы разбиты, естественно. А почему вы спрашиваете?

– Видите ли, я, пока вас не было, занялся проверкой машины и нашел некоторые недостатки и износ. Не сразу, конечно, выйдет из строя, но кое-что может подвести в ближайшее время.

И Бабенко стал перечислять, что бы неплохо было снять с подбитых танков. Соколов почесал в затылке. Конечно, рисковать не хотелось, но Бабенко был прав. Рисковать стоило: во время боя потеря управления машиной может обойтись дорого. Видя замешательство командира, Бабенко попросил разрешения съездить ему одному на трофейной машине. Он обещал управиться быстро с помощью аккумуляторного фонаря, который можно подключить к грузовику. Да и у танков аккумуляторы могли быть не разряжены.

– Логунов!

– Здесь, товарищ командир! – Сержант спрыгнул с борта машины и одернул комбинезон.

– Слушайте, Василий Иванович, вот Бабенко предлагает снять с тех подбитых наших танков несколько деталей трансмиссии и подвески. Нам запасные части могут пригодиться очень даже скоро. Учитывая, что ремонтных мастерских поблизости не будет еще долго.

– Слушаюсь, – кивнул Логунов и махнул Бабенко рукой. – Поехали, Семен.

– Нет, отставить, Логунов! – Алексей нахмурился. Решение принимать тяжело, но устав засел в нем глубоко. Да и прав устав, если разобраться. – Механику-водителю отлучаться в боевой обстановке от танка запрещено.

– Так и наводчику-командиру башни тоже, – с улыбкой развел руками сержант. – Надо решаться, командир.

– Да, знаю, – с ожесточением бросил Соколов. – Ладно, езжайте вы и Бочкин. Вы танкист опытный, сможете все сделать по списку Бабенко. Семен Михайлович, напишите, что нужно снять с танков.

Омаев сделал попытку попроситься поехать вместе с сибиряками, но Соколов не отпустил его. Рисковать всем экипажем не хотелось, тем более что Омаев радиотелеграфист, он умеет работать и на ключе. Если понадобится достать передатчик, который они везут для связи комкора Казакова со штабом армии, то без Омаева им не обойтись никак.

Танкисты уехали на трофейном грузовике. Танк стоял готовый к движению, если это потребуется. Небо светлело. Спать не хотелось никому. Напряжение прошлого дня не отпускало. А впереди еще много опасностей. Завтра, а может, послезавтра командир приведет танк в нужную точку, откуда комкор Казаков выходил в эфир в последний раз. А что будет дальше?

– А что будет дальше, Алексей Иванович? – опять не по-военному спросил Бабенко, лежавший рядом с Соколовым на брезенте.

– Война будет! – резко бросил Омаев, сидевший чуть поодаль на пеньке и остругивающий кинжалом палку.

– Нет, Руслан, я не о том спрашиваю, – покачал водитель головой. – Война будет и дальше, это понятно. Слишком большие силы обрушились на нашу страну. Остановить их и погнать назад – для этого не меньшая мощь нужна и очень большое напряжение всех наших сил. И всех ресурсов. Это очевидно. Я о том спрашиваю, что будет, если мы завтра придем в то место, куда нам приказали, а там никого и ничего. Допустим, нет там генерала.

– Командир есть, он знает, что делать дальше, – снова ответил Омаев. – Каждый о своем должен думать. А вы, Семен Михайлович, все время странными вопросами себя мучаете. Зачем?

– Страдает парень, – тихо сказал Бабенко, улыбнувшись в темноте, а потом уже громко продолжил: – Это не странные вопросы, Руслан. Это естественные вопросы. Человека всегда волновало и будет волновать, что будет завтра, а что через год, через столетие. Видишь ли, человек, если это хороший человек, он всегда стремится сделать этот мир лучше, чище, интереснее, оставить его после себя потомкам таким, чтобы им было в нем лучше. И так из поколения в поколение.

– Если бы все так думали, то не было бы войн, – хмыкнул Омаев. – Даже если и не война, то сколько людей даже просто так делают другим плохо. Зачем воруют, зачем грабят? Трудно сделать этот мир лучше.

– Трудно, товарищи, – вмешался Соколов, решив, что как командир он должен свое веское слово сказать в воспитательных целях. – Трудно, но каждый должен стремиться к этому. Каждый на своем месте, там, где он живет, работает. В мире всегда много хороших людей и много плохих.

Просто не всех плохих еще перевоспитали. Понимаете?

– Вы мне вот что скажите, товарищ младший лейтенант. – Омаев вдруг отложил в сторону свою палку и кинжал. – Много хороших и много плохих. Нам в учебной роте тоже политрук говорил об этом. Не бывает, говорил, общества, в котором только хорошие люди или только плохие. А то, говорил, был бы сразу коммунизм или варварское Средневековье. Вот и скажите, а что, в Германии совсем нет хороших людей? Почему у них к власти пришел Гитлер, почему он развязал войну по всей Европе и всех пытается поработить? А где же хорошие люди? Они ведь в Германии должны были быть?

За разговором танкисты не заметили, как в лесу стало светлее. Солнце уже поднялось над горизонтом, запели лесные птицы, затрепетали крыльями в кронах. Соколов посмотрел на наручные часы и вдруг замер. Вместе с ним замолчали и прислушались Бабенко и Омаев. Отчетливо были слышны автоматные очереди. Ветерок дул в сторону поля, на котором стояли подбитые танки, звук относил в сторону, но все равно можно было различить резкие очереди скорострельного «ППШ» и вторящие ему глухие, хлопающие очереди немецких автоматов. «Шмайсеров» было больше. Значит, стреляли не только Логунов и Бочкин. Стреляли и в них. А вот заговорили пулеметы. Один, второй...

– Это наши, – пробормотал Бабенко и вопросительно посмотрел на командира.

Соколов нахмурился, посмотрел по сторонам, но тут же понял, что с винтовками бежать на помощь глупо. Но и оставлять товарищей в беде нельзя. Невозможно.

– Омаев, брезент скатать! – крикнул Алексей и бросился отбрасывать ветки и срубленные деревца, которыми был замаскирован танк. – Бабенко, заводите!

Вскочив на башню, Соколов первым делом соединил кабель ТПУ с разъемом своего шлемофона и принялся готовить пушку. Так, прицел постоянный... плавность хода пушки вверх-вниз есть... башня вращается, укладки... снаряды рассортированы по назначению... осколочные здесь.

– Вперед, Бабенко, на поле! – приказал лейтенант, прижимаясь лицом к мягкому нарамнику перископа и поворачивая командирскую башенку из стороны в сторону. – Омаев! Без команды не стрелять. Я сначала определяю, где наши.

– Есть! Пулемет готов! – бойко доложил чеченец.

Бабенко выводил из леса танк очень осторожно, без суеты, боясь порвать изношенные гусеницы. Выведя машину на лесную дорогу, он

прибавил скорости, не форсируя двигатель. Дизель «Т-34» все же был очень шумным. А шли они сейчас к немцам с наветренной стороны. Оставалось надеяться, что те за шумом перестрелки не услышат приближения танка. Соколов подумал, что какое-то немецкое подразделение прибыло на поле и увидело убитых солдат. А может, начальство к немцам прибыло за танками. Он решил, что терять времени не будет и зарядит пушку прямо сейчас осколочным снарядом, и как только танк выйдет из леса и станет понятна позиция, он выстрелит. Эффект должен быть самым подходящим. Пехота при приближении танка прекратит бой и начнет искать укрытие или побежит.

Но тут до слуха донеслись орудийные выстрелы. Соколов замер, потом рывком поднял створки люка башенки и высунул голову наружу. Стреляла танковая пушка. «Пушка немецкого танка! Ах, черт! Откуда там танки? Как же мы так попались!» Он быстро спустился в башню и тут же услышал еще выстрел, потом еще. Стрелял не один немецкий танк. Как минимум два.

– Подкалиберным, – по привычке скомандовал Соколов сам себе, загоняя снаряд в казенник пушки.

Логунов и Бочкин поставили машину за подбитыми «тридцатьчетверками» так, чтобы она не бросалась в глаза со стороны дороги, когда рассветет. Дело спорилось, нужные детали в танках были целы. Работая, Логунов молчал и прислушивался. Война, тем более вторая, быстро учит осторожности. И Коля Бочкин, который держал фонарь и подсвечивал земляку, все время норовил завести разговоры или пуститься в воспоминания. Василий Иванович отвечал односложно, продолжая работать и прислушиваться.

– Стой, Коля, – вдруг сказал он и замер с занесенной рукой, сжимавшей гаечный ключ. – Тихо! Слышишь?

– Что?

– Моторы! – Логунов осторожно, без стука положил на пол гаечный ключ и перебрался на сиденье механика-водителя.

Через открытый люк он стал смотреть наружу. Два немецких грузовика по-прежнему торчали возле леса на обочине дороги. Уже совсем рассвело, щебетали птицы, на лицо через щель люка упал горячий луч солнца. Звук доносился справа, из-за леса. И этот звук сразу напомнил, что идет война, что они с Колькой на территории, занятой врагом, что вон там за кустами шестеро убитых ими немцев. И кто-то едет по проселочной дороге в их сторону. И здесь это могут быть только немцы, и никто больше. Линия фронта была далеко на востоке.

– Может, это наша «семерка»? – тихо предположил за спиной

Бочкин. – Может, лейтенант решил сам за нами заехать?

– Нет, у «тридцатьчетверок» звук мотора другой. Проверь-ка, как там нижний люк, открывается?

Когда Бочкин сказал, что нижний люк открыт, Логунов велел ему осторожно выбираться и отползать под днищем танка назад. Стиснув зубы сержант смотрел, как из-за лесочка на дорогу выползает один немецкий танк «Панцер IV», потом второй такой же. За ним шел грузовик без тента, и в кузове были видны головы в глубоких немецких касках. А вот и второй грузовик, и тоже полон солдат. Вся техника остановилась, как назло, возле немецких машин, что стояли тут уже несколько дней. Из первого грузовика вышел офицер, несколько солдат спрыгнули через борт и побежали осматривать машины, кострище.

«Ну, все, – подумал Логунов. – Прищучили нас здесь. Сейчас увидят трупы и кинутся прочесывать местность. Вот мы вляпались с Колькой!» Сержант спустил в люк свой автомат, потом пролез сам, лег между гусениц танка и пополз назад.

– Если они найдут трупы, то полезут сюда, – зашептал Бочкин, стиснув локоть Логунова. – Что делать, Василий Иванович?

– Спокойно, может, еще не сунутся, – попытался успокоить парня Логунов. – Мало ли кто мог убить их солдат.

Договорить он не успел, потому что на дороге поднялись крики, задние борта обоих грузовиков со стуком откинулись, и на дорогу стали выпрыгивать немецкие автоматчики. Они даже не стали строиться, а принялись разворачиваться цепью и под крики своих фельдфебелей двинулись в сторону подбитых танков.

– Ах, суки! – зло зашипел Бочкин, хватая свой трофейный «шмайсер». – Догадались!

– Туда, – толкнул его в сторону ближайшего немецкого танка сержант, – давай быстрее.

Один из автоматчиков заметил движение между танками. Он закричал, показывая пальцем вперед, и тут же воздух прорезали автоматные очереди. Пули ударили в броню «тридцатьчетверки», взбили фонтанчики пыли на земле возле гусениц. Логунов закричал, чтобы Бочкин полз к немецкому танку, у которого разбита только ходовая часть, а сам поднял автомат и дал две короткие очереди по движущейся к ним цепи автоматчиков. Один солдат упал, остальные поспешно залегли и открыли огонь, толком не зная, куда стрелять. Логунов снова дал две очереди, перекатился в сторону и дал еще одну длинную очередь. Немцы снова стали поливать из автоматов пространство между танками, но сержант был уже за броней.

– Лезь в танк! – зашептал он Бочкину. – Мы с двумя автоматами не продержимся долго. А в танке снаряды! Там боезапас остался. Мы им можем такой сюрприз устроить, понимаешь?

– Из их танка по ним же? – ошалело смотрел на земляка Николай. – Вот это номер! Дядь Вась, да мы им такого жару дадим! Пусть подходят, кто смелый. Нас еще не так просто взять!

Логунов сморщился, глядя в спину на худые лопатки своего неназванного сына. «Ведь двоих же потеряет она: и сына, и... не жених я ей и не муж... Зачем все так... Прогнать надо Кольку, да куда там. Он и не уйдет, да и не выпустят нас отсюда уже. Дадим им последний бой. По-нашему, по-танкистски!»

– Бронебойным! – приказал Логунов, и Бочкин поспешно привычным движением выхватил из стеллажа снаряд.

Укладки у немцев располагались не так, как в наших танках, да только отличие это было несильным. Бывал Бочкин в немецких танках, еще в учебной роте им показывали трофейные танки. Ничего он нового для себя сейчас не увидел. А уверенный голос Логунова только добавил ему спокойствия.

– Заряжай!

Снаряд вошел в казенник, лязгнул затвор. Логунов стал наводить и через плечо бросил другой приказ – проверить пулемет. Немецкие танки стояли, как на полигоне. Они даже башни не развернули в сторону предполагаемого противника. Логунов нехорошо усмехнулся, наводя пушку под срез башни вражеского танка. Хорошо, что пушкой можно много не двигать. «Удачно встали, гады. Сейчас получите».

Пушка одного из подбитых танков в поле неожиданно для немцев рывкнула огнем и выплюнула снаряд. И тут же за их спинами со звонким треском снаряд прошиб моторный отсек танка на дороге. Раскаленная болванка разворотила мотор, оборвала бензопровод, горячее потекло на днище отсека, на землю и тут же вспыхнуло. Из танка полезли наверх и из боковых люков немецкие танкисты, кричали пехотинцы, попятился второй танк и начал разворачивать башню в поисках врага. Но тут танк на поле выстрелил второй раз. И тут же разлетелись от удара катки с левой стороны у второго танка. Гусеница поползла разматываться по пыльной дороге, танк по инерции развернулся кормой – и тут же третий выстрел пригвоздил машину.

Автоматчики попятись, стали расползаться в разные стороны, обстреливая каждый кустик, за которым мог прятаться русский. Они резонно опасались, что танк, который стрелял, вдруг начнет двигаться на

них. Но они ошиблись. За стрельбой и автоматными очередями они не слышали звука приближающегося танка. Из-за леса на полной скорости вылетела краснозвездная «тридцатьчетверка» с заметным номером 077 на башне.

Русский танк сделал остановку, звонко выстрелила его 76-мм пушка – снаряд угодил в задний подбитый танк. Немецкая машина тут же загорелась, вспыхнула огромным факелом. Пулемет русского танка заработал, расстреливая немецких автоматчиков в поле. Еще один пулемет начал бить из подбитого танка. Автоматчики попали в огневые клещи и попятились, стали отползать, потом побежали. Офицер, размахивающий пистолетом, упал в траву и остался лежать, неестественно подогнув ногу и вывернув шею.

– Наши! – орал во весь голос Коля Бочкин, высунувшись по пояс из верхнего люка немецкого танка. – Ура! Наши!

Глава 8

Остановив машину метрах в пятидесяти от подбитых танков, водитель повернул голову к майору и посмотрел вопросительно. Штанге как будто очнулся. Он открыл дверь и решительно вышел на пыльную дорогу. Лейтенант Вигман уже ждал его возле танков.

– Ну, что здесь произошло? – спросил майор, обходя и рассматривая уложенных в ряд на обочине дороги убитых немецких солдат. Тел было много. Два десятка солдат лежали вдоль дороги, один в белом поварском переднике. Последним в ряду мертвых тел лежал молодой обер-лейтенант с голубыми глазами, смотревшими удивленно и с какой-то скорбью в русское небо.

– Вот, господин майор, – показал Вигман на солдата, – это обер-ефрейтор Трампе. Он был свидетелем этого боя. Командир и унтер-офицер погибли, Трампе остался старшим по званию.

– Что здесь случилось? – Майор посмотрел в веснушчатое лицо солдата с рыжими ресницами вокруг бледно-серых напряженных глаз.

Этот ефрейтор в армии служит уже лет шесть или восемь, подумал майор. Ветеран почти, а смотрит напряженно. Видать, попадать в такие переплеты еще не приходилось. Да. Это не Франция и не Бельгия! Не в первый раз уже Штанге видит такие глаза у солдат, а иногда и у офицеров вермахта. Многие шокированы сопротивлением русских, огромными расстояниями, которые просто не укладываются в головах европейцев. Дикое просто расстояния. И абсолютно непонятное и упорное сопротивление русских. Так волчица дерется за свое логово, за выводок. Они что, так любят свою страну, эти русские солдаты? А что она им дала такого, чтобы за нее так умирать? Непонятно.

– Нас подняли по тревоге, господин майор, – начал говорить ефрейтор. – Погрузили в машины, прислали нам в помощь для усиления два танка. Кто-то видел русских солдат в тридцати километрах к северу отсюда, и нас послали туда. Но когда мы проезжали этой дорогой, то увидели эти два грузовика. У заднего был прострелен пулеметными очередями тент на кузове, и никого вокруг. Только вон те подбитые несколько дней назад танки. Наши и русские. Наш командир что-то заподозрил. Он послал солдат обойти все вокруг. И они нашли за кустами тела. Восемь тел, господин майор.

– Вот эти? – показал перчаткой Штанге на первую группу убитых у

дороги.

– Так точно, господин майор. Они были убиты совсем недавно. Тела только-только начали коченеть. Мы развернулись для прочесывания в сторону поля, где стояли подбитые танки. Нашему обер-лейтенанту показалось, что русские должны быть там, оттуда обстрелян был грузовик и пробит его тент. И он не ошибся, прими Господи его душу.

– Там были русские? – Штанге посмотрел в поле, где еще ходили немецкие солдаты, осматривая сгоревшие и подбитые машины.

– Так точно. Они обстреляли нас. Убили ефрейтора Либо, ранили Венцеля. Мы стали стрелять. Командир не стал поворачивать танки, развернул лишь башни и стал прикрывать нас пулеметами, а тут... Это страшно было. Никто не ожидал. Они стали стрелять из нашего подбитого танка. Вон того, второго слева. И с первого выстрела подбили один из наших танков. Потом они повредили второй танк, и он не смог развернуться. Он загорелся, господин майор. Мы хотели обойти русских, мы могли забросать их гранатами, хотя у нас и не было противотанковых.

– Так точно стрелять? Да еще из чужого танка. – Майор покачал головой и посмотрел на Вигмана. – Стреляли опытные танкисты, лейтенант, это совершенно точно. А что было потом, ефрейтор?

– Потом вон оттуда, из-за леса, выехал русский танк. Совершенно исправный. Он был не из этих, что тут стоят. Мы даже подумали, что русские прорвали фронт под Смоленском и их танки вышли южнее Минска. Но танк был один. Он выстрелил и снова попал в наш танк. Потом он выстрелил осколочным снарядом. И бил его пулемет. Мы отошли к лесу. Кто остался в живых, господин майор.

– Это понятно, ефрейтор. Вы голыми руками остановить русский танк не смогли бы. А что было потом? Вы видели тех русских, что стреляли в вас из танка с поля?

– Нет, господин майор. Я видел только, что они сели в грузовик, который стоял позади танков, и уехали вместе с русским танком, который напал на нас.

– Что за машина? – оживился майор. – Трехтонный «Опель Блиц»? Номер видели?

– Нет, было очень далеко, а бинокль остался у господина обер-лейтенанта. Номер был на танке – 077.

Майор кивнул, похлопал по плечу ефрейтора и пошел назад к машине. Не дойдя до «Мерседеса», он резко повернулся к лейтенанту и заговорил:

– Это они, Вигман, это совершенно точно они. Этот русский командир и его танк 077! Он упорно идет к цели. А знаете куда? Туда, куда должна

была идти вот эта группа с двумя танками усиления. И он устроил им засаду и разбил их, а потом спокойно ушел. За своим генералом. Вот как все было, Отто. Это всего тридцать километров отсюда на север. Запросите дежурного по гарнизону, пусть дадут точные координаты места, где видели русских и куда направили эту группу. Мы едем туда. Выясните все, а я заправлю наши бронетранспортеры и прикажу пополнить боезапас. В том числе и противотанковыми средствами. Черт бы его побрал, этого русского командира! Он ведет себя так, как будто ездит на своем танке в окрестностях своего... как это, села, деревни. Если бы я был язычником, я бы согласился, что ему помогают духи лесов... А теперь у него появился еще и наш трофейный грузовик!

Кажется, дошли, размышлял Соколов, глядя на карту. Вот здесь, в районе болота, рация корпуса выходила на связь. Место для боя подходящее: с одной стороны болото не даст обойти с фланга, с другой – балка, которая простреливается перекрестным огнем. И поле, по которому атаковать можно только в лоб. При хорошо организованной обороне и с малыми силами можно держаться долго. Еще немного, и можно будет попробовать вызвать штаб корпуса по танковой радиостанции. Вопрос, есть ли у Казакова питание, могут ли они работать хотя бы на прием. Придется рисковать. А если не ответят, что дальше? Хороший вопрос задал недавно Бабенко. Что будет дальше?

– Как там Николай, Василий Иванович? – спросил Соколов по ТПУ. – Переживает?

– Есть маленько, но он в порядке, – ответил Логунов. – Я сам, грешным делом, думал, что все, каюк нам. Но он держался молодцом. Думаю, до последнего дрался бы, не подвел бы.

– Да я не об этом. – Соколов улыбнулся. – Просто вспоминаю свой первый настоящий бой и момент, когда думал, что все, погибать мне придется.

– Все мы через это прошли, – отозвался сержант. – Посмотреть, как он там идет?

– Посмотрите, – разрешил лейтенант.

Логунов поднял крышку люка, высунул голову, огляделся и только потом поднялся по пояс и стал смотреть назад, где за танком следом шел трофейный грузовик, за рулем которого сидел Бочкин. Василий Иванович не столько беспокоился, что Николай отстанет, сколько понимал: парню нужно внимание. Только недавно смерть дыхла ему в лицо, такое спокойно переносят не все. И сейчас чувствовать себя одиноким Бочкину было наверняка неуютно. Логунов посидел в люке, глядя на машину, потом

поднял руку, помахал. Бочкин тут же высунул руку и ответил ему жизнерадостными взмахами. В порядке парень. Молодость! Всей опасности еще не понимаешь, все еще кажется, что невозможно погибнуть, обязательно что-то случится, что спасет, отведет в последний момент беду. А сколько их таких молодых с первого военного призыва сейчас лежит на полях от самой западной границы до Смоленска! И многие надеялись, верили. Да и в финскую тоже, когда их бросали на неприступные доты линии Маннергейма. На пушки и на кинжальный огонь пулеметов.

– Стоп, Бабенко! – Соколов с удовольствием осмотрелся и отключил кабель ТПУ от шлемофона.

Как же приятно было спрыгнуть на мягкую траву, ощутить прохладу леса. Слышать не рычание двигателя и железный лязг гусениц, а щебет птиц, шелест листьев на ветру. Да и просто чувствовать разгоряченным лицом этот ветерок в глубине леса, а не жаркую пыль проселочных дорог.

– Омаев! – Алексей бросил на траву шлемофон и расстегнул воротник гимнастерки. – Возьмите ведро. Тут неподалеку в овражке родник должен быть, он на карте обозначен. Только осторожнее там, и автомат захватите с собой.

– Ну, ничего, бежит как новенькая наша «семерка», – вылезая из переднего люка, сказал Бабенко. – Не зря, выходит, рисковали. Есть охота.

– Ох, и осточертели эти консервы! – в тон механику-водителю добавил подошедший Бочкин. – Товарищ младший лейтенант, может, нам Руслана в лес послать, он же охотник, в горах умел добывать дичь, может, и здесь какую косулю подстрелит или кабанчика?

– Сдурел? – коротко осведомился с высоты танка Логунов и бросил на траву брезент. – Немцы в двух шагах, а ты про охоту. Расстели брезент и иди принимать консервы.

Омаев вернулся быстро. Лицо у него было мокрое и довольное. Соколов велел ему побыть в боевом охранении, пока он не пришлет смену. Ведро чистой, ледяной до ломоты в зубах воды заставило танкистов застонать в голос. Они стаскивали грязные комбинезоны, пропотевшие гимнастерки и нателные рубахи. Сапоги стояли в сторонке, портянки сохли на солнышке. Ступая босыми, уставшими от сапог ногами по траве, танкисты начали умываться, поливая друг друга из кружки. Они кряхтели от удовольствия и охали от ледяной воды, но каждый старательно умылся, вымыл шею, грудь, под мышками. Невероятное ощущение чистоты заставило расслабиться каждого, хотя это была просто ледяная вода да кусочек солдатского мыла.

Рассевшись на брезенте, накупились на еду. Ножом вскрывали банки

с мясными консервами, вытирали ложки о рубахи и зачерпывали застывшую жижу с кусками мяса. Хрустели сухари на зубах, танкисты подмигивали друг другу с набитыми ртами. Как мало радостей на войне у солдата и как остры ощущения вот таких минут. Вздремнуть, вытянув ноги после долгого тяжелого перехода, поесть всласть, когда с самого утра во рту маковой росинки не было, умыться, стереть с тела засохший вперемешку с пылью недельный пот. Вытянуть босые ноги, истосковавшиеся по воздуху, солнцу, ощутить траву под ступнями.

– Пусть ребята отдохнут, – тихо сказал лейтенанту Логунов. – Я пойду, сменю Руслана?

– Да, хорошо, – согласился Алексей и приказал остальным: – Два часа отдыхать. Бочкин – следующий в боевое охранение.

Бабенко скрутил себе «козью ножку», бросил кiset на брезент и лег на спину, подложив шлемофон под голову. Он блаженно затягивался с таким видом, как будто ничего слаще в его жизни не было и нет, кроме вот этой самокрутки. Соколов улыбнулся и, открыв свой офицерский планшет, развернул карту. Он принялся изучать местность, решая, где здесь можно искать остатки штаба корпуса Казакова. То, что несколько дней назад корпус выходил на связь и с генералом на тот момент было около батальона бойцов, Соколов помнил. За прошедшее время батальон могли сто раз окружить и разбить. И совершенно очевидно, что и сам генерал, и остатки его войска могли уйти отсюда после того боя, скорее всего ушли, потому что немцы обязательно не оставили бы попыток истребить окруженную часть. Но куда пойдет генерал? Он получил приказ оставаться на месте, но возможности у него такой могло и не быть. И пойдет он, естественно, к фронту. А вот дорог у него из этих лесов не так много. Надо проанализировать и найти место последней стоянки штаба корпуса или место боя.

Вернувшийся Омаев доложил, что вокруг спокойно. Бочкин вызвался полить пулеметчику из кружки. Парни отошли в сторону, плескались и чему-то все время смеялись. Соколов подумал, что отношения у ребят все же стали дружескими. Первые стычки, какое-то странное противостояние прошло. Омаев злился из-за шуток Николая по поводу санинструктора Людмилы, которую он тайно и так горячо любил. Тот, в свою очередь, чувствовал, что чеченец к нему относится как будто свысока. А может, немного и завидовал Руслану. И что его такая красивая девушка любит, и что он хороший стрелок и даже сумел сбить из ручного пулемета самолет. А потом молодость взяла свое. Ребята подружились и даже о чем-то тихо секретничали по вечерам. Может, делились неудачами у девушек, может,

Коля Бочкин рассказывал, что и у него в Сибири есть девушка, которая его любит. А может, они говорили просто о доме, о матерях.

Через два часа Бочкин начал поспешно одеваться, поглядывая на командира. Ему предстояло идти менять в боевом охранении Логунова. Но сержант неожиданно появился сам. Соколов удивленно уставился на него. Неужели немцы близко?

– Разрешите доложить, товарищ младший лейтенант? – поспешно заговорил Логунов.

Алексей поднялся с брезента и отошел с ним в сторону.

– Здесь неподалеку железная дорога проходит. Она у вас на карте должна быть. Второстепенная ветка, которая отходит к поселку. Там завод какой-нибудь был или склады. Сейчас на этой ветке группа наших военнопленных работает. И десятка два фашистов их охраняют. Их недавно привезли на мотодрезине с прицепленной платформой. Для чего чинят, непонятно. Но наших там человек 30–40.

– Где? Покажите на карте, Василий Иванович, – попросил Соколов.

Логунов склонил голову над развернутой картой и провел пальцем. Там, где он показал, проходила железнодорожная дорога Могилев – Осиповичи – Слуцк. А ветка отходила на городок Липовку. Немцам зачем-то эта железнодорожная ветка была нужна, раз они ее стали восстанавливать. Отправив Бочкина в охранение, Соколов снова уселся над картой. Сержант присел рядом, сдвинув на затылок пилотку.

– Смотрите, Василий Иванович, что я думаю, – заговорил Соколов и стал показывать на карте кончиком карандаша. – Вот из этого района выходила в эфир рация штаба корпуса. По докладу генерала Казакова в штаб армии, их блокировали немцы крупными силами, и они готовятся принять бой. Нам надо разведать местность, нам нужно узнать, что это за населенный пункт Липовка. Нам нужно попутно думать и о пополнении боезапаса. Горючее пока есть, а вот снарядов и патронов мало. Очень мало. На один полноценный бой не хватит.

– Да, товарищ лейтенант, искать генерала Казакова нам будет сложно, если его нет в той точке, что вы показали. А его там нет наверняка. И мы не можем ездить по лесам и кричать «ау». Нам нужны разведсведения о событиях тех дней. «Язык» нам нужен!

– Кто? – не понял Соколов.

– Ну, это выражение такое у нас еще на финской было. Взять «языка» – значит взять в плен осведомленного офицера или солдата вражеской армии для получения сведений о противнике. Нам капитан наш рассказывал, что это слово «язык» в таком понимании в армиях мира существует уже больше

тысячи лет. Понимали наши предки в разведке.

– А еще мы должны наших пленных освободить, Логунов! – покосившись на своих танкистов, тихо сказал Алексей. – Это наш долг, долг советских солдат – помочь своим товарищам. Как Суворов говорил? Сам погибай, а товарища выручай!

– Да я согласен с вами, товарищ лейтенант, – горячо заговорил сержант. – Я просто думал, что вы против будете. Ну... учитывая секретность нашей операции и все такое. А вы молодец. Одобряю!

Изучив на крупномасштабной топографической карте местность, Соколов сложил ее и, прихватив бинокль, отправился с Логуновым на опушку леса, откуда была видна железная дорога. Лента дороги протянулась по узкой полоске безлесного пространства. Справа она терялась за стеной высоких сосен, поднимавшихся на небольшой холм, слева уходила на открытый участок. Где-то там была Липовка. До нее от основной железной дороги по этой ветке, если верить карте, почти 120 километров. Значит, в поселке есть что-то такое, ради чего туда тянули в свое время железнодорожную ветку. Поселок маленький, населения там пара тысяч человек. Вряд ли туда провели железную дорогу просто для того, чтобы сделать пассажирскую железнодорожную станцию.

Пленные ломами поддевали искореженный рельс. Неподалеку лежали несколько расщепленных шпал. Кажется, это не результат бомбежки. Наверное, из-за времени полотно пришло в негодность и вагон просто сошел с рельсов, тяжелый вагон. Он съехал с насыпи и разворотил полотно. Вон он, лежит на боку. Из него высыпались толстые сосновые бревна.

– Не подобраться к ним по-тихому, – с сожалением сказал Логунов, покусывая травинку. – С другой стороны лес ближе к «железке» подходит, но все равно этого мало. Метров двести оттуда, как считаете?

– Да, пожалуй, – пробормотал Соколов и отложил бинокль. – Тут что-то придумать надо.

– А если на нашем трофейном грузовичке подъехать? – предложил сержант. – Вы немцам ручкой помашете из кабины, по-ихнему чего-нибудь крикнете, мол, привет, ребята, как дела.

– Да? И впятером перестрелять двадцать фашистов? – с сомнением спросил Алексей. – Мы один залп дадим, по одному немцу убьем, а остальные из нас решето сделают. И нельзя нам танк бросать, кого-то надо оставить. Бабенко точно должен с ним остаться.

И тут Соколов повернулся к своему сержанту, блестя глазами.

– Слушайте! Так и не надо танк оставлять! Все же просто, Василий Иванович. И танк, и машина пойдут к железной дороге. Машина первая –

они увидят, что она немецкая, с немецкими номерами. Жалко, что мы не удосужились, не догадались обзавестись немецкой формой или хотя бы их головными уборами, а то бы все вообще просто было.

– Ну? – спросил Логунов, не понимая еще задумки командира, но видя по его глазам, что тот своей идеей «загорелся».

– Сажаем Николая за руль, я рядом в кабине. Оба без пилотов, черные комбинезоны сойдут издали за немецкие, а когда ближе подъедем, их убедит мой немецкий язык. За машиной спокойненько пусть едет наша «тридцатьчетверка». Пусть думают, что трофейная, можно даже башню назад пушкой повернуть. Она нам будет не нужна. Нам пулемет будет нужен. А уж Омаев свое дело сделает, у него глаз как у орла. Я подзову солдат к машине, подманю выпивкой, закуской. Не думаю, что они такие уж сытые и им не захочется свежих продуктов и шнапса. Ну хоть сколько-то их подойдет к машине, хотя бы от наших солдат отделятся, чтобы нам пленным не пострелять случайно. И тогда Омаев их аккуратно из пулемета и положит. Ну, а мы тут схватимся втроем за оружие и будем стрелять в остальных. Это шанс, Логунов!

– Когда пленные поймут, что происходит, я думаю, они помогут, – кивнул сержант. – Все-таки советский танк увидят, думаю, повернутся к нам лицом, будут смотреть и прислушиваться.

Вернувшись в лагерь и собрав экипаж, лейтенант стал ставить задачу. Танкисты оживились. Идея помочь своим, выволить из плена красноармейцев понравилась всем. Все считали, что нельзя пройти мимо, если есть такой шанс. Соколов объяснил Бочкину, что тот должен не задумываясь сразу выполнять все, что скажет командир, когда они будут подъезжать к немцам. Те будут насторожены, и их поведение может оказаться совсем другим, не таким, как предполагал Соколов.

Для Омаева и Бабенко он стал даже рисовать схему на обратной стороне карты.

– Тебе нельзя стрелять, Руслан, если за спинами немцев будут наши. Кричать «ложись!» тоже бесполезно, могут не поверить, не расслышать, недостаточно быстро выполнить. А немцев там два десятка человек. Нас просто всех перестреляют. Поэтому вы, Семен Михайлович, поставьте танк так, чтобы поворота ствола пулемета хватало на сектор левее группы работающих на полотне пленным. Это примерно вот под таким углом на схеме. Руслан вам подскажет, хватает или не хватает ему этого. В этот сектор я и попытаюсь заманить немецких конвоиров. Но запомни, джигит, стрелять только по взмаху моей руки.

Через час Соколов стоял на крыше немецкого грузовика и смотрел в

бинокль. В поле зрения не было видно никакого движения. Вправо железная дорога просматривалась километра на два, влево и того больше. Спрыгнув с машины, он сел в кабину и велел Бочкину трогаться. Машина спустилась к железнодорожному полотну и пошла вдоль него по целине, то и дело попадая колесами в ямы и промоины. Танк послушно ехал сзади, развернув башню и опустив ствол пушки к самому мотору. Даже без бинокля было видно, что головы в сторону машины и танка повернули не только охранники. Несколько пленных остановились, бросив работу. Немцы кричали, махали на них руками и автоматами.

– Ну, суки, мы вам сейчас помашем, – зло пробормотал Бочкин.

– Спокойно, Коля. – Соколов взял водителя за локоть. – Нам надо все сделать хладнокровно, расчетливо, без эмоций. У тебя простая задача: подъехать, остановиться в тот момент, когда я скажу. С улыбкой на лице, безо всякой злости, понял? Ты для них немец, такой же, как и они. Потом, Коля, когда стрельба начнется, ты прыгаешь из машины на землю и действуешь по обстоятельствам. А пока ты немец, тебе скучно ехать, ты видишь своих земляков, которым тоже скучно тут торчать с пленными русскими.

Алексей говорил, успокаивая Бочкина, настраивая парня. Он говорил и настраивался сам. Он должен сыграть свою роль без ошибок, хоть минуту, хоть полминуты продержаться в образе, а потом он со своим экипажем их перестреляет. Основные фразы на немецком послушно стали всплывать в голове. Высунув голову из окна машины, Алексей положил подбородок на руку и смотрел на людей, работавших на насыпи, с видом безмятежным и равнодушным, с видом человека, которому нечего бояться, для которого все идет хорошо и правильно.

Когда до немецких конвоиров осталось метров пятьдесят, Соколов поднял руку и приветственно помахал. Немцы стояли и смотрели на машину и танк, кто-то передвинул автомат на живот и даже положил на него руки. Пленные перестали работать и смотрели на советский танк удивленно и с затаенной надеждой. Конвоирам снова пришлось подгонять их тычками и пинками, снова заставлять работать.

– Приготовились, Коля, – с улыбкой на лице сказал Соколов. – Видишь вон тот куст и тачку рядом с ним? Притормози перед этим кустом, сверни влево и остановись. И сиди со скучающим видом. Поставь локоть на дверь, положи голову на кулак и зевай.

Бочкин чуть повернул руль и взял левее. Танк продолжал ехать параллельно железнодорожному полотну. Соколов снова высунул голову в окно и помахал рукой. Автомат буквально жег колени и просился в руки, но

лейтенант сдерживал себя. Рано хвататься за оружие, рано. Машина остановилась так, как задумал Алексей. Он мысленно поблагодарил Бочкина, неторопливо открыл дверь и поднялся во весь рост.

– Что, скучаете? – крикнул он по-немецки. – Хотите, я вас развлеку? Можно заработать по паре пачек сигарет на каждого, десяток бутылок русской водки и копченый окорок. Мой командир просит у вас пять пленных на полдня. Надо канаву выкопать для прокладки кабеля. А, как вам предложение? К вечеру вернем всех пятерых!

Хмурый обер-ефрейтор, посмотрел на русский танк, потом снова на говорливого парня, предлагавшего такое богатство.

– А это у тебя откуда? – Он кивнул на «тридцатьчетверку».

– Трофей! Мы его как тягач используем. Стрелять из него нельзя, башню заклинило. Краном снимем – и будет русский трактор!

Немцы стали подходить ближе, с опаской поглядывая на мирно стоящий танк. Соколов рассчитал точно. То, что Бочкин заглушил двигатель грузовика, сыграло положительную роль. Это выглядело вполне натурально. Он свой, он ничего не боится, а то, что парень несет полную чушь, интересно, но неопасно. Может, он с детства такой шутник, а может, говорит правду. Много странного и интересного увидели немецкие солдаты в этой стране.

Человек восемь немцев отделились и вместе с ефрейтором не спеша двинулись к незнакомцам. Соколов улыбался. Хорошо, что языковая практика у него накопилась еще с юности. Они с Максом часто шутили, разговаривая по-немецки. И это сейчас пригодилось. Он смотрел на приближавшихся немцев и ждал. Если они идут проверить документы, то и это хорошо. Главное, чтобы подошли поближе. К самой машине. Вон и возле пленных конвоиры стоят уже с самого края. Только несколько человек вокруг пленных.

– Ну-ка, покажи окорок и водку! – велел ефрейтор. – Что-то ты мне не нравишься, парень.

– А ты мне нравишься, – широко улыбнулся Соколов и стал поднимать руку, как будто собирался почесать голову.

Лейтенант выждал несколько секунд, а потом резко взмахнул рукой, давая знак Омаеву. Пулемет из танка выплюнул длинную очередь – ефрейтор с двумя солдатами сразу упали, сраженные пулями. Остальные опешили, шарахнулись в сторону, хватаясь за автоматы, а пулемет все бил и бил. Омаев скосил почти всех, кто подошел к машине, когда Соколов с «ППШ» в руках выпрыгнул из кабины и, перекатившись по траве, занял позицию за тем самым кустом, на который он указывал Бочкину. Николай

прыгнул в другую сторону почти одновременно с лейтенантом, прикрываясь машиной. И тут над их головами послышались пулеметные очереди. Логунов, положив «ДТ» на борт грузовика, стрелял по другим охранникам. В ответ ударили нестройные автоматные очереди, кто-то кричал по-немецки и по-русски.

Соколов вжался в землю, боясь поднять голову, но потом все же заставил себя осмотреться по сторонам. Он ведь командир и даже в таком чисто «пехотном» бою должен руководить боем.

Но руководить было больше нечем. Когда Алексей поднял голову, то увидел, как пленные добивали немцев лопатами и кирками. Несколько солдат лежали между машиной и железной дорогой, там, где их настигли пулеметные очереди. Все было кончено меньше чем за минуту. Соколов поднялся, закинул на плечо автомат и расстегнул воротник комбинезона, чтобы освобожденные пленные видели его командирские кубики. Пусть знают, что их освободила Красная Армия. Жаль, не догадался он из танка пилотку взять, ну теперь уже поздно.

– Кто старший по званию? – спросил Алексей строгим голосом. – Офицеры есть?

– А вы кто же такие? Ребятунки, родные... Наши же, советские!

Толпа зашумела и кинулась навстречу лейтенанту, но потом постепенно бывшие пленные пришли в чувство и остановились с виноватым видом.

– Нет офицеров, – подал голос парень, сидевший на земле, которому красноармеец перетягивал рану на бедре оторванной полой своей натальной рубахи. – Только красноармейцы и сержанты. А вы кто, товарищ лейтенант? Из окружения выходите?

– Нет. – Соколов подошел к пленным и с сожалением увидел, что среди них человек пять ранены, пусть и несильно. Все-таки схватка с конвоирами не обошлась без потерь. – Я командир группы, выполняю особое задание командования. Бочкин, принесите аптечку из танка!

– А мы уж думали, что свои, что погнали фашистов с нашей земли... Думали, Красная Армия...

– Ничего, товарищи, – громко сказал Соколов, чтобы слышали все. – Не так долго ждать. Видите, какие у нас танки! Красная Армия все так же сильна. Подлый удар врага отбросил ее на восток, но мы соберемся с силами в один кулак и ударим по врагу так, что только пух да перья полетят! А сейчас соберите оружие и все в лес. Немцы могут нагрянуть неожиданно. Мы освободили вас из плена, теперь вы сможете опять драться с врагом. Среди вас есть командиры, пусть они поведут вас. Мы

сейчас окажем помощь раненым, но их лучше оставить в деревнях для выздоровления. Немцы не везде, спрятать раненых можно в глухих деревушках в лесах.

Логунов стоял в кузове в полный рост, с пулеметом наготове. Он успевал отвечать бывшим пленным на вопросы, а сам зорко поглядывал вокруг. Бабенко и Омаеву покидать танк Соколов запретил строго-настрого еще до начала операции. Только Коля Бочкин бегал среди красноармейцев с аптечкой и флягой воды.

– Не довелось мне на таких повоевать, – сказал раненный в ногу сержант, на петлицах которого Соколов увидел танкистские эмблемы. – Хороша машина! И мощная, и броня хорошая, и пушка не 45, а 76 миллиметров. Говорят, «тридцатьчетверку» немецкие снаряды не берут. Это правда, товарищ лейтенант?

– Ну, не то чтобы совсем не берут, но подбить такой танк трудно. А вы кто, товарищ сержант? Танкист? Представьтесь.

– Сержант Воеводин. Третья танковая рота 86-го танкового полка механизированного корпуса. Попал в плен оглушенным, когда мой танк подбили. Экипаж погиб, я воевал в пехотном подразделении. Танков у нас не осталось совсем. Мы из окружения выходили почти две недели, мне вот не повезло.

– Подождите, подождите, Воеводин! – Алексей присел рядом с раненым. – Мехкорпус? Мехкорпус генерала Казакова?

– Так точно. А что?

– Да как вам сказать, – нахмурился Соколов, понимая, что рассказывать о своем задании нельзя. – Просто слышал, что мехкорпус ваш попал в трудное положение и почти весь погиб, пробиваясь из окружения. Неизвестна судьба и самого генерала Казакова.

– Да неделю назад был жив, – пожал танкист плечами.

– Расскажите. – Соколов посмотрел в глаза танкисту. – Расскажите, как пробивался ваш корпус, о последних его днях.

– Да что там рассказывать. Я ведь много и не знаю, что я – командир башни, командир танкового отделения. Отходили с боями, контратаковали. Что там в головах у начальства, мы не знали. Знали, что отступаем, сердце жгло стыдом. Людям в глаза смотреть было страшно. Потери были большие, это точно. Потом, это уже после Слуцка было, приказали выделить и оставить два полка на танкоопасном направлении, а что там от полков-то осталось. Не особенно, видать, в штабе армии понимали, что корпус – уже не корпус. А потом немцы прорвались, нас отсекли. Я слышал, что они с другими частями вышли к нашим. Такой приказ у них

был из штаба. А штабу корпуса пришлось отходить самостоятельно. Два раза нас зажимали крепко. Нас сначала полк был, вместе с танковым батальоном, батальоном связи, зенитной батареей. Потом по численности чуть меньше батальона. А когда на прорыв пошли под Бобруйском, то снова нас на части немцы порвали. С Казаковым выходило нас человек сто пятьдесят, наверное. Когда меня оглушило, наверное, уже и того меньше.

– Как остатки штаба корпуса шли? Севернее Бобруйска?

– Так точно.

– С вами какие-то гражданские еще выходили из окружения?

– Да, какие-то из партийных работников. Им оставаться никак нельзя было. Немцы коммунистов сразу в расход пускали. Не разбираясь.

Соколов достал карту и еще с полчаса разбирался с танкистом, как шел штаб генерала Казакова, каким мог быть его дальнейший маршрут. Бывшие пленные с ранеными на самодельных носилках стали уходить к лесу. Кто-то разувал убитых немцев, примеривая их сапоги взамен своих разбитых, рваных солдатских ботинок. Собирали оружие, рожки от автоматов, обшаривали карманы немцев в поисках сигарет.

– Надо поторопить их, – сказал Логунов из кузова. – Далеко не успеют уйти, немцы нагонят. Им до той деревушки, про которую вы сказали, день, если не больше, по болотам топать.

– Товарищ младший лейтенант, – вдруг, обернувшись, позвал раненый сержант, опиравшийся на плечи своих товарищей, которые помогали ему идти к лесу. – Я еще вот что вспомнил. Был у Казакова разговор с офицерами. Я тогда рядом на посту стоял, слышал. Они про Липовку эту говорили. Там склады какие-то довоенные были. Склады вооружения округа. Они прикидывали возможность напасть и пополнить запасы патронов. Казаков говорил, что если немцы все не сожгли, то вывозить они бы не стали. Они народ хозяйственный, все учитывают, и трофеи тоже. Только нас ведь тоже, пленных, в Липовке держали. Мало там чего осталось, много взорвали, когда отступали, но все же немцы там, в Липовке, что-то охраняли. Там и гарнизон маленький. Может, рота, может, меньше даже. И ремонтная база немецкая – двигатели танковые ремонтируют, автотехнику. Я думаю, Казаков не пошел на Липовку, потому что погибли все. А то с таким гарнизоном справились бы запросто. Не было там боя, это точно.

– Спасибо вам, Воеводин, – кивнул Соколов, глядя в сторону Липовки. Потом поднял взгляд на Логунова.

– Вы тоже об этом подумали, да? – спросил сержант.

– Черт! – Соколов сокрушенно покачал головой.

«Все-таки плохой из меня командир, – думал он, прикусив губу, – вот Логунов догадался и ждал моего решения, а я не додумался. А мне в руки удача послала целый взвод десанта боеспособного, потому что все обученные и все драться хотят. Всем стыдно за свой плен. Вон они как с конвоирами дрались, чуть не зубами их драли, как хотелось из плена вырваться. А я чуть было не упустил удачу».

– Отставить! – крикнул он и побежал за солдатами, уходившими к лесу. – Воеводин, остановите всех! Сержанты, ко мне! Бочкин, заводите машину. К лесу, забрать в кузов всех раненых!

Через час Соколов остановил колонну, разрешив короткий отдых. Возле танка он собрал двух сержантов из бывших пленных и своего Логунова. Молодцеватый высокий плечистый сержант Белов из стрелковой части выглядел бодро. Парень просто расцвел. За плечами два года службы и почти месяц боев во время отступления.

Второй сержант, Мигунов, выглядел старше. Призвали его после технического училища в саперные войска. Полгода он восстанавливал укрепленный район, там же и принял первый бой. Тогда даже саперам пришлось забираться в окопы. Был он угрюм, молчалив, но дело свое знал, да и мужик был хозяйственный, с руками. Быстро показал, как делать носилки для раненых. Он же настоял, чтобы в кузов трофейной машины бросили с пяток лопат «на всякий случай». Может, окопчик отрыть понадобится или еще какую позицию обустроить.

– Так, слушайте меня, товарищи. Поступаете в мое распоряжение как старшего по званию. Надеюсь, возражений нет? Сержант Белов, вы назначаетесь командиром взвода танкового десанта. Вы, Мигунов, его заместитель. Сержант Логунов мой заместитель. В случае моей гибели вы обязаны выполнять его приказы до момента возвращения нашей группы за линию фронта.

– Значит, к своим пробиваться будем? – спросил Белов.

– Не сразу. Задача номер один для нас сейчас – это пополнить боезапас танка, вооружить ваше подразделение. Если получится, то и одеть вас в целое обмундирование. Запастись провизией. Это сейчас задача номер один. Для ее выполнения мы должны оставить раненых бойцов в надежном месте, где они могли бы поправиться, а затем вступить в борьбу с врагом. Для этого мы двинемся к деревне Мосино в лесу, в которую немцы вряд ли пойдут. Затем мы проведем разведку Липовки и, если условия будут соответствующими, атакуем населенный пункт, уничтожим гарнизон, немецкие мастерские и склады. Возьмем «языка» из числа немецких офицеров с целью допроса. На сегодня это все. О дальнейших планах я вам

скажу позднее, когда будут выполнены эти две задачи. Вопросы? Мигунов, расспросите своих солдат, есть ли среди них хорошие водители. Я не могу своего заряжающего все время использовать как шофера. Вы, Белов, проведите ревизию оружия подразделения. Хорошим стрелкам раздайте винтовки, отберите шестерых наиболее опытных и подготовленных бойцов, вооружите автоматами. Они дальше поедут на броне, потому что в машине всем места не хватит. Двигаться будем быстро и без отдыха. Нам нужно подальше уйти от места боя.

Деревня должна была быть уже совсем близко. Соколов сидел в люке башни, сверяясь с картой. Немецкий трехтонный «Опель Блиц» шел уверенно, переваливаясь на рытвинах размытой грунтовой дороги. Бойцы сидели вдоль бортов, придерживая раненых. Двое имели серьезные ранения, и Алексей беспокоился, удастся ли им довезти их до деревни. Танк шел следом за машиной. Автоматчики на броне внимательно посматривали по сторонам.

Когда до деревни, судя по карте, осталось не больше трехсот метров, Соколов остановился и отправил вперед десяток бойцов из тех, кто покрепче. Дальше танк пошел первым, а грузовик замыкал колонну.

Деревня появилась перед глазами сразу, стоило только сделать последний поворот и выехать на полянку. Странная это была деревня. Дома стояли среди деревьев. Возле каждого расчищенный от леса и кустарника участок, огороженный тыном. Там зеленели овощи, кочаны капусты торчали рядами. Дорога вилась между домами, а дальше большое открытое пространство от леса до большого оврага было чем-то засеяно. Но самое странное, что царила здесь непонятная тишина.

Солдаты, посланные Соколовым, бродили между домами и пожимали плечами. Даже собак здесь не было, не кричали петухи, не носилась детвора, не сидела на заборах, лузгая семечки. Все как будто вымерло, хотя стояли дома, зеленели огороды и колосилось небольшое поле за околицей. Алексей остановил колонну в центре деревни. Он отправил пятерых бойцов в одну сторону, чтобы прошлись по окраине леса, вторую пятерку – по другую сторону села. Оставшимся бойцам велел укрыться, занять позиции в самой деревне, приготовившись к возможной атаке противника. Сам он спустился на землю, бросив шлемофон наверх Логунову, и в сопровождении сержанта Белова пошел по улице.

Они зашли в крайний дом. Алексей осмотрелся. Было чисто, половички тканые, полы и стол недавно выскоблены. И печка побеленная. Лейтенант не удержался и потрогал белый бок печи, вспомнил детство. К его изумлению, печь была теплая. На ней недавно что-то готовили. Алексей

присел, открыл топку и просунул руку. Там было горячо, и пепел свежий, не слежавшийся, а пушистый, светло-серый.

– Они где-то здесь, – сказал Алексей, поднимаясь на ноги. – Узнали о нашем приближении и ушли.

– Черт, я так и думал, что мне не померещилось, – хлопнул себя по колену сержант. – Понимаете, глянул и вроде между деревьями мальчонка притаился. Как будто щекой к березе прижался и стоит. И глаза еще такие, как угольки, и вихры светлые. Я головой тряхнул, не задремал ли, думаю. Открываю глаза – его нет. Ну, точно, думаю, показалось.

– Показалось! – строго повторил Соколов. – Почему не доложили? Вы обязаны были сразу доложить об этом.

– Так мальчонка же, – виновато понурился Белов. – Не немец.

– Да, мальчонка. Только вот деревня пустая, а куда ушли жители, мы не знаем. Может, они с перепугу через неделю вернутся. Мы тут неделю стоять не можем. А поговори мы с этим пареньком, может быть, уже и...

– Здравствуйте, люди добрые, – раздалось вдруг за спиной Соколова. Лейтенант резко обернулся.

У дальней стены, где за занавеской была еще одна каморка с лежанкой, стоял старик. Невзрачный, маленький, седой, с куцей бороденкой. Простая рубаха подпоясана веревкой. Сверху старый не по размеру, заношенный пиджак с заплатками на локтях. Белов проворчал что-то вполголоса и стал шарить глазами по окнам. Нет, на улице было все спокойно. Но откуда в доме взялся этот старик, если единственная дверь – вот она, напротив печки?

– Здравствуйте, дедушка, – отозвался Алексей. – Это ваш дом?

– Мой, – согласился старик и остался стоять у занавески, не делая попыток подойти.

– Простите, что без спросу вошли к вам. Деревня пустая, а нам нужна помощь. Искали жителей, но никого не нашли.

– Так для того и прячемся, чтобы не нашли. Кто ж вы будете? На германцев вроде не похожи. По виду свои, да только на разбойников с большой дороги больше походите. Оборванцы какие-то неухоженные. Хоть и при танке, и при оружии.

– Ну, не все уж такие оборванные, дед, – строго сказал Соколов. – Часть бойцов нами встречена в лесу, они пробиваются к своим из окружения. Поизносились. Но оружия никто не бросил, и с врагом драться мы будем и с рваными коленями.

– Ну, тогда понятно, – кивнул старик и отошел наконец от занавески.

И только теперь Алексей увидел в щелке облупленный нос, светлые

вихры и блестящие, как бусинки, глаза мальчишки. Народ снова потянулся в деревню, только что это был за народ! В основном старики да старухи. Детей было мало. Солдат напоили, на столах появилась горячая рассыпчатая картошка, сдобренная растительным маслом, квашеная капуста и соленые огурчики.

Соколов с несколькими стариками сидел в той же хате, где он познакомился с Митричем, признанным местным головой. В деревне немцев не видели, но сам Митрич видел: он почти две недели околачивался у родни в райцентре, когда пришли оккупанты. Потом добрался до деревни. Но и сюда уже слухи дошли. И та молодежь, что была, подалась в город. Деревня была маленькая, жила подсобным хозяйством да медом, что собирали по старинке в дуплах диких пчел. Жили скромно, но дружно. Одна-единственная дорога с поздней осени и до поздней весны становилась непроезжей, и деревня оказывалась отрезанной от внешнего мира. Пекли хлеб, питались запасами с осени. Вязали, ткали из льна. Тихая, размеренная жизнь, в которой еще пользовались свечами и лучинами, что намного дешевле. Из-за этого и молодежь разъезжалась по городам.

– Раненых твоих, командир, мы примем, – пообещал Митрич. – Это дело христианское, нельзя отказывать немощному в помощи. Да и свои же они, ратники православные, за святую землю пострадавшие, врагу дорогу заступившие. Нельзя иначе.

– Боюсь, немцы к вам нагрянуть могут.

– Ты за своих солдатиков не переживай. Мы их до осени, кто сильно пораненный, в лесу спрячем. Есть у нас там места, где схорониться можно. Там и зимой можно, да только зимой к нам и на танках не проедешь. Можно не опасаться. Вы`ходим твоих солдатиков. Ну, а кого не суждено, похороним по-христиански. Все честь по чести.

– А поблизости вы не видели немцев или наших солдат, кто вот так же выбирается к своим лесами? – спросил Соколов.

– Дорог у нас сюда нет, так что мимо нас хочешь, а не пройдешь. Тихо здесь. Если только специально ехать, а так и незачем.

– А вот и были, деда, – неожиданно подал голос с печки все тот же вихрастый паренек, которого, как узнал теперь Соколов, зовут Лешкой. – Я видел.

– Ну-ка, тезка, слазь с печки! – со смехом предложил лейтенант. – Расскажи, кого и когда видел.

– Немцев видел. – Спустив грязные ноги на лавку, мальчишка сполз с печки и, поддержнув штаны, встал перед командиром. – Они ехали на

машине, у которой впереди колеса, а сзади гусеницы, как у трактора или как вот у вашего танка.

– Какой грамотный, – удивился Алексей. – Откуда же ты про танки и трактора знаешь?

– Так я чай в школе учусь. Сюда к деду с бабушкой на лето присылают меня родители.

– Ну, дальше рассказывай! Где видел?

– Тут недалеко. Километров двадцать от деревни есть большак. По нему раньше деревья таскали с делянки. Сосны там хорошие, строевые. Рубили их, артель работала, а по просеке к дороге стволы таскали на тракторе.

Соколов достал карту и стал искать обозначенные дороги, но в этих местах их не было. Только одна, по которой они сегодня добрались в деревню. Да и та пунктиром показана как не всегда проходимая. Если немцы ехали по случайной лесной дороге, не обозначенной на карте, значит, их туда нужда загнала, а не трезвый расчет. Это было странно. Тем более такими малыми силами. Разведка?

– Ну, и куда они ехали?

– Туда, – Лешка махнул рукой, – в сторону Липовки. Если по просеке до большака, а по нему до шоссе, то как раз к Липовке и выедут. Я еще подумал, что их в нашу глухомань занесло? Ведь наших войск тут нет, воевать не с кем. А потом увидел: в грузовике сидит командир Красной Армии со связанными руками.

– Откуда ты знаешь, что командир?

– А я разбираюсь в петлицах, – гордо хмыкнул Лешка. – У вас вот один «кубарь», значит, вы младший лейтенант. Если «шпала», то капитан.

– А у того командира?

– А у него там две звезды было. Вот так, – показал пальцами Лешка, тыкая себя в ключицу. – А перед этим сильный бой был, я слышал. С другой стороны, с противоположной. Думаю, немцы там этого командира в плен и взяли. Я туда не ходил, далеко больно.

– Сколько немцев было? Много?

– Ну, вот одна такая машина, которая и с гусеницами, и с колесами впереди. И грузовик, как у вас, такой же. И все. А внутри сколько солдат, я не видел.

Глава 9

Лешка вывел колонну на ту самую просеку, показал направление и с откровенным сожалением слез с танка на землю. «Тридцатьчетверка» обдала паренька клубами сизого дыма, командир махнул рукой, и колонна пошла по просеке.

Первым шел танк, за ним в десяти метрах грузовик с солдатами. Умывшиеся, сытые, они все равно выглядели не очень по-военному. В деревне нитки были большим дефицитом, и зашить рваную одежду было нечем.

Соколов думал, что это сейчас не так важно. Если провести разведку в Липовке, возможно, атака будет успешной на склады и удастся разжиться не только оружием, боеприпасами, но и новой формой или хотя бы нитками, обувью для личного состава. Но больше другие мысли занимали лейтенанта. Кто тот командир со звездами в немецкой машине? Неужели Казаков? Неужели он попал в плен? Хотя это мог быть любой генерал, мало ли частей выходит из окружения и по сей день. И все-таки много совпадений. Слишком много. Алешка не сумел описать внешность пленного генерала. Он запомнил только гимнастерку с петлицами и зелеными большими звездами, расположенными горизонтально. Генеральская полевая форма.

Решение было простым. До шоссе на Липовку было ближе, чем до места предполагаемого боя, который якобы слышал мальчишка. Здесь он видел генерала своими глазами. Значит, первым делом надо проверить эту версию. А терять двое суток на поиски места, где кто-то стрелял, было сейчас непозволительной роскошью. А еще Логунов убедил лейтенанта, что им нужен осведомленный немецкий офицер в качестве «языка». И такой мог быть в Липовке. Там есть маленький гарнизон, там мастерские, там есть связь, и офицер должен быть в курсе событий в этом районе.

– Стой! – буквально рывкнул Соколов в ТПУ, прижимая пальцами ларингофон.

Танк мгновенно замер, качнувшись на амортизаторах. Впереди стоял немецкий сгоревший грузовик. Резина сохранилась только на заднем правом колесе, дуги от тента торчали черными ребрами, как у мертвого обглоданного животного. Чуть дальше виднелась корма немецкого бронетранспортера с распахнутыми задними дверками. Турель, на которой крепился пулемет, была пуста. Капот двигателя вздулся рваным металлом.

Видимо, машина подорвалась на mine.

– Сержант, проверьте! – приказал Соколов Белову, который сидел с автоматчиками на броне танка.

– Мать честная, – тихо проговорил сержант, но потом спохватился и бодро ответил: – Есть проверить. За мной, ребята, к машине!

Бойцы соскочили с брони и остановились в ожидании приказа. Сержант показывал рукой и командовал:

– Вы двое справа по лесочку, осторожнее, под ноги смотрите, там может быть заминировано. Вы, двое, слева обойдите. Дальше вон тех кустов. Там засада может быть. Синицын, вы двое со мной. Пойдем по дороге и посмотрим, что там осталось.

За спиной Соколова бойцы высаживались из грузовика и занимали круговую оборону. Чего ждать в этом лесу, никто не знал. Соколов боролся с желанием спуститься в танк и продолжать следить за своей разведывательной группой через оптику командирской башни, ведь в лесу мог быть снайпер. Но он понимал, что в перископ много не увидишь, а решение принимать придется мгновенно.

Белов подошел к сгоревшей машине. Осмотрел ее. Бойцы больше внимания уделяли лесу и стояли к сержанту по большей частью спиной, держа наготове автоматы. Машина сгорела, судя по всему, потому, что был перебит бензопровод. Остатки бортов основательно пробиты пулями. Грузовик, прежде чем сжечь, порядочно изрешетили.

Трупов рядом не было. Не было их и в бронетранспортере. Распахнутые створки кормы, поврежденные взрывом мотор и переднее колесо. Снова следы от взрыва гранаты. И деревья вдоль просеки посечены пулями и осколками. Оружия тоже никакого.

Белов сделал знак лейтенанту, что все в порядке. Соколов отдал приказ сержанту Мигунову выставить подальше боевое охранение и спустился на землю.

– Хорошая засада была, товарищ младший лейтенант, – показал рукой на расщепленные пулями борта машины Белов. – Молотили их тут в хвост и в гриву.

– Трупов нет? Может, машина пустая была?

– Здесь трупы, – заявил один из солдат.

Соколов с сержантом подошли к краю просеки и увидели рыхлую землю. Часть овражка была засыпана свежей землей, на которой даже не успела вырасти трава. Один из солдат копнул принесенной из машины лопатой. На глубине штыка показался каблук немецкого сапога. Дальше рука со скрюченными пальцами. Тела лежали вповалку, так, как их

побросали сюда и присыпали землей.

– Их тут человек двадцать, судя по глубине овражка, – сказал солдат. – Раскапывать дальше?

– Нет, присыпьте снова землей. Достаточно.

Соколов стоял, осматриваясь по сторонам. Итак, кто-то напал на эту колонну, очень похожую по описанию на ту, что видел мальчик Лешка. И по времени совпадает. Этот бой вполне мог произойти здесь именно два дня назад. Вон сбитые пулями ветки лежат, а на них подсохшие, но еще зеленые листья. Но где пленник со звездами на петлицах, который сидел в кузове грузовика? Неужели в этой яме погребен с мертвыми немецкими солдатами? Нет, такого быть не должно. Если убили немцев, то это сделали наши, и своего генерала они не стали бы закапывать. Похоронили бы отдельно.

– По машинам! – приказал Алексей.

Танк, за ним следом и грузовик снова тронулись в путь, снова просека повела их через лес. Потом хорошая чистая просека кончилась, и впереди сплошным ковром показались пеньки и древесный подрост метровой высоты. Нерасчищенная просека после вырубki. Слева лес был реже, виднелись следы колеи, по которой тут проезжали машины или трактора года два-три назад. Соколов велел Бабенко свернуть на эту заросшую дорогу. Он оглянулся на грузовик, но тот шел хорошо, мягко переваливаясь на рессорах.

– Впереди! – крикнул Белов, поднявшись на ноги возле Соколова и показывая рукой на тропу.

Там стоял человек с бородой. На нем был длинный брезентовый плащ с откинутым капюшоном, у ноги винтовка. Он стоял, прислонившись к стволу дерева, и курил, глядя с прищуром на приближающуюся технику.

Бабенко беспокойно посмотрел на командира. Соколов приказал сбавить скорость и ехать прямо. Когда до дерева и незнакомца осталось буквально метра три, лейтенант приказал остановиться. Автоматчики на броне напряженно посматривали по сторонам, держа оружие наготове.

– Эй, ты кто такой? – пытаюсь перекричать звук танкового двигателя, крикнул Соколов.

– А вы кто?

– Я командир Красной Армии!

– В лесу всякие люди встречаются, – усмехнулся бородач.

Соколов вдруг увидел, что впереди, метрах в пятидесяти поперек этой еле заметной лесной дороги, лежит свежесваленное дерево. Довольно толстое, чтобы послужить танку помехой. Незнамец все курил и

посматривал на танк и грузовик. Наконец он бросил окурок и махнул Соколову рукой:

– Спускайся, командир. Потолкуем. Чего кричать-то. И заглуши свой трактор.

– Белов, – приказал Алексей. – Всем с брони и держать округу на мушке. От танка не отходить. Логунов! Остаешься за меня, я спущусь, поговорю с этим лешим. Готовься открыть огонь и пятиться назад. Впереди ствол дерева толщиной около метра. Я пошел.

Никто не сказал ни слова. Приказ был выполнен быстро и точно. Бойцы заняли круговую оборону под снисходительным взглядом бородача. Соколов прыгнул на траву, поправил ремень с кобурой, сдвинул на затылок шлемофон и не спеша пошел к незнакомцу.

– Ну, что вы хотите? – спросил Алексей, разглядывая мужика вблизи.

Вид у того был самый обыденный. Типичный бригадир тракторной бригады или агроном. Глаза спокойные, чуть насмешливые. Смотрит с прищуром. То ли снисходительно, то ли одобрительно. Сапоги крепкие, ухоженные, одежда не рваная, даже не залатанная нигде. Алексею как-то сразу стало стыдно за свое войско, но он отогнал неуместные мысли.

– В гости тебя позвать, – ответил мужик. – Командир зовет тебя. Хочет познакомиться.

– Какой командир? – не понял Соколов.

– Да ты не бойся, служивый. Коли ты красный командир, то тебе бояться нечего. А с чужими, кто в не нашей форме, у нас разговор короткий. Ну, ты видел их там, на просеке.

– Ясно, ваша работа, – кивнул Соколов, решив, что сейчас задавать вопросы не стоит. – Хорошо, где ваш командир?

– Пойдем, – подхватив винтовку, сказал незнакомец.

Соколов повернулся и приказал Белову и шести автоматчикам следовать за ним.

Лейтенант думал, что встречный станет возражать и ставить условия, чтобы командир шел один, но тот остановился, дождался солдат и пошел впереди, показывая дорогу и огибая большие поваленные стволы. Несколько раз Алексею показалось, что он видит или ощущает присутствие других людей рядом в лесу. Возможно, это всего лишь напряженные нервы, а может, этот бородатый потому так себя свободно и чувствовал, что был не один.

Минут через двадцать они вышли к поляне, на которой виднелись аккуратные шалаши из веток. Некоторые были покрыты брезентом. Среди них горел костер. Несколько человек в гражданской одежде занимались

своими делами. Кто чистил оружие, кто зашивал одежду, кто чинил шалаши или пилил дрова. Но все замерли и подняли головы, когда на поляне появились незнакомые люди в военной рваной форме и с оружием.

Бородатый остановился посреди поляны, предложил Белову с бойцами перекурить, а Соколову велел войти с ним в шалаш. Нагнув голову, Алексей вошел внутрь и удивился, что внутри шалаш не был таким уж тесным, каким казался снаружи. Вполне приличное помещение высотой метра два и площадью около шести квадратных метров. У одной наклонной стены на лапнике, застеленном плащ-палаткой, лежал человек с перевязанной головой, до подбородка укрытый старым пальто и байковым одеялом. Волевое лицо было бледным.

Человек открыл глаза и посмотрел на Соколова так, что тому захотелось вытянуться и доложить о прибытии. Лежащий пошевелился, отогнул одеяло и пальто и попытался сесть. Бородатый бросился к нему, подхватил под локоть. И тут Соколов увидел зеленые петлицы генеральской полевой формы с двумя зелеными звездами. Теперь он узнал этого человека по фотографии. Странная слабость и одновременно волна облегчения прошли по телу. Алексей еле удержался, чтобы не улыбнуться.

– Товарищ генерал-майор, командир специальной группы младший лейтенант Соколов. По приказу командующего армией группа прибыла для вашей эвакуации через линию фронта.

– Что? – Казаков внимательно посмотрел на танкиста, потом на бородача: – Где ты его взял, Матвеев?

– Там, на просеке, Николай Степанович. Танк у них и грузовик немецкий. А на грузовике два десятка оборванцев с ружьями. Форма наша, но такое ощущение, что их волки в лесу драли или они всей оравой по кустам ползали неделю.

– Вот мои документы, товарищ генерал-майор. – Соколов протянул генералу свое удостоверение личности командира РККА. – Могу я говорить с вами наедине?

– Выйди, Матвеев, – разглядывая удостоверение, попросил Казаков бородача. Тот хмыкнул и вышел из шалаша.

Когда они остались вдвоем, Соколов коротко изложил ситуацию. Он рассказал, как получил приказ из штаба армии, как группу возглавили полковник Горбунов из штаба армии и майор Сорокин из Москвы. Как группа понесла большие потери в результате прорыва через линию фронта, как погибли Горбунов и Сорокин. И как Соколов все же нашел генерала. Рассказал он и о том, что его нынешняя пехота – освобожденные из плена красноармейцы.

– Ну, с самолетом у нас ничего не получится, – он возвратил удостоверение лейтенанту. – Негде его тут сажать. Да и не стоит рисковать. А ты, значит, и рацию мне привез. Что-то начальство какую-то странную заботу обо мне проявляет.

– А кто эти люди, товарищ генерал? – Соколов кивнул в сторону поляны.

– Считаю, что партизаны. Как в Отечественную войну 1812 года, как в Гражданскую. Народ поднимается на борьбу, лейтенант. Они меня отбили у немцев.

– С вами больше никого не было? Вы один?

– Нет, не один. Немцы меня схватили, когда мы со штабом корпуса пробивались из кольца. Оглушило меня, в руку ранило. Я был без сознания. А когда ребята Матвеева меня отбили, я им рассказал все. Они вышли на наших. Сейчас они тут, неподалеку. А это временный лагерь партизанский. Так, переждать непогоду, отсидеться. У них несколько таких, помимо основного с землянками.

– А почему вы не со своими, а здесь?

– Мои люди разведывают Липовку, лейтенант. Есть идея атаковать этот городок, разгромить небольшой гарнизон, захватить кое-какую технику для передвижения. А заодно продукты питания, оружие, боеприпасы. Да, там со мной еще несколько партийных руководителей со своим секретным архивом. Я сообщал в штаб армии. С ними что делать? Тебя не инструктировали на этот счет?

– Так точно. Архив нужно уничтожить и составить акт, но ни Горбунова, ни Сорокина в живых нет, а моя подпись может не удовлетворить политотдел.

– Ладно, понял.

Совещание было коротким. Несколько офицеров из состава штаба мехкорпуса с интересом рассматривали младшего лейтенанта-танкиста, который прошел немецкими тылами в поисках генерала Казакова. И нашел его.

Совещание проводил сам генерал.

– Товарищи офицеры. Мы с боями прошли не одну сотню километров. Мы сражались честно и выполняли приказ, каким бы тяжелым он для нас ни был. Корпус не погиб. Некоторые части были в процессе отхода переданы другим соединениям, многих товарищей мы потеряли в этих кровопролитных боях. Но самое главное, что мы сохранили, – это свою честь защитников Родины и знамя корпуса. И если сохранено знамя, значит, часть не будет расформирована. Она получит пополнение, матчасть и снова

будет бить врага. Но сейчас перед нами стоит очень сложная задача. Нам нужны оружие, боеприпасы, чтобы попытаться прорваться к фронту и соединиться с регулярными частями Красной Армии. Майор Бубенцов доложит вам суть разработанной нами операции. Прошу, Сергей Иванович.

Генерал сел, вытирая платком вспотевший лоб. Сидевший рядом с ним майор с пышными усами и глубокими залысинами у висков поднялся, откашлялся и взял в руку указку. На дереве, на самодельной, наскоро собранной деревянной раме растянули карту Соколова.

– Липовка – небольшой поселок в стороне от дороги. До войны он был сельскохозяйственным поселком, в котором работали машинно-тракторная станция, сельскохозяйственная лаборатория и опытное хозяйство сельхозинститута. К поселку перед войной была проложена железнодорожная ветка в связи с развитием животноводства и полевого растениеводства. А также в связи с размещением там складов дивизионного подчинения. Сейчас в Липовке немцы разворачивают ремонтные мастерские для танков и автотехники. В основном это ремонт двигателей и электрооборудования. Танковые двигатели привозят отдельно, грузовики и легковые автомашины доставляют на буксире или своим ходом. Гарнизон, как нам удалось установить, приблизительно рота автоматчиков, рота связи, восстанавливающая телефонную связь в районе поселка. В мастерских работают два десятка ремонтников, переброшенных из Могилева. В этих местах много подбитых танков, и восстановление их идет в нескольких таких же мастерских, разбросанных южнее Минска. Железнодорожная ветка разбита и не функционирует.

– Прошу прощения, товарищ майор, – поднял голову генерал. – Я перебыл вас. Ветка восстанавливается. На ней используют силы советских военнопленных. Одну такую группу освободил младший лейтенант Соколов, присутствующий здесь. Но об этом позже. Прошу продолжать.

План атаки на Липовку был прост. Около восьмидесяти человек, оставшихся в распоряжении Казакова, займут исходные позиции южнее и юго-западнее Липовки, в поле. Среди размытых полей, редкого кустарника и мелких овражков им наверняка удастся подойти к окраинам городка на необходимые для атаки 400 метров. Партизаны, в рядах которых много бывших бойцов, участвовавших в Гражданской войне, инструкторов ОСОАВИАХИМА, партийных аппаратчиков, займут позицию восточнее Липовки, в лесу. Это сорок два человека. Группа младшего лейтенанта Соколова при поддержке танка атакует первой вдоль железнодорожного полотна.

На рассвете следующего дня подразделения вышли на исходные

позиции. Соколов еще раз попробовал убедить генерала, что нужно связаться со штабом армии с помощью привезенной им рации. Но Казаков не соглашался. Он был уверен, что эфир прослушивается, а это позволит немцам узнать о месте расположения штаба корпуса.

Когда стрелки на часах показали пять часов утра, Алексей приказал заводить танк. Заурчал двигатель, следом заработал мотор трофейного грузовика. Обе машины двинулись вдоль железной дороги к городу. В полукилометре пехотинцы сошли с машины и развернулись в атакующую цепь. Напуганный потерями и побегом военнопленных командир немецкого гарнизона гауптман Мозель выставил усиленное наблюдение. Каково же было удивление немецкого офицера, когда утром ему поступило сообщение о приближении русских! Здесь, в двух сотнях километров от линии фронта?

Цепь солдат наступала вдоль железной дороги. В цепи шел русский танк. Гарнизон, поднятый по тревоге, стал занимать позиции на окраине, когда неожиданно из леса появилось новое атакующее подразделение. Люди в гражданской и полувоенной одежде двигались медленно, короткими перебежками и вели плотный ружейно-автоматный огонь. Проклиная эту страну и этот народ, Мозель стал отводить часть своих людей на другую позицию, чтобы прикрыть поселок со стороны леса. Откуда столько солдат, кто это, откуда взялся танк?

И когда со стороны поля вдруг послышалась редкая стрельба, когда там стали стрелять несколько немецких автоматов, гауптман застонал от бессилия. Он все понял. Поселок с его никчемным гарнизоном зажали с трех сторон. Прибежавший ефрейтор доложил, что с поля наступает большое подразделение русских. Они не поднимаются в атаку, они молча, без выстрелов, перебежками подбираются к окраинам. Несколько солдат роты связи убиты, больше там никого нет.

Стрельба со стороны железной дороги нарастала, ударила пушка. Потом еще и еще. Почти не переставая бил пулемет. Подбежавший майор Штанге с забинтованной рукой на перевязи рванул гауптмана за плечо.

– Отводите людей к мастерским! Что вы стоите? Там толстые стены, там можно закрепиться. Там стоят три исправных и готовых к отправке бронетранспортера! Очнитесь, Мозель!

Разорвавшийся рядом снаряд снес осколком Мозелю половину черепа и опрокинул обоих немецких офицеров на землю. Штанге со стоном стал поворачиваться на живот, выплевывая изо рта землю. В глазах у него все плыло. Он видел то солнце, двоившееся в клубах дыма, то ноги бегущих людей, то гусеницы танка. Потом его подхватили под руки и рывком

поставили на ноги.

Танк был на самом деле, это не было видением. Вот он стоит с бортовым номером 077, тот самый. В люке башни молодое лицо. Командир спрыгивает с танка, отбрасывает на спину шлемофон и приглаживает рукой светлые волосы, мокрые от пота. Он шевелит губами, и звук голоса не сразу доходит до майора. Русский командир, мальчишка, а совсем не седой матерый ветеран, говорил по-немецки.

– Вам повезло, что вы живы, майор. Теперь вам ничто не угрожает, я буду вас беречь. Если, конечно, вы со мной будете откровенны и ответите на все мои вопросы. А если откажетесь, то умрете. Как враг моей родины, как убийца мирного населения.

Стрельба уже смещалась к оврагу. Убегавшие немцы вяло отстреливались и падали один за другим в траву. Последний солдат не добежал до оврага и рухнул навзничь.

– Порядок! – сержант Белов опустил автомат и устало вытер лицо.

Прихрамывая, генерал Казаков шел по Липовке.

– Овсянников, посмотри еще и грузовики для раненых, формируй колонну. И пулеметы, пулеметы на бронетранспортеры поставь! Весь бензин, который есть на складе, – на моторы и отремонтированные танки. Поджигать, когда колонна тронется. Быстрее, быстрее, товарищи!

В батальоне майора Парамонова оставалась всего сотня с небольшим. Почти половина – легкораненые. Повсюду виднелись грязные бинты. Обещанная машина за тяжелоранеными, теми, кто не мог оставаться в строю, вышла час назад. А немцы снова накапливались за лесочком перед высотой 71,8. Третьи стуки непрерывных атак. Заклинило два перекалившихся пулемета. Кончались гранаты, от минометной батареи осталось всего два миномета и несколько десятков мин.

Парамонов в седой от пыли гимнастерке с мокрыми пятнами пота на спине и под мышками шел по разбитым окопам и подбадривал бойцов. Тела убитых уже не успевали относить. Складывали за окопом. Старший политрук Васильев сидел в стрелковой ячейке и затягивал бинт на кисти зубами.

– Как ты, Жора? – спросил Парамонов и присел на корточки рядом.

– Да я что, – махнул политрук рукой. – Обидно другое. Обидно, что умрем, а он пойдет дальше. Как бы умереть и не пустить. Сразу бы согласился, не раздумывая. А прямо сейчас, вот в эту секунду...

– Ты еще скажи, чтобы война сразу кончилась, – улыбнулся майор. – Давай попробуем еще немного не умирать. Ладно? Эту высотку немцам нельзя отдавать. Началось...

Майор поднялся на ноги и посмотрел вниз. Лесочек с двух сторон обтекали немецкие танки и бронетранспортеры с пехотой. Сейчас они развернутся и попрут на высоту. Их бы с закрытых позиций накрыть артиллерией, но ее уже нет. Нечем подбивать немецкие танки, кроме противотанковых ружей, гранат и бутылок с зажигательной смесью. А это значит, что подпускать врага придется очень близко.

– К бою! – крикнул майор и побежал по окопам к своему НП.

Шесть танков, восемь бронетранспортеров, два десятка грузовиков. Идут и не боятся уже, не высаживают пехоту сразу, как это было раньше, три дня назад. Знают, что нечем их достать. Еще сто метров, еще сто... еще на пятьдесят подпустить, чтобы не тратить впустую патроны к «ПТРам». Терпите, ребяташки, терпите. Не впервой нам.

Заработали пулеметы. Грузовики сразу встали, немецкие солдаты начали быстро выпрыгивать через борта и разбегаться по сторонам, многие старались залечь. Бронетранспортеры и танки прибавили ходу, стараясь закрыть броней пехоту. Отчетливо стали слышны выстрелы противотанковых ружей. Один бронетранспортер остановился... второй задымил и тоже замер. Танки открыли огонь с ходу из пушек и пулеметов.

Вот встал еще один танк. Молодцы, ребята! Немцы поднимались в атаку и снова ложились под пулеметным и ружейным огнем. Потом опять поднимались и шли. Они все ближе. Еще немного, и захлестнут окопы. Нет уже у батальона такой плотности огня, чтобы остановить их.

– Минометы, огонь!

Со второй линии обороны слышались хлопки. Мины рвались чуть ближе, потом разрывы сместились и стали рвать атакующую цепь. Немцы заматались, танки и бронетранспортеры ринулись вперед, на высоту, поливая окопы огнем пулеметов. Вот еще один танк встал, вот еще два бронетранспортера подбили. Майор вытер лицо рукавом гимнастерки и снял со стены своего блиндажа автомат. «Теперь только гранаты, бутылки и – в штыковую. Только контратаковать. Не удержимся, тогда хлынут в окопы, и – конец».

Когда загорелся еще один немецкий танк, а потом другой, когда комбат увидел, как заматалась пехота, как немцы стали прятаться за свои бронетранспортеры, он ничего не понял. Что произошло? Авиация? Наши? Но в небе чисто. А в поле загорелся еще один немецкий танк.

И тут Парамонов увидел, как из-за леса вылетела «тридцатьчетверка», развернулись три немецких бронетранспортера, обстреливая своих. А за ними пошла пехота – наша! Красноармейцы!

– Батальон! – поднявшись на бруствер окопа, закричал майор хриплым

голосом. – В атаку-у-у!

– Товарищ полковник, – Соколов вытянулся, приложив ладонь к шлемофону, – приказ штаба армии выполнен. Генерал Казаков вместе со штабом корпуса и знаменем выведен из окружения. При выполнении задания погибли...

– Спасибо тебе, лейтенант! – Полковник, представитель штаба, обнял танкиста, похлопал по спине. – Каких орлов страна рождает, а? Ты Соколов? Значит, соколов! Спасибо тебе!

Казаков, когда его, поддерживая под локоть, провожали до машины, обернулся, снова подошел к Алексею и тоже обнял его. Танкисты смотрели вслед, у всех закопченные лица со следами пота. Омаев вдруг заулыбался, когда к нему подбежал солдат, водитель грузовика, который доставил патроны на высоту.

– Руслан, живой! Ну, ты нигде не пропадешь! Здорово!

– Здорово, Мишка! – Омаев обнял парня. – Как там наши? В санбате давно не был. Как там Люда? Увидишь ее? Понимаешь, мы остаемся здесь, ты ей передай...

– Руслан... – Солдат опустил голову и замолчал.

– Что? – Танкист побледнел и нахмурился.

– Люда погибла. Три дня назад, во время налета. Санбат разбомбило. В братской могиле всех похоронили...

Соколов пошел к танку, надо было готовить позицию. Ему с танком и остатками вышедших из окружения солдат предстояло занять оборону на высоте вместе с батальоном Парамонова. И продержаться еще двое суток.

Лейтенант остановился и подождал идущего следом Омаева.

– Руслан! – позвал он пулеметчика.

Но чеченец смотрел куда-то мимо своего командира. Он шевелил губами, тихо говоря сам с собой. Потом лейтенант расслышал:

– Не для чего больше жить. Нет, она бы не одобрила, она любила всех, весь мир. Она бы хотела, чтобы я остался жить. И я так сделаю. Теперь они меня бояться будут. Теперь смерть будет смотреть им в глаза каждую минуту. За нее...

– Руслан! – снова позвал Соколов.

– Все в порядке, товарищ младший лейтенант! – твердо взглянул в глаза командиру Омаев и ответил как-то особенно: – Готов к бою! Просто у меня сейчас отняли самое дорогое, что было. Будущее.

– У нас у всех многое отняли, Руслан. Мы никогда уже не будем такими, как раньше. Теперь для нас мир навсегда изменился на «до войны» и «после войны». И от нас зависит, как быстро наступит это «после».

---

notes

Примечания

ТПУ – танковое переговорное устройство. Внутренняя проводная связь между членами экипажа через головные телефоны в шлемофонах и ларингофоны, застегивавшиеся на горле каждого танкиста.

Особые отделы в войсках появились только 17 июля 1941 года, после подписанного И. В. Сталиным Постановления ГКО СССР «О преобразовании органов 3-го Управления НКВД СССР в Особые отделы НКВД СССР».

Механический ручной прибор для измерения длины извилистых линий, чаще всего на топографических картах, планах и чертежах. На местности применяется аналог в виде «мерного колеса».

После ареста адмирала Канариса и расформирования в 1944 году абвера ему вменялись в вину три обстоятельства. 1. Провал в работе против спецслужб коалиции, в частности полный провал в таких операциях, как «Боярышник» (восстание в Южной Африке), «Тигр» (афгано-индийский конфликт), «Шамиль» (восстание на Кавказе) и др. 2. Сотрудничество с английской разведкой против Германии и участие в покушении на Гитлера. 3. Вина за провал плана «Барбаросса» – предоставление неточных и заведомо ложных сведений о Красной Армии и военном потенциале СССР. Такого рода обвинения стали появляться в окружении Гитлера фактически с начала войны с Советским Союзом.

Устаревшее название гроба. Пошло от обычая у некоторых древних славян покойников хоронить не в земле, а сжигать. Прах ссыпали в горшки и поднимали на высокие столбы, где устраивали небольшую «избушку». Такие столбы стояли вдоль дороги, ведущей в деревню. В некоторых районах вплоть до XX века сохранился обычай ставить «избушку» на могиле.